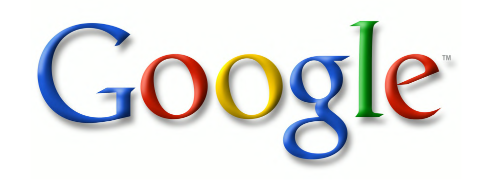

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ИЗОБРАЖЕНІЕ

ХАРАКТЕРА И СОДЕРЖАНІЯ

ИСТОРІИ

ТРЕХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1833.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 14 Марта 1833 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Благосклонный пріемъ просвѣщенными читателями книги моей: *Изображеніе характера и содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ* служилъ мнѣ и ободреніемъ и побужденіемъ предпринять второе изданіе оной съ разными перемѣнами и пополненіями, сообразно основательнымъ замѣчаніямъ, помѣщеннымъ въ извѣстнѣйшихъ журналахъ нашихъ. Вмѣстѣ съ симъ я распространилъ трудъ свой. Сколь ни отличною, по своему характеру и содержанію, представляется мнѣ Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ; она все же есть, такъ сказать, выводъ событій вѣковъ предшествовавшихъ. Въ жизни и судьбѣ народовъ нѣтъ перерывовъ, нѣтъ

ИЗОБРАЖЕНІЕ

ХАРАКТЕРА И СОДЕРЖАНІЯ

ИСТОРІИ

ТРЕХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

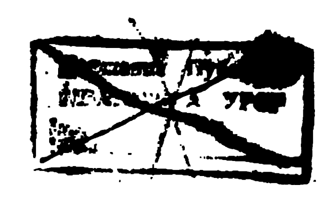
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 14 Марта 1833 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Благосклонный пріемъ просвѣщенными читателями книги моей: *Изображеніе характера и содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ* служилъ мнѣ и ободреніемъ и побужденіемъ предпринять второе изданіе оной съ разными перемѣнами и пополненіями, сообразно основательнымъ замѣчаніямъ, помѣщеннымъ въ извѣстнѣйшихъ журналахъ нашихъ. Вмѣстѣ съ симъ я распространилъ трудъ свой. Сколь ни отличною, по своему характеру и содержанію, представляется мнѣ Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ; она все же есть, такъ сказать, выводъ событій вѣковъ предшествовавшихъ. Въ жизни и судьбѣ народовъ нѣтъ перерывовъ, нѣтъ

остановки; самъ древній міръ, столь рѣзко отдѣленный отъ міра послѣдующаго, не такъ исчезъ для него, чтобъ не завѣщалъ сему послѣднему никакого отъ себя наслѣдія; а міръ Среднихъ вѣковъ — онъ въ ближайшемъ родствѣ съ міромъ трехъ послѣднихъ столѣтій. По сему, казалось мнѣ, что мое сочиненіе получитъ и большую полноту и большую отчетливость, когда представлено будетъ: какіе остатки прежняго міра, и какія новыя къ нимъ присоединенія составили собою элементы общественной жизни народовъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ, и какъ міръ историческій сихъ послѣднихъ вѣковъ вылился и образовался изъ міра, ему предшествовавшаго; сверхъ того и потребность учебная сдѣлала для меня таковое пополненіе необходимостію. На семъ основаніи присо-

единяется ко второму изданію: *Изображеніе характера и содержанія Исторіи Среднихъ вѣковъ*, которое составитъ книгу первую; но настоятельная потребность *нынѣ же* имѣть напечатаннымъ изданное прежде *Изображеніе*, составляющее въ семъ новомъ изданіи книгу вторую, есть причиною, что сія послѣдняя издается прежде. Вслѣдъ за нею приступлено будетъ къ печатанію книги первой. — Автору, вмѣстѣ съ благодарностію за пріемъ прежняго труда его, остается только желать, чтобы таковаго же удостоенъ былъ и сей новый.

И. Ш.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ХАРАКТЕРА И СОДЕРЖАНІЕ ИСТОРІИ ТРЕХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ВѢКОВЪ.

1. *Отличительный характеръ Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ состоитъ:* 1) *въ томъ, что разнородныя и доселѣ враждебныя стихіи государственнаго состава являются соединенными въ одно стройное цѣлое*; 2) *въ томъ, что Государства и народы историческіе находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Первое* произвело сосредоточеніе силъ Государства, прежде раздробленныхъ и расторженныхъ; утвердило вмѣсто выгодъ частныхъ одного сословія, одного мѣста, выгоды и цѣли общія, и сдѣлало возможнымъ существованіе большихъ націй; *второе* поставило Государства въ такое относительно другъ къ другу положеніе, что перемѣны, происходящія въ судьбѣ одного Государства, имѣютъ вліяніе и на судьбу другихъ, и возбуждаютъ въ нихъ участіе дѣятельное и живое. Мы не найдемъ подобнаго ни во временахъ, которыя объемлетъ Исто-

рія Древняя, ни въ Средней Исторіи. Въ тѣ времена, событія, отъ развязки которыхъ зависѣла судьба тогдашней вселенной, составляли, такъ сказать, частный расчетъ между народами, до которыхъ они непосредственно касались. Такъ Александру Македонскому дали тогдашніе народы свободно громить Персію; завоеванія дивныя, въ десять лѣтъ совершенныя, не пугали современниковъ; они, вѣроятно, и не знали объ нихъ, а тѣмъ менѣе, значитъ, могли оцѣнить послѣдствія, которыя для ихъ собственной судьбы должны были произойти отъ сихъ завоеваній. Зачѣмъ, наприм., Карѳагеняне, которые, какъ народъ торговый и уже владычествовавшій на Средиземномъ морѣ, болѣе всѣхъ прочихъ могли терять отъ успѣха Александровыхъ завоеваній, не вступились за Персовъ и не пріостановили быстрыхъ шаговъ побѣдителя? Развѣ они могли угадать, что смерть умчитъ Александра въ могилу преждевременную, и что зданіе, имъ сооруженное, распадется? И Александръ съ своимъ универсальнымъ умомъ развѣ не заперъ бы для нихъ Средиземнаго моря, и не вырвалъ торговли изъ рукъ ихъ, когда, сосредоточивъ силы своего огромнаго Государства въ Вавилонѣ, изъ Вавилона онъ далъ бы міру то устройство, которое приготовлялъ ему? Еще непосредственнѣе зависѣла судьба всей древней все-

ленной отъ окончанія столѣтней брани между Кареагенянами и Римлянами. И кто вступился за Кареагенянъ? Кто изъ народовъ и Государствъ, тогда еще независимыхъ, подумалъ, что, уничтоживъ Кареагенянъ, Римляне прострутъ свое иго на весь остальной міръ? Не будемъ принимать здѣсь въ соображеніе ни перемѣнчивой политики Сиракузянъ, которые по необходимости должны были участвовать въ сей борьбѣ, ни замысловъ Филиппа Македонскаго, при самомъ началѣ уничтоженныхъ Римлянами, ни запоздалыхъ предпріятій Антіоха Сирійскаго, худо начатыхъ и еще хуже исполненныхъ! Такъ было въ древнія времена, такъ было и въ средніе вѣки. Императоры Германскіе въ теченіе слишкомъ 400 лѣтъ стремятся къ утвержденію своей власти надъ Италіею, и сосѣднія Государства допускаютъ ихъ употреблять всѣ способы къ достиженію нескрываемой цѣли. Если сіи усилія остались тщетными, то вовсе не противоборствіе благоразумное и предусмотрительное Державъ постороннихъ, а особенное положеніе Германіи и Италіи, и всего болѣе могущественное вліяніе Папы были причиною, что виды Императоровъ Германскихъ не исполнились. Другой примѣръ: въ теченіе цѣлаго столѣтія Англичане воюютъ Францію (1340 — 1451), и по миру, заключенному въ

Труа (1420), Генрихъ V, Король Англіи, признанъ наслѣдникомъ Французскаго престола, и сынъ его, Генрихъ VI, еще въ колыбели получилъ корону Англіи и Франціи. Готовилось, слѣдственно, опасное для Европы соединеніе двухъ Государствъ подъ однимъ скипетромъ, и никто не потревожился сими успѣхами; никого не испугало таковое сліяніе силъ двухъ, столь важныхъ земель во едино. И это событіе, въ которомъ, по видимому, всѣ Государства Германскія и Германолатинскія соединены были для общей цѣли, въ которомъ, по выраженію свидѣтельницы онаго (*): «Европа, какъ бы сдви«нувшись съ своего основанія готова была ри«нуться на Азію,» — Крестовые Походы однимъ словомъ, не доказываютъ ли и они недостатка связи между Государствами, при всемъ томъ, что оныя въ сихъ предпріятіяхъ являются соединенными? Можно ли было бы, если бъ Государства состояли въ связи и знали короче другъ друга, хотя одному изъ нихъ обезоружить и — такъ сказать — обнажить себя, отправивъ лучшія и наибольшія свои силы на край свѣта, не опасаясь вредныхъ замысловъ сосѣдей? — Чѣмъ же изъяснить сей недостатокъ участія со стороны современниковъ и сосѣдей въ событіяхъ, отъ которыхъ могла зависѣть собственная

(*) Анны Комненой.

судьба ихъ, какъ не тѣмъ, что Государства были совершенно разлучены другъ съ другомъ, что каждое изъ нихъ жило своею отдѣльною жизнію, что не было между ними взаимныхъ сношеній, не было точки соединенія, ни интереса общаго. Отъ того рѣшительнѣйшіе перевороты могли совершаться въ какомъ нибудь Государствѣ, и сосѣди не принимали въ нихъ никакого участія, весьма часто не вѣдали объ оныхъ. Напротивъ, съ начала XVI вѣка дѣятельная жизнь разлилась по Европѣ; Государства пришли въ тѣсныя и непрерывныя сношенія. Сѣверъ только оставался нѣкоторое время какъ бы отдѣленнымъ отъ семейства Европейскаго, прикасаясь лишь временно къ прочей Европѣ, до тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій могущественною рукою своею измѣнилъ отношенія Сѣвера, ввелъ въ Россію жизнь Европейскую, и вдвинулъ Державу свою въ систему Европы.

2. Сія связь между Государствами, приготовленная силою Исторіи издалека, возрастала безпрерывно въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ, и достигла, въ наше время, такой степени, что нѣтъ почти происшествія сколько нибудь важнаго, которое бы и оканчивалось въ предѣлахъ того Государства, въ коемъ началося. Семь великихъ по своимъ послѣдствіямъ событій, въ періодѣ отъ начала

XIV до исхода XV вѣка совершившихся, наиболѣе измѣнили положеніе и отношенія Европейскихъ народовъ и дѣйствовали на таковое соединеніе и связь между Государствами. Сіи происшествія были: I) изобрѣтеніе компаса, II) пороха, III) книгопечатанія, IV) взятіе Турками Константинополя, V) и VI) открытіе Америки и морскаго пути въ Остъ-Индію, VII) утвержденіе Монархической власти въ Европѣ въ теченіе XV вѣка.

3. *I. Изобрѣтеніе компаса.* Замѣтимъ, что важность всякаго изобрѣтенія, такъ какъ и всякаго вообще происшествія, оцѣнивается по его послѣдствіямъ, и слѣдственно узнается или скорѣе или медленнѣе, смотря по тому, быстро или медленно развивались оныя. Современники рѣдко знаютъ цѣну самыхъ великихъ изобрѣтеній, потому что еще не предвидятъ, къ чему поведутъ оныя, и отъ сего то начало бо́льшей части благодѣтельныхъ усилій разума человѣческаго остается въ неизвѣстности, и любопытные потомки напрасно навѣдываются объ имени изобрѣтателя и мѣстѣ изобрѣтенія. Такимъ образомъ закрыты для нашего вѣдѣнія начала благодѣтельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ Искусствъ, тѣмъ болѣе, что часто великія изобрѣтенія были слѣдствіемъ не постоянныхъ, такъ сказать систематическихъ усилій разума, а дѣломъ

случая. Нерѣдко обрѣтали то, чего не искали, а того вовсе не достигали, что было предметомъ долговременныхъ трудовъ и бдѣній. Во всякомъ случаѣ не столь важно знать время изобрѣтенія, какъ время примѣненія онаго. Такимъ образомъ не знаемъ мы заподлинно, кѣмъ именно и когда изобрѣтенъ компасъ. Обыкновенно полагаютъ Флавіо Жіоію, Амальфійскаго уроженца, въ началѣ XIV вѣка, изобрѣтателемъ; по крайней мѣрѣ то достовѣрно, что въ XIV столѣтіи сіе орудіе было въ употребленіи у народовъ южной Европы, живущихъ около Средиземнаго моря, а отъ нихъ вскорѣ перешло къ другимъ обитателямъ приморскихъ странъ. Сіе простое орудіе, состоящее изъ магнитной стрѣлки, которая показываетъ всегда однимъ концемъ С., а другимъ Ю., дало людямъ способы отправляться въ открытое море, а не слѣдовать робко направленію береговъ, что должны были дѣлать по необходимости и самые отважные изъ древнихъ мореплавателей. Съ симъ вмѣстѣ мореплаваніе распространилось, разстоянія между землями и народами сократились, можно сказать исчезли; сообщенія между отдаленнѣйшими странами стали и легки и часты; совершились великія открытія; невѣдомыя новыя страны отверзлись передъ Европейцами, и сдѣлались для нихъ новыми точками соприкосновенія.

4. II. *Изобрѣтеніе пороха.* Начало его также неизвѣстно. Обыкновенно приписываютъ сіе изобрѣтеніе Францисканскому монаху, Алхимику Бертольду Шварцу, въ половинѣ XIV вѣка, «безъ сомнѣнія по внушенію злаго духа,» какъ выражаются простодушно современныя лѣтописи. Вещество сіе во второй половинѣ XIV вѣка стало быть употребляемо для пораженія непріятеля; начали приготовлять орудія, которыми можно было сражаться съ врагами издалека, и разрушать твердыни, ими противопоставляемыя, а вмѣстѣ съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія долженъ былъ совершенно измѣниться весь образъ войны; должны были употребляться другіе способы и для нападенія и для обороны, и прежнія феодальныя ополченія, собираемыя во время войны, и распускаемыя по окончаніи оной, сдѣлались вовсе неудобны. Нужно было имѣть особый классъ людей, привычныхъ обращаться съ новымъ оружіемъ, и дѣйствовать по новымъ, болѣе искусственнымъ способамъ нападенія и обороны. Учреждены *постоянныя войска*, въ заведеніи и содержаніи которыхъ вольные города предшествовали Государствамъ монархическимъ; но вскорѣ Монархи воспользовались симъ могущественнымъ средствомъ къ смиренію необузданной власти вассаловъ и къ возвышенію собственной. Во

Франціи, при Карлѣ VI, въ исходѣ XIV вѣка, положено первое основаніе сему учрежденію; но со временъ Карла VII, съ 1445 года, должно считать настоящее начало содержанія постоянныхъ войскъ, и въ теченіе XV вѣка въ большей части Европы уже существовали такія ополченія, содержимыя на жалованьѣ. Слѣдствіемъ сего нововведенія было то, что феодальная аристократія, уже сильно поколебанная прежними переворотами въ жизни и судьбѣ народовъ Европы, рѣшительно пала, и элементы государственнаго могущества, доселѣ раздѣленные и распорженные по рукамъ многочисленныхъ вассаловъ, сосредоточились въ рукахъ Монарховъ.

5. *III. Изобрѣтеніе книгопечатанія.* Три города: Майнцъ, Страсбургъ и Гарлемъ, спорятъ между собою о славѣ сего изобрѣтенія, которое столь крѣпко соединяетъ людей узами невидимыми, духовными. Вѣроятно въ Майнцѣ, около 1440 года, изобрѣтено «сіе достопочтенное Искусство,» какъ называетъ его лѣтопись, Гуттенбергомъ, которому сотрудниками въ дѣлѣ книгопечатанія были Шефферъ и Фаустъ. Вѣроятно Гуттенбергъ, прежде товарищества своего съ Фаустомъ, печаталъ уже книги въ Страсбургѣ, но печаталъ, вырѣзывая буквы на доскахъ, какъ и доселѣ дѣлаютъ Китайцы: способъ и дурной и трудный. Отдѣльными же литерами начали печа-

шать книги въ Майнцѣ. Удивленіе, смѣшанное съ ужасомъ, встрѣтило сіе новое изобрѣшеніе, сіе «дивное таинство,» какъ выражаются о семъ другія лѣтописи; суевѣріе, невѣжество и своекорыстіе преслѣдовали изобрѣтателей, но сіе-то самое и послужило къ распространенію изобрѣтенія, такъ, что къ исходу XV вѣка сіе Искусство сдѣлалось извѣстнымъ въ цѣлой Европѣ. Нужно ли указывать на великія послѣдствія отъ изобрѣтенія книгопечатанія? Безъ него образованіе осталось бы для народа недостижимою цѣлію по чрезвычайной рѣдкости и дороговизнѣ пособій къ ученію. Императоръ Карлъ IV, страстный къ познаніямъ, имѣлъ библіотеку изъ 114 рукописей, и подобное собраніе считалось уже рѣдкостію; понятно послѣ сего, до какой степени недоступно было просвѣщеніе для наибольшей части людей. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія средства къ ученію сдѣлались многочисленнѣе и дешевле, и Науки изъ монастырскихъ обителей, гдѣ онѣ прежде имѣли исключительный пріютъ, стали выходить въ свѣтъ и дѣлаться достояніемъ общимъ. Успѣхи разума человѣческаго, идеи и мнѣнія, стали быстро передаваться одною страною другой странѣ; великіе геніи въ Наукахъ перестали быть, такъ сказать, собственностію того народа, къ которому

принадлежали по рожденію: они сдѣлались общимъ достояніемъ всего человѣчества, и изъ сего быстраго обмѣна и идей и разнородныхъ мнѣній, составилось *общественное мнѣніе*, важнѣйшій, можетъ быть, плодъ книгопечатанія. Сіе общественное мнѣніе состоитъ въ томъ сходствѣ, какое въ слѣдствіе одинаковыхъ предметовъ и одинаковыхъ способовъ образованія, просвѣщенные люди всѣхъ земель имѣютъ на счетъ понятій своихъ объ *истинномъ*, *добромъ*, *изящномъ*. Въ такомъ смыслѣ общественное мнѣніе не существовало и не могло существовать ни у Древнихъ, ни въ средніе вѣки, или ограничивалось только тѣсными предѣлами одного города, одной небольшой области. Для народовъ новѣйшихъ сіе общественное мнѣніе есть хранительный залогъ взаимной безопасности Государствъ; есть сила невидимая, которой и великіе міра сего по необходимости себя покоряютъ. Диппольдъ справедливо говоритъ: «я сравнилъ бы общественное мнѣніе съ воздухомъ, съ эѳиромъ, въ которомъ всѣ жители Государства, отъ перваго до послѣдняго, живутъ и движутся; со стихіею, которая, если и можетъ быть отнята у человѣчества, то на время только, а не навсегда.»

6. *IV. Взятіе Турками Константинополя въ 1453 году.* Паденіе Греческой Имперіи, и

предвидѣнное и неизбѣжное, было важнымъ для Европы событіемъ. Мѣсто Грековъ занялъ народъ, чуждый Европѣ по своему языку, нравамъ, религіи, законодательству, по своему быту общественному и домашнему. Для самыхъ Грековъ, можетъ быть, благопріятнымъ еще обстоятельствомъ считать должно, что они пали отъ рукъ Турокъ. Въ качествѣ Государства независимаго они существовать не могли уже; а будучи покорены какимъ бы то ни было Европейскимъ народомъ, они исчезли бы неминуемо среди своихъ побѣдителей, подобно собратіямъ своимъ, Римлянамъ. Съ Турками же Религія, языкъ и нравы разлучали Грековъ; сліяніе побѣдителей и побѣжденныхъ въ одну націю было невозможно; слѣдовательно Греки и подъ игомъ жестокаго, но заслуженнаго рабства, могли сохранить свою народность, свой языкъ, свою Религію, свои воспоминанія; мысль объ отечествѣ могла одушевить потомковъ, непричастныхъ порокамъ и преступленіямъ предковъ; они могли выжидать благопріятной минуты, и дождались ее: независимость ихъ утверждена; но имъ нынѣ, говоря съ Поэтомъ:

Подвигъ новый предлежитъ:
Величіе въ покоѣ.

И трудный подвигъ! — Для Европы вторженіе Турокъ важно опять потому, что и сіе

обстоятельство содѣйствовало къ сближенію Европейскихъ Государствъ. Турки поставили себя въ постоянную вражду съ Христіанскими народами, слѣдственно со всѣми народами Европы; — общій страхъ, конечно болѣе произведенный невѣдѣніемъ Европейцевъ, нежели дѣйствительною силою Турокъ; общая опасность погибнуть, подобно Грекамъ, подъ ударами грозныхъ завоевателей, соединяла Европейскихъ народовъ къ общей оборонѣ. Подобно какъ нѣкогда въ Крестовые походы, стекались воины Франціи, Италіи, Германіи, Богеміи, Польши и Англіи на поля Венгріи, и ратуя подъ однимъ Христіанскимъ знаменемъ противу общихъ враговъ Христіанства, знакомились и сближались между собою, и общими силами останавливали покушенія Турокъ на независимость Европы. Конечно вліяніе опасности отъ Турокъ на соединеніе Европейскихъ Государствъ было временное: скоро (по смерти Солимана въ 1566) и Турки должны были отказаться отъ своихъ замысловъ на покореніе Европы, и Европейцы оцѣнили вѣрнѣе степень своихъ опасеній; но тѣмъ не менѣе въ свое время страхъ, произведенный Турками въ Европѣ, могущественно дѣйствовалъ на сближеніе Европейскихъ Государствъ.

7. *V. и VI. Открытіе Америки въ 1492 и морскаго пути въ Остъ-Индію въ 1498 годахъ.*

Безмѣрны и неисчислимы слѣдствія сихъ обоихъ открытій, которыя сами были слѣдствіемъ изобрѣтенія компаса. Ближайшее вліяніе ихъ оказалось на торговлю и мореплаваніе. Главнымъ поприщемъ торговли было дотолѣ Средиземное море, въ порты котораго привозились сухимъ путемъ произведенія Азіи и Африки; со времени же обоихъ открытій Океанъ сдѣлался великою торговою дорогою. *Первая* важная перемѣна: пока торговля главно производилась сухимъ путемъ, она не могла достигнуть ни такой обширности, ни такой важности, какъ морская; съ этихъ только поръ торговля начала дѣлаться вполнѣ всемірною, и стала на такую высоту, въ каковой вовсе неизвѣстна была для народовъ и Государствъ древняго міра и среднихъ вѣковъ. *Вторая* важная перемѣна та, что доселѣ торговля была въ рукахъ небольшихъ Государствъ, бо́льшею частію въ рукахъ нѣкоторыхъ городовъ Италіи (Венеція, Генуа) и городовъ Ганзейскаго Союза; съ сихъ же поръ не города отдѣльные, а могущественныя Государства получили ее въ свои руки. Испанія и Португалія были первыя; выгоды, ими пріобрѣтаемыя, устремили на то же поприще и другихъ народовъ: Голландцы и Англичане рано начали дѣлиться съ Испанцами и Португальцами выгодами торговли въ обѣихъ Индіяхъ,

и скоро превзошли ихъ въ обширности мореплаванія и въ торговыхъ оборотахъ. Распространеніе и усиленіе торговаго мореплаванія, и желаніе пріобрѣсти себѣ владѣнія въ другихъ частяхъ Свѣта повело къ учрежденію военныхъ морскихъ силъ, которыя также сдѣлались установленіемъ и постояннымъ и общимъ для всѣхъ Государствъ, имѣющихъ въ обладаніи своемъ берега морскіе; произошли *морскія Державы*: явленіе, принадлежащее также тремъ послѣднимъ вѣкамъ. Таковыя Державы не могли образоваться въ древнія времена, когда нельзя было думать о владычествѣ надъ открытымъ Океаномъ, ни о большихъ и въ мирное время содержимыхъ арміяхъ. Стремленіе, принять участіе въ богатой торговлѣ обѣихъ Индій, въ которой стали полагать главнѣйшій источникъ благосостоянія государственнаго, желаніе имѣть владѣнія въ сихъ богатыхъ странахъ, вскорѣ стало всеобщимъ; вскорѣ торговля сдѣлалась общимъ пунктомъ соединенія для Государствъ Европейскихъ, и не одинъ живой обмѣнъ произведеній природы и труда человѣческаго, а и обмѣнъ, не менѣе живой, идей и мнѣній произошелъ между народами. Можно утвердительно сказать, что ни одно событіе не дѣйствовало столько на соединеніе Государствъ, какъ открытіе Америки и пути въ Остъ-

Индію. Но не одни государственныя отношенія, а и самыя подробности домашней жизни измѣнились одинаково въ слѣдствіе сихъ событій. Америка и Остъ-Индія представили Европейцамъ множество новыхъ произведеній, или весьма мало или вовсе прежде неизвѣстныхъ, и представили ихъ въ такомъ количествѣ, что они сдѣлались предметами всеобщаго потребленія почти всѣхъ классовъ народа; отсюда новыя потребности жизни и необходимость придумывать новые способы къ ихъ удовлетворенію; отсюда быстрое развитіе ремесленности и искусствъ механическихъ, которыя, родясь отъ потребностей и опереживая оныя, сами раждаютъ новыя потребности и поддерживаютъ ту непостижимую дѣятельность умовъ и рукъ, которая разлита нынѣ по Европѣ, и которая стремится низвести довольство и благосостояніе въ самые нижніе ряды общества человѣческаго.

8. *VII. Утвержденіе Монархической власти въ Европѣ въ теченіи XV вѣка.* Когда въ слѣдствіе многихъ измѣненій, происшедшихъ преимущественно отъ XIII до XV вѣка въ быту общественномъ и во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ классовъ народа въ разныхъ земляхъ Европы, образовалась и утвердилась власть Монархическая, а вмѣстѣ съ нею единство, правильность и постоянство въ дѣлахъ управленія, тогда отношенія внѣшнія Госу-

дарствъ преимущественно сдѣлались достояніемъ Монарха, поелику сіи отношенія, по самому свойству своему, могутъ быть съ успѣхомъ завѣдываемы и наблюдаемы только одною особою. Тогда Монархи, какъ представители силъ каждый своего Государства и какъ оберегатели безопасности онаго отъ всякихъ вредныхъ замысловъ сосѣдей, стали тщательно познавать, наблюдать, изучать силы другъ друга. Лудовикъ XI во Франціи и Фердинандъ Католикъ въ Испаніи были основателями учрежденія, столь много содѣйствовавшаго къ сближенію, ко взаимному ознакомленію Государствъ, учрежденія *посольствъ*, сдѣлавшагося вскорѣ также общимъ. Усиленіе связей и сношеній дѣлало необходимымъ употребленіе способовъ, которые могли бы служить къ регулярному полученію извѣстій въ одномъ Государствѣ о состояніи другихъ. Лудовикъ XI, по своей политикѣ, безпокойной и подозрительной, желавшій знать все, что дѣлается въ сосѣднихъ Державахъ, ввелъ въ употребленіе отправлять письма черезъ гонцевъ постоянныхъ; современникъ его, Императоръ Максимиліанъ I, ввелъ то же самое въ Германіи: отселѣ начало *почтъ*, новаго могущественнаго средства къ сближенію Государствъ и народовъ.

9. Но если вышеизложенными событіями

приготовлено и произведено было сближеніе Государствъ и народовъ Европы, то съ другой стороны Европа имѣла уже сама въ себѣ элементы, которые дѣлали таковое сближеніе возможнымъ, и безъ которыхъ не могли бы столь всеобщими сдѣлаться и послѣдствія сихъ великихъ событій. Причины, произведшія то, что показанныя событія XIV и XV вѣковъ могли имѣть совокупное дѣйствіе на всю Европу, суть: I) сходство въ составѣ народонаселенія новыхъ Европейскихъ Государствъ; II) сходство въ вѣроисповѣданіи; III) въ образѣ правленія; IV) въ образѣ жизни и степени образованія.

10. *I*. Господствующее населеніе новыхъ Европейскихъ Государствъ составлено изъ трехъ только главныхъ поколѣній: *Славянскаго*, *Германскаго*, *Германо-Латинскаго*. Первое занимаетъ все пространство, ограниченное на С. берегомъ Сѣвернаго Океана, на В. Уральскими горами и рѣкою Ураломъ, на Ю. берегомъ Каспійскаго моря, сѣверною подошвою Кавказа, Чернымъ моремъ и горами Балканскими; на З. берегомъ Адріатическаго моря и цѣпью горъ, отъ сего берега къ С. до Дуная простирающеюся и оканчивающеюся у праваго берега Дуная, противу устья Моравы; отсюда по Моравѣ до верховья Одера и Одеромъ до Балтійскаго моря; далѣе по восточ-

ному берегу Балтійскаго моря до Сѣвернаго Океана. Не значитъ, чтобъ показанная граница на З. была послѣднимъ предѣломъ жилищъ Славянскаго народа; живутъ и на З. отъ Моравы и Одера Славянскія племена, но тамъ уже народность ихъ исчезаетъ болѣе и болѣе, и переходитъ въ Германскую; не значитъ также, чтобы и внутри сказанныхъ предѣловъ жили только Славянскіе народы; есть среди ихъ и иноплеменники: на СВ. Финны, на ЮВ. Татары, на З. Нѣмцы, Венгерцы и рзсѣянно Жиды; но только Славяне въ семъ краю господствовали и господствуютъ.— Германское племя занимаетъ средину Европы, границa по вышеописанной чертѣ съ народами Славянскими; на Ю. простираясь до подошвы высочайшаго Алпійскаго хребта, отдѣляющаго Швейцарію отъ Италіи; на З. ограничиваясь Рейномъ, а отъ устья сей рѣки берегомъ Нѣмецкаго и Норвежскаго морей, и на С. берегомъ Сѣвернаго Океана.—Все остальное пространство отъ Альповъ на Ю. и на З. отъ Рейна населено народами Германо-Латинскими (*). Посему и три только рода

(*) Исключеніе изъ сего общаго Европѣ состава народонаселенія дѣлаетъ полуостровъ къ Ю. отъ Балканскихъ горъ, населенный Турками и Греками. Первые, заслонивъ отъ соприкосновенія съ прочею

*

языковъ въ Европѣ: языки Славянскіе, Германскіе и языки, происшедшіе отъ Латинскаго. Другія части Свѣта не представляютъ въ семъ отношеніи сходства, столь разительнаго; различіе въ племенахъ и языкахъ тамъ чрезвычайно великое, и вотъ одна изъ причинъ, почему и историческіе народы Азіи и Африки, разлученные между собою происхожденіемъ и еще болѣе языкомъ, не могли имѣть ничего общаго другъ съ другомъ.

11. *II. Сходство въ вѣроисповѣданіи.* Всѣ господствующіе народы въ Европѣ суть Христіане; всѣ, слѣдственно, имѣютъ одно святое основаніе своей Вѣры — Евангеліе. Въ послѣдствіи времени мудрованія человѣческія образовали на семъ основаніи нѣсколько религіозныхъ системъ; но самое основаніе осталось неизмѣннымъ: оно — Истина Божія — выше всяческихъ мудрованій. Самые споры между разными системами Христіанства, преимущественно между Протестантами и Католиками, самыя войны, сими спорами порожденныя, открыли новыя точки соприкосновенія для народовъ, и служили новыми средствами ко взаимному ознакомленію и сближенію Государствъ. Времена религіозныхъ преслѣдова-

Европою послѣднихъ, и сами мало соприкосновенія имѣли съ нею, кромѣ обстоятельствъ войны и торговли.

нїй и ненависти миновались; благоразумная вѣротерпимость, столь сообразная съ завѣтомъ Спасителя, сдѣлалась правиломъ, которому послѣдовать стали всѣ Правительства, горькими опытами наученныя, что религіозные раздоры ведутъ Государство къ гибели и разоренію, и народы Европы пріучились считать себя братьями во Христѣ. Безъ сего основанія возможенъ ли бы былъ этотъ достопамятный актъ, которымъ Императоръ Александръ желалъ, такъ сказать, освятить политику Европы, этотъ *Священный Союзъ* (г. 1815), прямо изъ его возвышенно Христіанской души излившійся? По силѣ сего Союза, Государи Христіанскіе обязывались считать себя братьями и быть отцами своихъ народовъ, яко членовъ одного Христіанскаго семейства.—Какое же различіе вѣрованій представляютъ жители прочихъ частей Свѣта, начиная отъ народовъ, коснѣющихъ во тьмѣ грубѣйшаго идолопоклонства и неимѣющихъ ни какихъ положительныхъ правилъ для своей религіи, до народовъ, болѣе образованныхъ, но не менѣе заблуждающихся и разнящихся совершенно въ началахъ своей вѣры, до Магометанъ, Браминовъ, Будистовъ, послѣдователей Далай-Ламы и Фое? Въ семъ отношеніи, слѣдственно, между сими народами нѣтъ ничего общаго, ни какого союза.

12. *III. Сходство въ образѣ правленія.* Съ XV вѣка утвердилась въ Европѣ власть монархическая на развалинахъ буйнаго феодализма; съ тѣхъ поръ господствующій и сообразнѣйшій съ цѣлію гражданскихъ обществъ въ Европѣ образъ правленія есть *монархическій наслѣдственный.* Въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ только одна Республика достигла значительной силы и важности — Нидерландская, которая также приближалась къ формамъ Монархіи, имѣя наслѣдственнаго Штатгалтера, и въ наши времена (г. 1815), по возстановленіи ея политической самобытности, обратилась въ Монархію. Другое Государство, существующее въ качествѣ Республики и до нашихъ временъ — Швейцарія — не занимала никогда важнаго мѣста въ союзѣ Европейскихъ Государствъ, и не имѣла вліянія на дѣла Европы, такъ, что Монархіи Европейскія признали для Швейцаріи вѣчный нейтралитетъ. Два Государства имѣли образъ правленія монархическій избирательный: Германія и Польша; но Германія и въ продолженіе среднихъ вѣковъ не была Государствомъ въ полномъ и точномъ смыслѣ сего слова, не была т. е. обществомъ людей, управляющимся одною верховною властію и одними законами; а со временъ Вестфальскаго мира (г. 1648), и совершенно уже обратилась въ союзъ нѣ-

скольких самостоятельных Государств, которыя, более увлекаемыя силою воспоминаний, чем потребностями своей жизни общественной, избирали над собою одного общаго главу с титулом Императора и с весьма неопределенною властію, пока наконец в наши времена (г. 1815) Германія утверждена законно в том положеніи, в каком она была издавна: она составляет ныне Союз 34 монархических и 4 республиканских Государств, совершенно друг от друга независимых и в общих только делах соединенных общим Сеймом. Находящіяся в составе сего Союза Республики (вольные города: Гамбург, Бремен, Любек и Франкфурт на Майне), состоят более под покровительством Германскаго Союза, нежели составляют Государства самостоятельныя; притом же и будучи таковыми, сіи Государства, ограничивающіяся пределами одного города с его округом, были бы маловажны и незначащи. Польша, с 1572 года решительно превратившаяся в Монархію избирательную, утратою, по собственной вине, своего политическаго бытія доказала, сколь мало залогов государственной безопасности и благосостоянія представляет сей, можно сказать, чудовищный образ правленія. В устройстве монархическаго правленія в

Европѣ есть конечно разница между Европейскими Государствами; но сія разница служитъ только къ тому, что ею увеличивается масса практическихъ понятій объ устройствѣ государственномъ и о способахъ, коими цѣль всякаго общества: безопасность и благосостояніе, достигаема быть можетъ; а основаніе, а коренные уставы управленія государственнаго, а сущность государственнаго союза въ Европѣ всюду одна и та же: всюду *одна* особа, Монархъ, есть глава Европейскихъ обществъ. Можно бы сказать, что и въ Государствахъ Азіи и Африки образъ правленія одинаковъ. Такъ и дѣйствительно представляется съ перваго взгляда; но деспотическое правленіе, свойственное Государствамъ Азіи и Африки, не есть правленіе; оно основано не на правилахъ и законахъ прочныхъ и общихъ, а на личныхъ свойствахъ деспота; на его неограниченномъ произволѣ съ одной и на рабствѣ безотвѣтномъ подданныхъ съ другой стороны. И сколь ни противоположно Европейскому образу мыслей и понятій таковое правленіе, ошибочно было бы думать, что народы Азіи и Африки совершенно несчастны подъ властію своихъ деспотовъ. Народы сіи не знали и не знаютъ другихъ общественныхъ отношеній, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ издавна живутъ они: сіи отношенія совершенно

сообразны ихъ жизни, въ которой чувственность имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ разумомъ. Азіятскія и Африканскія Государства остались на первой степени образованія общественнаго, подобно первоначальнымъ обществамъ семейственнымъ, въ которыхъ ни какими особенными правилами не опредѣлены отношенія членовъ между собою, и въ которыхъ власть отца семейства опредѣляетъ все. Но семейство составляетъ одно цѣлое, соединенное взаимною любовію членовъ; соединеніе семействъ образуетъ поколѣнія, и власть отца семейства переходитъ на главу поколѣнія; но не переходитъ уже на поколѣнія любовь семейственная, составляющая основу семейственнаго союза. Изъ таковаго соединенія поколѣній составились Азіятскія деспотіи; власть отца семейства перешла на владыку Государства, но еще менѣе могла перейти любовь семейственная на общество, въ которомъ живутъ десятки милліоновъ народа. Въ замѣнъ сего остается, слѣдовательно, одно основаніе общественнаго соединенія: безусловное и безпредѣльное повиновеніе произволу главы Государства.

13. *IV. Сходство въ образѣ жизни и степени образованія.* И въ семъ отношеніи Европейцы отличаются отъ прочихъ жителей Земнаго Шара. Звѣроловы и рыболовы, номады,

бродящіе по степямъ необозримымъ, и наконецъ народы осѣдлые: вотъ составъ народонаселенія прочихъ частей Свѣта. Европа, напротивъ, *вся* населена народами образованными, которые живутъ обществами въ городахъ, въ деревняхъ. Таковой сходственный образъ жизни есть слѣдствіе, а вмѣстѣ и причина сходственныхъ промысловъ и занятій: земледѣліе, мануфактуры, торговля, составляютъ предметъ занятій и источникъ богатства всѣхъ Европейцевъ. Отъ сего опять сходственное раздѣленіе жителей Государствъ на классы, почти всей Европѣ общее: *классъ*, образованный народною промышленостію: земледѣльцы, мануфактуристы, купцы; *классъ*, составившійся отъ учрежденій религіозныхъ — духовенство; *классъ*, образовавшійся въ слѣдствіе уставовъ феодальныхъ и монархическихъ — дворянство и сословіе государственныхъ чиновниковъ; *классъ*, составившійся въ слѣдствіе распространенія и успѣховъ Наукъ и Художествъ — Ученые и Художники; нравы, права и взаимныя отношенія сихъ классовъ жителей сходственны во всѣхъ Государствахъ. Сіе-то самое сходство въ образѣ жизни ведетъ за собою сходство и въ степени образованія. Одни и тѣ же предметы человѣческихъ познаній составляютъ умственное занятіе Европейцевъ; по одинаковымъ систе-

мамъ они изучаются, и сходство въ семъ отношеніи придаетъ наибольшее единство Государствамъ Европы.

14. Замѣтимъ, что, не смотря на сіи разительныя черты сходства, Европейскіе народы и Государства сохраняютъ свое индивидуальное и чрезвычайно великое различіе; сходство не есть тождество. Такъ лица, принадлежащія къ одному семейству, имѣютъ главныя родственныя черты, указывающія на ихъ семейственное сходство; но каждое особенное лице имѣетъ свое индивидуальное и безконечно великое отъ другаго различіе. Сколько различій, напр. во нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ встрѣтить можно отъ народа до народа; сколько различія въ подробностяхъ устройства монархической власти, въ сектахъ религіозныхъ, въ Наукахъ, въ Художествахъ, въ ремеслахъ! Такимъ образомъ сходство и различіе могутъ существовать и существуютъ другъ подлѣ друга. Одно служитъ къ соединенію Государствъ; другое препятствуетъ водворенію и утвержденію совершеннаго единообразія и служитъ основаніемъ свободному развитію народности каждаго племени Европейскаго. Сама природа требуетъ сего различія и поддерживаетъ оное; ибо если въ Государствѣ только жизнь человѣка, такъ какъ и жизнь народа, достигаетъ сво-

его возможнаго развитія и усовершенствованія (1, 2), именно въ слѣдствіе обмѣна потребностей и понятій, обмѣна, возможнаго только въ Государствѣ: то должно существовать нѣсколько отдѣльныхъ Государствъ, по крайней мѣрѣ столько, сколько есть различныхъ народностей, чтобы дѣйствительно жизнь народовъ могла достигнуть таковаго усовершенствованія. — Но между тѣмъ, по силѣ сего-то именно сходства въ главномъ, и по силѣ вліянія указанныхъ и объясненныхъ выше великихъ происшествій, Государства Европейскія не могутъ существовать иначе, какъ въ тѣсной другъ съ другомъ связи и непрерывномъ другъ на друга дѣйствіи. Таковая тѣсная связь Государствъ и безпрерывное ихъ другъ на друга дѣйствіе называется *системою Государствъ.*

15. Подъ *системою Государствъ* должно собственно разумѣть соединеніе между собою сосѣдствующихъ, нравами, религіею и образованіемъ сходныхъ и многообразными выгодами другъ съ другомъ связанныхъ Государствъ. Каждое Государство въ отдѣльности имѣетъ цѣлію своего существованія *общественное благоденствіе*, котораго условія суть: *безопасность* и *благосостояніе* всѣхъ и каждаго. Чтобъ сія цѣль была достигнута, существуетъ въ каждомъ Государствѣ Верховная Власть, со-

ставляющая душу Государства. Верховная Власть придумываетъ и производитъ въ дѣйство мѣры и средства, служащія къ достиженію благоденствія, и имѣетъ силу *принудить* всѣхъ членовъ Государства содѣйствовать, или по крайней мѣрѣ не препятствовать достиженію сей общей цѣли. Государство, вступая въ неизбѣжныя сношенія съ другими, не только не расположено жертвовать частію сихъ своихъ собственныхъ цѣлей, но именно чрезъ таковое соединеніе надѣется вѣрнѣе ихъ достигнуть. Посему должно, чтобы Государства, находясь въ соединеніи и безпрерывно дѣйствуя другъ на друга, не только не препятствовали, а споспѣшествовали одно другому въ достиженіи цѣли, для всѣхъ ихъ одинаковой — *благоденствія.* Изъ сего слѣдуетъ, что необходимы нѣкоторыя общія правила, по которымъ бы Государства дѣйствовали, чтобы ихъ сосуществованіе было возможно, и чтобы каждое могло невозбранно достигать своей цѣли. Правила сіи и дѣйствительно существуютъ для Государствъ, и опредѣляются между ними, или *общественнымъ мнѣніемъ*, или, еще положительнѣе, *договорами.* Совокупность таковыхъ правилъ, по которымъ Государства должны дѣйствовать, чтобы каждое невозбранно до-

стигало своей цѣли, называется *Народнымъ Правомъ*.

16. Но сколь бы ни опредѣлительно Правомъ Народнымъ обозначены были отношенія между Государствами, они могутъ быть нарушаемы, и весьма часто. Государства въ дѣйствіяхъ своихъ совершенно свободны. Нѣтъ надъ ними верховной власти, которая бы удерживала ихъ въ предѣлахъ законности; нѣтъ судіи, который бы произносилъ приговоръ ихъ поступкамъ. Изъ сего явствуетъ, что самыя постановленія Народнаго Права тогда только могутъ имѣть прочность и служить залогомъ благоденствія народовъ, когда отношенія между Государствами такъ устроены, чтобы покушенія одного на независимость другаго были невозможны, или, по крайней мѣрѣ, сколько можно менѣе возможны. Когда же могутъ устроиться таковыя отношенія? Какимъ образомъ Верховная Власть каждаго Государства достигнетъ того, чтобы не имѣть опасенія на счетъ своей безопасности государственной со стороны сосѣдей? Одно къ сему средство: должно сдѣлать Государство столь сильнымъ, чтобы сосѣди не могли надѣяться безнаказанно нарушать его безопасность; ибо одна только сила, при совершенно свободныхъ дѣйствіяхъ Государствъ, можетъ каждому изъ нихъ служить ручатель-

ствомъ за безопасность внѣшнюю, безъ которой благоденствіе невозможно. Но каковы же должны быть тѣ отношенія, въ которыхъ находясь, Государство можетъ полагать, что оно достигло этой степени силы и въ состояніи не бояться нарушенія безопасности со стороны соcѣдей?

17. Коль скоро уже совершенно уединенное существованіе Государствъ сдѣлалось невозможнымъ, и безпрерывное ихъ другъ на друга дѣйствіе необходимымъ (14); то представляются только *три* способа, при которыхъ возможно сохраненіе безопасности Государства отъ вредныхъ замысловъ сосѣдей: I. Государство можетъ стремиться къ тому, чтобы другія или совершенно признали власть его надъ собою, или бы по крайней мѣрѣ принуждены были располагать свои дѣйствія по его предписаніямъ. II. Государства могутъ учредить общее судилище, конгрессъ, въ родѣ Амфиктіонскаго суда древнихъ Греческихъ областей, на которомъ бы рѣшились ихъ недоразумѣнія, распри и ссоры. III. Они могутъ, оставаясь совершенно свободными въ своихъ дѣйствіяхъ, обезпечивать себя отъ невыгоднаго на нихъ дѣйствія Государствъ постороннихъ, союзами, посредствомъ которыхъ они будутъ стараться не дать одному какому либо Государству опаснаго перевѣса

надъ всѣми прочими, или, по крайней мѣрѣ, не дать ему употреблять во зло своего перевѣса. Разсмотримъ, которое изъ сихъ положеній Государствъ относительно другъ къ другу можетъ представить наилучшее ручательство за независимость и безопасность всѣхъ ихъ.

18. I. Не иначе можно представить себѣ первое положеніе Государствъ, какъ принявъ, что одинъ какой нибудь народъ властвуетъ, и что всѣ другіе подчиняютъ свои дѣйствія его властительству, и слѣдственно жертвуютъ ему своимъ драгоцѣннѣйшимъ благомъ — самобытностію. Таковой порядокъ вещей осуществился бы во *всемірной монархіи.* Но какимъ образомъ можетъ произойти всемірная монархія? какимъ образомъ одинъ народъ можетъ подчинить своему властительству другіе народы? — Не иначе, какъ войною и кровопролитіями, насиліями и злодѣйствами! Не этимъ ли кровавымъ слѣдомъ означенъ въ Исторіи путь завоевателей, начиная отъ древнихъ полубаснословныхъ воителей Востока и оканчивая временами новѣйшими? И къ чему стремились ослѣпленные? Достигали ли они когда нибудь того, чтобы покорить *всѣ* народы? Всегда оставалось больше странъ и народовъ независимыхъ, нежели сколько они успѣвали оныхъ поработить се-

бѣ. Долговѣчны ли были огромныя Монархіи, ими сооруженныя? Онѣ рѣдко переживали своихъ основателей! Ихъ творенія, противныя природѣ (14), распадались, какъ скоро въ душахъ народовъ, оглушенныхъ громомъ оружія и побѣдными кликами, оживали воспоминанія старины; ибо, уничтожая самобытность народовъ, завоеватели не могли уничтожить ихъ Исторіи; минувшее, какъ и будущее, не въ ихъ власти. Если же покоренные народы, переживъ сами себя, и не воскресаютъ для Исторіи, то и въ семъ случаѣ Государство, котораго составныя части не только ничѣмъ не связаны, но еще враждебны между собою, дѣлается легкою добычею перваго отважнаго непріятеля. И какими гибельными переворотами сопровождается таковое насильственное расторженіе огромныхъ Монархій, сдвинутыхъ изъ разнороднѣйшихъ частей завоеваніями, это ясно представляетъ Исторія, на скрижаляхъ которой кровавыми чертами обозначена окончательная судьба ихъ.

19. Но забудемъ на время и способы, какими завоеватели созидали огромныя Монархіи, не будемъ представлять и обстоятельствъ, коими сопровождалось ихъ паденіе, и бросимъ взглядъ на состояніе таковой Монархіи, во время ея существованія, по видимому цвѣтущаго. Сущность таковаго владычества, какъ

выше сказано, въ томъ состоитъ, что есть одно *главное*, или центральное Государство, которое содержитъ *многія* другія Государства и народы или въ совершенномъ и полномъ подданствѣ, или, подъ обольстительнымъ названіемъ союзниковъ, въ тягостной отъ себя зависимости. Сіе послѣднее отношеніе есть обыкновенно только временное, и переходитъ, рано или поздно, неминуемо въ первое. Сліяніе сихъ двухъ элементовъ въ одно стройное цѣлое возможно только въ одномъ случаѣ: когда властительный народъ превосходитъ *всѣ* покоренные народы числомъ, богатствомъ, образованіемъ: случай рѣдкій, почти невозможный, развѣ если таковой народъ утверждаетъ власть свою надъ странами, которыя еще не имѣли Исторіи. Но и въ семъ послѣднемъ случаѣ необыкновенная мудрость, необыкновенная дѣятельность и умѣренность Правительства и многіе вѣки потребны къ тому, чтобы сплавить разнородныя части въ одно нераздѣльное цѣлое. Посему всего естественнѣе принять, что сіи разнородныя части и останутся навсегда разнородными, и слѣдственно враждебными: выгоды и виды ихъ совершенно противоположны. Народы зависимые, влекомые силою Исторіи, ежели они не вовсе для нея отжили, будутъ стремиться къ возвращенію своей

независимости, а между тѣмъ пока наступитъ благопріятная минута, принуждены жертвовать всѣмъ своимъ благомъ пользамъ и выгодамъ властительнаго народа, или страстямъ и своенравію завоевателя. Горделивые правители, поставляемые его рукою, и съ ними толпа мелкихъ чиновниковъ, приносятъ съ собою въ страны, имъ ввѣряемыя, которыхъ ни языка, ни нравовъ они не знаютъ, чванство, нахальство, нерѣдко презрѣніе къ народу покоренному;

Земли не взлюбитъ нашей
Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ.

Такіе правители безжалостно будетъ угнетать народъ, имѣя въ виду и собственное скорое набогащеніе и желаніе отличиться ревностію къ пользамъ своего владыки; они будутъ видѣть въ каждой законной настойчивости признаки возмутительнаго буйства, и почтутъ необходимымъ усугублять свои притѣсненія. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ судьба побѣжденныхъ народовъ будетъ непрерывною цѣпію страданій, изъ которыхъ наибольшимъ почтено должно быть это глубоко оскорбительное чувство униженнаго національнаго достоинства, когда народъ видитъ, какъ иностранцы тучнѣютъ его богатствами, и жнутъ, гдѣ не сѣяли

какъ пути къ отличіямъ и выгодамъ житейскимъ заставлены ими (*)! Но не лучше, или, по крайней мѣрѣ не на долго лучше и состоя-

---

(*) Иногда народъ и не въ слѣдствіе завоеванія, а по стеченію обстоятельствъ, или по видамъ Правительства, дѣйствующаго въ благомъ желаніи образовать оный, подчиняется вліянію чужеземныхъ обычаевъ и образованія. Сіе обстоятельство, благодѣтельное въ началѣ, можетъ имѣть противныя послѣдствія, коль скоро водворяется явное и общее предпочтеніе чужому передъ своимъ народнымъ. Высшіе классы принимаютъ тогда обычаи совершенно иноземные и отдѣляются отъ своего народа; даже Правительство привыкаетъ нечувствительно смотрѣть на народъ свой, какъ на народъ младенчествующій, хотя младенчество его, можетъ быть, давно уже прошло; привыкаетъ думать, что народъ его въ Наукахъ, Искусствахъ и промышлености никакъ не въ состояніи равняться съ покровительствуемыми чужеземцами, которые, находясь, яко переселенцы среди природныхъ жителей въ небольшомъ числѣ, составляютъ собою какъ бы особенное общество, твердо держатся другъ за друга и хитро стараются питать мысль о своемъ превосходствѣ въ лицахъ правительствующихъ. И кто жъ бываютъ эти переселенцы? Безъ сомнѣнія, рѣдко самые лучшіе люди той страны, изъ которой они переселяются! Наконецъ и въ самомъ народѣ раждается недовѣріе къ собственнымъ своимъ силамъ и способностямъ; духъ рабскаго подражанія овладѣваетъ имъ, и нація надолго, можетъ быть навѣки, коснѣетъ въ незначитель-

ніе властительнаго народа. Онъ можетъ держаться только силою оружія: ибо покоренные народы однимъ страхомъ могутъ быть удержаны въ повиновеніи. Отъ сего необхо-

---

ности, утративъ въ одной своей части совершенно свою народную физіономію, а въ другой сохранивъ только грубость и невѣжество старины. Таково положеніе Венгерскаго народа. Кипучая кровь Азіятская течетъ въ его жилахъ; онъ занялъ страну, щедро надѣленную отъ природы всякимъ привольемъ для жизни и промысловъ, одну изъ прекраснѣйшихъ странъ въ мірѣ. Какой бы, можетъ быть, высоты достигъ этотъ народъ, если бы національное его развитіе не было въ самомъ началѣ остановлено и такъ сказать поглощено вліяніемъ чужеземнымъ! Король Стефанъ (отъ 997 — 1038), принявъ изъ Германіи Христіанскую Вѣру, хотѣлъ водворить и устройство Германіи среди своего, еще полукочеваго народа. Избравъ себѣ во всемъ за образецъ Германію, онъ положилъ основаніе тому предпочтенію, которымъ пользовались Нѣмцы въ Венгріи, къ обидѣ природныхъ жителей. Въ добромъ желаніи имѣть для разнородныхъ націй, изъ которыхъ состояло населеніе его Королевства, общій языкъ, и тѣмъ самымъ ускорить ихъ сліяніе въ одинъ народъ, онъ ввелъ въ употребленіе языкъ Латинскій, и тѣмъ лишилъ Венгерцевъ и національной Литературы. Преемники его дѣйствовали въ этомъ же странномъ ослѣпленіи. И что сталось съ Венгерскою націею, исполненною духа доблестнаго? Какое мѣсто занимаетъ она нынѣ въ семействѣ рода человѣческаго? Что прибавила она къ общему образованію человѣчества?

димо образованіе и содержаніе огромной вооруженной силы, которая была бы въ состояніи подавить всякое движеніе между покоренными народами; сія вооруженная сила должна увеличиваться по мѣрѣ увеличиванія завоеваній, пока наконецъ цѣлый властительный народъ сдѣлается, такъ сказать, народомъ солдатъ. Кичливость, духъ своевольства и хищенія, торопливость наслаждаться легко пріобрѣтенными сокровищами — добычами войны насильственной — отъ того роскошь безразсудная и хвастливая пышность немногихъ, обогатившихся войною, въ противоположность съ жестокою бѣдностію прочаго народа; презрѣніе къ мирному гражданскому быту, къ сословіямъ, непринадлежащимъ къ воинственной кастѣ и къ ихъ занятіямъ; дикая праздность въ тѣ промежутки времени, когда умолкаетъ звукъ оружія: вотъ качества, которыми будетъ отличаться народъ — завоеватель. Таково было положеніе Рима во время его всемірнаго властительства; такокое же готовилось Франціи подъ властію Наполеона. Военная дисциплина — эта душа воинства, имѣющаго высокое назначеніе охранять безопасность отечества и престола отъ всякихъ враждебныхъ замысловъ — ослабѣваетъ въ отдаленныхъ и долговременныхъ походахъ, и наконецъ совсѣмъ истребляется;

воины пріучаются къ мысли, что участь народовъ въ рукахъ ихъ и ихъ предводителя; слава и корысть поглощаютъ въ душахъ ихъ всѣ страсти; и съ одинакимъ равнодушіемъ они будутъ готовы обратить свое оружіе противу своихъ соотечественниковъ, какъ и противу враговъ. Не видимъ ли мы многочисленныхъ тому примѣровъ въ Исторіи Рима? Не выводили ли Марій и Силла, Помпей и Юлій Цезарь, Октавій и Антоній сотни тысячъ Римскихъ воиновъ другъ противъ друга? Сіи сотни тысячъ рѣзались не за благоденствіе и славу Рима, а за то, которому изъ вождей быть первымъ и властвовать.

20. Но казалось бы, что по крайней мѣрѣ внѣшняя безопасность тогда будетъ вполнѣ достигнута, когда всѣ Государства составятъ одно, и что бичъ народовъ, война, которая не перестанетъ дотолѣ, пока будутъ существовать другъ подлѣ друга независимыя Государства, что война будетъ невозможна, и народы будутъ благоденствовать въ вѣчномъ мирѣ. Дѣйствительно, сія мысль могла увлекать многихъ завоевателей; мы не въ правѣ считать ихъ всѣхъ только слѣпыми честолюбцами, и полагать, что они вели войны для одного удовольствія проливать кровь, или для одного насыщенія своего славолюбія, а не пополняли своимъ дѣйствіямъ

какой нибудь благородной и возвышенной цѣли. Древніе завоеватели Востока, при тогдашнемъ состояніи географическихъ познаній, могли еще сверхъ того быть обмануты и своими понятіями о землѣ, и считать возможнымъ осуществить мечту свою: завоевать цѣлый міръ. Въ самомъ дѣлѣ, какое благоденствіе воцарилось бы, по видимому, во вселенной, когда всѣ народы, живя въ вѣчномъ покоѣ, безмятежно наслаждались бы своею жизнію!...

21. Но жить значитъ дѣйствовать. Въ природѣ все живетъ, потому что все находится въ безпрерывной дѣятельности, усиливающейся соразмѣрно съ препятствіями, ей противопоставляемыми; остановка сей дѣятельности была бы всеобщая смерть. Такъ и въ родѣ человѣческомъ. Только препятствіями и нуждами возбуждается и растетъ наша дѣятельность; только среди опасностей духъ человѣческій сознаетъ свою безсмертную силу и раскрываетъ въ себѣ свойства возвышенныя, которыя исчезли бы въ дремотѣ непрерывнаго покоя. Когда подвиги самоотверженія, чудеса патріотизма и чаще и блистательнѣе свершаются, какъ не въ годину бѣдствій? когда человѣкъ довѣрчивѣе и искреннѣе тѣснится къ человѣку, какъ не въ минуту опасностей войны? Нѣтъ! война не

есть величайшее зло для народовъ: утрата своего національнаго достоинства, ослабленіе доблестныхъ силъ человѣческаго духа, праздность, грубыя чувственныя наслажденія и развращеніе нравовъ, всего скорѣе происходящее въ народѣ, лелѣемомъ покоемъ долговременнымъ, составляетъ гораздо бо́льшее зло. Какъ день и ночь, зима и лѣто, сонъ и бодрствованіе, такъ же естественна подлѣ мира война; основаніе ея лежитъ въ природѣ человѣка; она неизбѣжна, пока образованіе человѣчества не сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ оно, вѣроятно, никогда не будетъ — общимъ и совершеннымъ; она содѣйствуетъ успѣхамъ сего образованія, именно тѣмъ, что способствуетъ развитію и усовершенствованію силъ духа человѣческаго. Посему, и соглашаясь съ тѣмъ, что война есть источникъ великихъ бѣдъ для людей, подвергающихся ея дѣйствіямъ, ее именно по этому и должно почитать орудіемъ, которое употребляетъ Провидѣніе для искушенія народовъ бѣдствіями и для ихъ возрожденія.

Ниспосылаемый Имъ Ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена,
И обновленныя — пышнѣе расцвѣтаютъ.
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возраждаютъ.

22. Слѣдовательно добродушное желаніе филантроповъ, чтобъ вовсе не было войны между народами, сходно было бы съ желаніемъ, чтобы бури вовсе истребились въ природѣ, а озера и болота остались. Притомъ, дѣйствительно ли смолкнетъ война, коль скоро утвердилась бы Всемірная Монархія? Нѣтъ, припоминая (18, 19), какимъ образомъ сооружается таковая Монархія и чѣмъ она держится, должно считать войну неизбѣжною на все время ея существованія и для того уже, чтобы вооруженныя силы въ безпрестанной были дѣятельности, чтобы не погасъ въ нихъ воинственный духъ, и чтобы въ народахъ покоренныхъ не ослабѣло это чувство страха къ силамъ народа завоевателя, чувство, которое удерживаетъ ихъ въ повиновеніи сему послѣднему. Миръ есть смерть для народа завоевателя; онъ долженъ отыскивать безпрерывно новыхъ непріятелей, и между тѣмъ (*), чѣмъ далѣе расширяются завоеванія, тѣмъ болѣе удаляются они отъ средоточія Государства, тѣмъ труднѣе они дѣлаются, тѣмъ слабѣе сила, тѣмъ многочисленнѣе мѣста, на которыя можетъ пасть ударъ непріятеля, тѣмъ огромнѣе суммы, которыя нужны для военныхъ предпріятій. Наконецъ издержки, которыхъ требуютъ завоева-

(*) Заалфельдъ.

нія, не будутъ вознаграждаться тѣмъ, что пріобрѣтается ими; препятствія разнаго рода, скопляясь, принудятъ наконецъ остановиться. Всякая такая остановка есть обратное шествіе. Бѣдное и разслабленное внутри; войска, одичалыя въ войнѣ, или въ мирѣ необузданныя, праздныя, утратившія свой воинственный духъ; народъ — сборище расточителей и нищихъ, безъ силы и характера: въ такомъ видѣ явится рано или поздно всякое Государство, которое живетъ завоеваніями, коль скоро наконецъ искусственное напряженіе ослабѣетъ, и оно принуждено будетъ остановиться. Въ такомъ положеніи неизбѣжно совершенное паденіе подобнаго Государства и отторженіе отдаленныхъ провинцій; возмущенія намѣстниковъ и союзниковъ приводятъ наконецъ неминуемое расторженіе нестройной громады, если ещё прежде нападеніе мужественнаго непріятеля не ниспровергнуло шаткаго зданія. И когда въ Римѣ, по утвержденіи его всемірнаго владычества, происходили наиболѣе ужасныя сцены, какъ не въ то время, коль скоро прекращались завоеванія внѣшнія? И обновился ли, усилился ли, облагородился ли Римъ въ эпоху, столь несправедливо Историками называемый *золотой вѣкъ Римской Имперіи*, отъ Нервы до кончины Марка Аврелія (отъ 96—180 г. по Р. Х.)?

Если бы дѣйствительно обновились его силы и возвратились къ нему прежнія доблести, то возможно ли, чтобы по кончинѣ Марка Аврелія столь быстро и столь неудержимо Имперія устремилась къ своему паденію? Нѣтъ, и въ сіи, несправедливо превозносимыя времена, человѣчество подъ властію Римлянъ страдало по прежнему; это счастіе, по словамъ Лудена, состояло въ спокойномъ отдохновеніи людей утомленныхъ, состояло въ привольной тишинѣ послѣ страшныхъ бурь, состояло въ удобствахъ жизни, нѣгѣ и сластолюбіи. — Разрушеніе продолжалось, но не столь было примѣчаемо: это былъ тихій сонъ больнаго, котораго лелѣютъ сладкія видѣнія! Нѣтъ! всемірное владычество не можетъ служить залогомъ благоденствія ни для народа властвующаго, ни еще менѣе для народовъ подвластныхъ.

23. II. Еще менѣе ручательства за независимость и безопасность внѣшнюю Государствъ представило бы *учрежденіе Европейскаго Конгресса.* Таковой Конгрессъ имѣлъ бы цѣлью составлять собою судилище, котораго опредѣленія служили бы законами для всѣхъ Государствъ. Но кто же бы составлялъ таковой Конгрессъ? Сами Государи, или уполномоченные отъ нихъ? Первое неудобно потому, что Государи были бы судьями и подсу-

димыми въ собственномъ своемъ дѣлѣ; второе еще неудобнѣе потому, что Государи обязаны были бы въ семъ случаѣ подчинять свои дѣйствія приговорамъ своихъ подданныхъ. И гдѣ же таковой Конгрессъ взялъ бы средство принудить дѣйствовать сообразно своимъ опредѣленіямъ всякое Государство, которое бы имѣло и силу и волю противиться онымъ? Что дѣйствительно подобное учрежденіе не произвело бы того, чего себѣ отъ онаго обѣщаютъ, это ясно доказываетъ Исторія. Какую власть имѣлъ Амфиктіонскій сеймъ въ древней Греціи? Онъ не остановилъ ни одной войны между Греческими Государствами, не положилъ преграды ни одному притѣсненію сильнѣйшихъ, и самъ трепеталъ то предъ Аѳинами, то передъ Спартою. То же скажемъ и о подобномъ учрежденіи, бывшемъ въ древней Руси. Планъ Мономаха, остановить посредствомъ Княжескихъ съѣздовъ обнаруженіе междоусобій, дѣлаетъ болѣе чести его сердцу, чѣмъ его дальновидности. Что вышло изъ этихъ съѣздовъ? Олегъ Святославичъ, наприм., рѣшительно объявилъ, что онъ не пойдетъ на съѣздъ и не признаетъ суда его и ничьего надъ собою; а Давиду Игоревичу не помѣшалъ этотъ съѣздъ совершить ужасное злодѣйство надъ благодушнымъ витяземъ Василькомъ Ростиславичемъ. Самый обширный планъ се-

го рода былъ мечтательный планъ Генриха IV: учрежденіе въ Европѣ такъ называемой *Христіанской Республики.* Добродушный Король Франціи и Министръ, другъ его Сюлли, предполагали раздѣлить Европу на 15, сколько можно равныхъ силами другъ другу Государствъ, въ числѣ которыхъ по предположенію должно было быть: шесть наслѣдственныхъ (*), пять избирательныхъ (**) Монархій и четыре демократическія Республики (***): и сіи 15 членовъ Христіанской Республики должны были въ спорахъ и распряхъ

(*) Наслѣдственныя Монархіи были: Франція, Англія, Швеція, (къ которой должна присоединиться и Данія), Испанія (за исключеніемъ всего того, что принадлежало ей внѣ Пиренейскаго полуострова), Австрія (за исключеніемъ Нидерландскихъ и Италіянскихъ земель), Ломбардія, долженствовавшая составиться изъ Савоіи, Медіолана и Монферрата.

(**) Избирательныя Монархіи: Богемія, Венгрія, Польша, Имперія Германская и Церковная Область съ присоединеніемъ къ ней Неаполя.

(**) Венеція, къ которой придать Сицилію, Швейцарія, Белгія, составленная изъ Нидерландской Республики и Испанскихъ Нидерландъ, наконецъ Италіянская Руспублика, которую составить изъ соединенія всѣхъ мелкихъ владѣній Италіи, какъ то: Генуи, Флоренціи, Мантуи, Модены, Пармы, Лукки, Болоніи и Феррары.

своихъ подчинять себя рѣшенію общаго Европейскаго Конгресса. Какими же средствами могъ надѣяться Генрихъ IV достигнуть предположенной цѣли? Надобно было перестроить все политическое зданіе тогдашней Европы; надобно было вовсе уничтожить нѣсколько Государствъ; у однихъ насильственно отнять часть ихъ владѣній, къ другимъ насильственно присоединить земли: слѣдственно одно средство къ сему могла быть война, которая неминуемо обхватила бы всю Европу, истощила и погубила бы безъ сомнѣнія и Францію, какъ виновницу таковаго кровопролитія, и если, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, Генрихъ IV надѣялся разсѣять грозныя тучи, уже застилавшія политическій горизонтъ Европы около времени его кончины (г. 1610), если думалъ остановить этимъ войну, которая съ минуты на минуту угрожала вспыхнуть тогда (тридцатилѣтняя война), то не должно ли сказать, что онъ хотѣлъ тушить пожаръ пожаромъ? И можно ли для осуществленія мечтательнаго плана, такъ жестоко играть судьбою народовъ? — Но положимъ, что, употребивъ не человѣческія усилія, Генрихъ достигнулъ бы своей цѣли: Европа была бы, сообразно съ его предположеніемъ, раздѣлена на 15 равныхъ Государствъ: на долго ли сохранилось бы это равенство,

или лучше, возможно ли, чтобъ оно когда нибудь существовать могло?

24. Въ Государствѣ есть два рода силъ: *вещественныя* и *нравственныя*. Положимъ, что вещественныя силы, *землю* и *жителей*, можно раздѣлить между Государствами по-ровну, измѣривъ одну и пересчитавъ другихъ; гдѣ взять масштабъ для измѣренія нравственныхъ силъ Государства, состоящихъ въ *духѣ народа*, *въ его любви къ отечеству*, *въ его дѣятельности умственной и промышленой*? А при различіи нравственныхъ силъ, какъ бы ни уравнивать силы матеріяльныя, останется всегда безконечная разница между Государствами. Притомъ, по учрежденіи таковой Христіанской Республики, или Франція приняла бы на себя охраненіе ея существованія, и тогда она стала бы на степень первенствующаго Государства, съ которой одинъ шагъ оставалось бы ей сдѣлать до Всемірной Монархіи (19); или Франція выпустила бы изъ рукъ своихъ управленіе отношеніями Европейскихъ Государствъ, и тогда, значитъ, Генрихъ IV дѣйствовалъ бы противу выгодъ своей страны; скажемъ болѣе: онъ дѣйствовалъ бы противу природы, ибо размежевать Европу на равныя Государства и учредить Конгрессъ, который бы имѣлъ цѣлію охранять, содержать это равенство, не значило ли

желать навсегда остановить развитіе и усовершенствованіе жизни народовъ и осудить ихъ на неподвижное единообразіе? Дѣйствительно трудно понять, какъ планъ, столь мало основательный, могъ овладѣть душею Генриха и Сюллія! Развѣ предположить, что настоящею цѣлію таковаго намѣренія было желаніе поставить преграду усиленію могущества Австрійскаго Дома: въ такомъ случаѣ конечно и сей планъ можно найти совмѣстнымъ съ тогдашнею политикою Франціи. Справедливому проклятію и омерзѣнію обречена голосомъ современниковъ и потомства память злодѣя, посягнувшаго на жизнь Государя, благодѣтеля Франціи; но, посвящая слезу умиленія любезной памяти Генриха IV, кто скажетъ, что онъ рано скончался для своей славы? Онъ сошелъ въ могилу, осіянный славою неукоризненною; кто знаетъ, сохранилъ ли бы онъ ее, если бы возжегъ, для исполненія своего плана, эту войну, которой ходъ и направленіе ни какая человѣческая мудрость предвидѣть и ни какая человѣческая сила остановить была бы не въ состояніи?

25. III. И такъ, если первое отношеніе, яко противное природѣ (14), поелику при немъ невозможно независимое сосуществованіе нѣсколькихъ Государствъ, состоять не можетъ, а тѣмъ менѣе, слѣдственно, можетъ

быть ручательствомъ за благоденствіе народовъ; если и при второмъ оное не болѣе обезпечивается (23); то остается Государству находить вѣрнѣйшій залогъ своей независимости и безопасности внѣшней въ независимости всѣхъ прочихъ, и усердно содѣйствовать съ своей стороны къ сохраненію и удержанію сей общей независимости. Для сего нужно, чтобы Государства оставались совершенно свободными въ своихъ дѣйствіяхъ, стремились устроить свои отношенія такъ, чтобы ни одно изъ нихъ не пріобрѣтало опаснаго перевѣса надъ прочими, или бы, по крайней мѣрѣ, не употребляло онаго во зло, покушаясь на независимость сосѣдей. Таковое положеніе Государствъ возможно только тогда, когда между ними существуетъ равновѣсіе силъ, которыми каждое изъ нихъ располагать можетъ; слѣдственно возможно лучшее ручательство за безопасность Государствъ и цѣль, которой они во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ должны стремиться достигнуть, есть сохраненіе и поддержаніе *равновѣсія государственныхъ силъ.*

26. *Равновѣсіе государственныхъ силъ*, *или политическое равновѣсіе*, не состоитъ въ математическомъ равенствѣ Государствъ, которое невозможно (14, 23), а состоитъ въ такомъ ихъ относительно другъ къ другу

положенія, чтобъ ни одно Государство не было останавливаемо въ своемъ развитіи и усовершенствованіи насильственными дѣйствіями другаго. Въ семъ положеніи Государствъ, они, въ случаѣ слишкомъ разительнаго перевѣса одного изъ нихъ надъ всѣми прочими, или въ случаѣ злоупотребленія таковаго перевѣса, соединяясь между собою, противопоставятъ тотчасъ равносильныя преграды его покушеніямъ на независимость и безопасность другихъ, и тѣмъ уничтожатъ вредныя слѣдствія, кои могли бы произойти отъ таковыхъ покушеній. При таковомъ равновѣсіи, слѣдственно, не только возможно, но и необходимо свободное стремленіе каждаго Государства къ развитію и усовершенствованію своихъ собственныхъ силъ; ибо въ семъ только одномъ оно найдетъ средство сохранить политическое равновѣсіе. — Посему политическое равновѣсіе не есть это механическое равновѣсіе, которое происходитъ отъ противодѣйствія равныхъ другъ другу силъ, поглощающихъ, уничтожающихъ одна другую и производящихъ чрезъ сіе уничтоженіе мертвый покой; нѣтъ, его лучше уподобить исполненному жизни равновѣсію звѣздъ, которыя, взаимно дѣйствуя другъ на друга, держатся въ безпредѣльности мірозданія на путяхъ, назначенныхъ имъ премудрою и все-

могущею рукою, и между тѣмъ каждая изъ нихъ совершенно свободно движется въ сей безпредѣльности по своему собственному пути и обладаетъ силою сохранить свой путь и свободное свое движеніе въ пространствѣ вселенной. Стремленіе къ сохраненію политическаго равновѣсія производитъ между Государствами благодѣтельное для каждаго изъ нихъ въ особенности и для всѣхъ вообще соперничество: они будутъ стремиться превзойти другъ друга степенью благоденствія, до котораго каждое будетъ усиливаться достигнуть; будутъ стремиться доводить до возможно высшаго совершенства промышленость, Науки и Искусства, ибо въ семъ состоитъ ихъ собственная сила и средства къ огражденію ихъ безопасности отъ покушенія сосѣдей. — Увѣренность, которую каждое Государство при утвердившемся равновѣсіи получитъ въ томъ, что его стремленіе къ таковому совершенству не будетъ подавлено насиліемъ Государства посторонняго, и дастѣ всѣмъ имъ возможность достигнуть той степени благоденствія, какая каждому свойственна можетъ быть по его состоянію, силамъ и способамъ.

27. Стремленіе къ сохраненію политическаго равновѣсія замѣчаемо было всякой разъ, какъ скоро устроивались нѣсколько образо-

ванныхъ и промышленыхъ Государствъ въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Сіе представляютъ намъ Государства древней Греціи, когда, по причинѣ большихъ перемѣнъ въ судьбѣ своей, приведены они были въ близкое другъ съ другомъ соприкосновеніе, и когда, въ слѣдствіе распространившагося образованія, каждое изъ нихъ ознакомилось и съ собственными силами и съ силами сосѣдей, и начало постигать опасность, которая могла произойти отъ слишкомъ большаго перевѣса силы одного изъ нихъ надъ всѣми прочими. Отселѣ соперничество между Спартою и Аѳинами, соперничество, въ которомъ приняла участіе цѣлая Греція. Но мелочная зависть Спарты къ заслуженной славѣ и могуществу Аѳинъ и своекорыстное желаніе властвовать надъ всѣми были причиною, что, ополчая Грецію на Аѳинянъ, не того хотѣла Спарта, чтобы отнять у нихъ опасный перевѣсъ, а желала погибели ненавистныхъ соперниковъ, и сама погибла вмѣстѣ съ ними, или въ слѣдъ за ними. То же самое стремленіе представляется въ соперничествѣ Государствъ, происшедшихъ изъ развалинъ Александровой Монархіи; того же хотѣлъ Гіеронъ Сиракузскій, поставленный судьбою между Карѳагеномъ и Римомъ, и въ семъ же духѣ дѣйствовали Филиппъ IV и Персей, Антіохъ и Митридатъ.

И въ средніе вѣки найдемъ подобное стремленіе между мелкими Государствами и въ особенности торговыми Республиками Италіи; но при недостаткѣ обстоятельствъ, которыя бы служили къ сближенію и соединенію Государствъ въ тѣ времена (1, 2), таковое стремленіе не могло быть ни продолжительно, ни прочно; оно не было общее. Въ средніе вѣки, сверхъ того, духовная власть Папы, соединявшая Западную Европу нѣкоторымъ образомъ въ одно цѣлое, замѣняла собою политическое равновѣсіе. Но когда вѣра во всемогущество Римскаго Первосвященника пала, когда вышеизложенныя великія событія съ ихъ слѣдствіями (3, 8) измѣнили совершенно положеніе и отношеніе Государствъ и жизнь народовъ Европейскихъ, когда разумъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ чувственностію, тогда, въ слѣдствіе возвысившагося и распространившагося повсюду образованія, въ слѣдствіе происшедшаго отъ того разнообразія потребностей и умноженія пунктовъ соприкосновенія между Государствами, произошла система политическаго равновѣсія, а грозный и страшный перевѣсъ Австро-Испанскаго Дома побудилъ Государства Европейскія стремиться къ сохраненію онаго и находить въ немъ возможно лучшее ручательство за свою независимость, за свое благо-

денствіе. Слѣдовательно сохраненіе и удержаніе политическаго равновѣсія служитъ основаніемъ той тѣсной между Государствами и народами историческими связи, которая составляетъ отличительный характеръ Новой Исторіи. По сей-то причинѣ Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ можетъ назваться *Исторіею системы равновѣсія Европейскихъ Государствъ*, и всѣ великіе перевороты въ жизни и судьбѣ народовъ Европейскихъ, а чрезъ нихъ и въ судьбѣ другихъ частей Свѣта, проистекали, какъ ниже доказано будетъ, изъ одного главнаго источника: изъ стремленія Европейскихъ Государствъ къ сохраненію политическаго равновѣсія.

28. Чтобы на системѣ политическаго равновѣсія могли Европейскія Государства основывать свою независимость и безопасность внѣшнюю, должно, чтобъ оно сохранялось прочно. Математическаго равновѣсія между Государствами быть не можетъ и не должно (14, 23, 26); политическое же равновѣсіе не только не исключаетъ, но еще требуетъ свободнаго развитія и усовершенствованія Государствъ, слѣдственно неизбѣжно частое его нарушеніе; слѣдственно необходимо нужны подпоры, на которыхъ бы оно могло утверждаться и поддерживаться. Какія же существуютъ для него въ Европѣ подпо-

ры? Первая и важная подпора его есть утвердившееся, въ слѣдствіе успѣховъ образованія, понятіе о *Народномъ Правѣ* (15), которое обязываетъ каждое Государство признавать ненарушимость самостоятельности каждаго другаго. И хотя Европейскія Государства далеки еще отъ того правомѣрнаго состоянія, въ какомъ бы по теоріи можно ихъ было представлять себѣ; хотя доселѣ Народное Право составляетъ еще слабую оборону политическаго равновѣсія Европы; но самыя нарушенія его уставовъ служатъ къ бо́льшему его укрѣпленію; самые завоеватели новѣйшихъ временъ признавали обязывающую силу сихъ уставовъ, только превратно ихъ истолковывали, и нарушая Народное Право, объявляли, что дѣйствуютъ во имя его. Такъ Наполеонъ, обламывая Европу, на Прокустовомъ ложѣ своей континентальной системы объявлялъ, что онъ имѣетъ цѣлію защищеніе Права Народовъ Европы и освобожденіе Европейской промышлености отъ той зависимости, въ которую привела ее монополія Англіи. Самыя сіи превратныя толкованія людей, которые, казалось, по силамъ своимъ не имѣли бы нужды прикрывать свои дѣйствованія объясненіями благовидными, не доказываютъ ли, что уставы Народнаго Права не суть мечта пустая; что они суть изрѣ-

ченія здраваго разума, — изрѣченія тѣмъ болѣе внятныя, чѣмъ выше образованіе народа, чѣмъ сильнѣе вліяніе общественнаго мнѣнія! Чѣмъ святѣе будутъ соблюдаемы уставы Народнаго Права, тѣмъ прочнѣе сохранится политическое равновѣсіе; и съ другой стороны, чѣмъ болѣе утверждается понятіе о равновѣсіи политическомъ, тѣмъ менѣе средствъ одному Государству взять перевѣсъ надъ другими, тѣмъ менѣе возможности нарушать Народное Право. Слѣдствіемъ уваженія къ уставамъ Народнаго Права было сохраненіе и утвержденіе мысли о неприкосновенности и независимости Государствъ, чему много способствовало и то, что почти всѣ Государства Европейскія суть наслѣдственныя Монархіи. — *Второю* подпорою политическаго равновѣсія должно признать *морскія Державы*: исключительная принадлежность Европы, и притомъ только трехъ послѣднихъ вѣковъ (7). Не потому сіи Державы считать должно подпорою политическаго равновѣсія, чтобы онѣ въ дѣйствіяхъ своихъ руководимы были большею законностію и умѣренностію, чѣмъ Государства континентальныя; а потому, во-первыхъ, что морская сила гораздо удобнѣе для обороны, чѣмъ для нападенія, и во-вторыхъ, и главно потому, что могущество таковыхъ Державъ основывается на

мореплаваніи и торговлѣ, а всякое преобладаніе какого нибудь одного Государства угрожаетъ стѣснить, или даже уничтожить сіи источники ихъ могущества. Вотъ почему Голландія такъ долго и такъ усердно помогала Европѣ ограничивать самовластіе Лудовика XIV, и троекратно была душею составлявшихся противу него союзовъ; вотъ почему въ новѣйшія времена Англія разсыпала милліоны по Европѣ, чтобъ низложить Наполеона, страшнаго ей своимъ геніемъ и силою, своими замыслами и своею континентальною системою.— *Третья* подпора состоитъ въ существованіи среди Европы страны, составляющей соединеніе второстепенныхъ и третьестепенныхъ Государствъ — *Германіи.* Ежели смотрѣть на жизнь и судьбу народовъ съ той точки, что перевороты въ оной премудро устрояются рукою невидимою и всемогущею — можно ли сказать, что случай одинъ поставилъ въ самомъ центрѣ Европы это соединеніе небольшихъ Государствъ, для всѣхъ важныхъ и ни для кого не опасныхъ? То по крайней мѣрѣ понятно, что если бы Германія съ своимъ разнообразнымъ привольемъ для жизни и промысловъ, съ своимъ народонаселеніемъ, и многочисленнымъ и дѣятельнымъ, съ своимъ, наконецъ, многостороннимъ образованіемъ составляла *одно* Государ-

ство, судьба Европы не могла бы быть такова, какова она нынѣ. Отъ того-то предметомъ политики Европейской, въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ, и въ особенности со времени Вестфальскаго мира, было сохраненіе того положенія Германіи, какое дала сей странѣ Исторія, въ увѣренности, что съ сохраненіемъ сего положенія связано сохраненіе существующаго порядка вещей въ Европѣ.

29. Никто не будетъ утверждать, чтобы политическое равновѣсіе было непреложное ручательство и ограда непоколебимая внѣшней безопасности и независимости Государствъ: оно было и будетъ нарушаемо; но Исторія трехъ послѣднихъ столѣтій доказываетъ, что оно рѣдко безнаказанно было нарушаемо, и никогда не было нарушаемо на долго; что оно всегда возстановлялось по нарушеніи и снова утверждалось. Такъ поверхность воды находится въ безпрерывномъ колебаніи и безпрерывно стремится прійти въ состояніе равновѣсія, по силѣ закона природы, которому она повинуется. Политическое равновѣсіе, какъ и всякое человѣческое учрежденіе, имѣетъ свои недостатки, и справедливы, по видимому, упреки, которые дѣлаютъ ему въ томъ, что отъ усилій достиг-

нуть и сохранить его (*): a) не только происходили новыя войны, но войны между двумя Государствами дѣлались общими всѣмъ; b) оно было причиною, что кровопролитнѣйшія войны оканчивались миромъ, по которому порядокъ вещей оставался точно такой же, какой былъ прежде; c) оно произвело безчисленные переговоры и обставило взаимныя отношенія между Государствами множествомъ условныхъ церемоній, по видимому маловажныхъ, но нарушеніе которыхъ нерѣдко пораждало новыя войны; d) оно побуждало къ безмѣрному увеличенію постоянныхъ войскъ, и потому e) не только дѣлало необходимымъ всегда новыя подати, но еще f) заставляло прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ средствамъ временнаго увеличенія силы Правительства, наприм. къ умноженію бумажныхъ денегъ, что было опять причиною безмѣрныхъ долговъ, которыми обременена большая часть Европейскихъ Правительствъ, до того, что одно изъ Государствъ (Франція) явило собой двукратный примѣръ банкрутства государственнаго; и что наконецъ, g) не смотря на все сіе, желанная цѣль никогда не была достигнута. Но сіи упреки падаютъ не на самую идею политическаго равновѣсія, а на

(*) Луденъ.

осуществленіе оной. Наибольшая часть невыгодъ системы политическаго равновѣсія проистекала отъ того, что оная не могла, какъ само собою разумѣется, образовываться по предначертанному и обдуманному плану, а развивалась изъ необходимости, и что развитіе ея получало нерѣдко ложное направленіе отъ вліянія личныхъ наклонностей, а нерѣдко страстей и причудъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на дѣла государственнаго управленія. Но и при всемъ томъ важность сихъ упрековъ значительно уменьшается, когда представимъ себѣ: a) что войны и при всякомъ другомъ порядкѣ вещей неизбѣжны (18, 24), и что во всякомъ случаѣ войны за свою независимость, за свое національное достоинство, гораздо возвышеннѣе и благороднѣе, нежели тѣ, которыя пораждаются честолюбіемъ, и которыя имѣютъ цѣлію пріобрѣтеніе того или другаго участка земли и расширеніе своихъ владѣній и своего могущества. b) Весьма сомнительно, чтобы война произвела лучшія послѣдствія, если бъ она каждый разъ оканчивалась совершеннымъ разрушеніемъ одного или нѣсколькихъ Государствъ. Не видимъ ли мы множества примѣровъ, что на развалинахъ ниспровергнутыхъ устарѣлыхъ Государствъ, завоеватели сооружали новыя, ничѣмъ не лучшія преж-

нихъ? И если война есть средство искушенія народовъ, служащее къ тому, чтобы въ дремотѣ покоя не ослабѣли силы ихъ, то цѣль ея достигнута, когда послѣ мира, Государства останутся въ томъ же относительномъ положеніи, въ какомъ были до начала войны. Они не останутся, собственно говоря, въ прежнемъ положеніи. То изъ нихъ, которое было виновникомъ войны, отраженное могущественно союзомъ прочихъ и доведенное до опасеній за собственное свое существованіе, получитъ чрезъ то спасительный урокъ умѣренности и будетъ находить свою славу и свое благоденствіе въ томъ, въ чемъ они дѣйствительно состоятъ: въ развитіи и усовершенствованіи своихъ собственныхъ внутреннихъ силъ, промышлености и образованія. Другія, которыя были предметомъ нападеній, увидятъ въ опасностяхъ войны, какими ошибками они навлекли на себя сіи опасности, и если способны еще научаться изъ опытовъ, возродятся неминуемо для новой лучшей жизни, для новаго, болѣе совершеннаго государственнаго устройства; если же до того утратили свои національныя доблести, что опасности не улучшаютъ ихъ — въ такомъ случаѣ они не достойны самобытнаго существованія, и заслуженная гибель ихъ не должна возбуждать сожалѣнія. c) Нѣтъ сомнѣнія, что

переговоры служили много къ усиленію образованія, къ поясненію и утвержденію мыслей о народѣ, объ отечествѣ, о правѣ и законѣ. Въ церемоніяхъ же, которыми окружены бываютъ сіи переговоры, должно видѣть только выраженіе равной независимости каждаго Государства и его національной чести. А что церемоніи имѣютъ важность только тогда, когда ни одна изъ враждующихъ сторонъ не желаетъ искренно возстановленія и сохраненія мира, и что въ противномъ случаѣ онѣ не помѣшаютъ и откровенности и благородству переговоровъ, это доказываютъ Вилліамъ Темпль и Іоаннъ Девиттъ, Билларъ и Принцъ Евгеній въ переговорахъ между собою, и Императоръ Александръ въ переговорахъ съ цѣлою Европою. — d. e. f.) Что касается до содержанія огромныхъ вооруженныхъ силъ и до издержекъ, съ симъ сопряженныхъ, то изъ вышесказаннаго явствуетъ, что и при другомъ порядкѣ вещей онѣ не будутъ менѣе (20); напротивъ, утвердительно можно сказать, что и огромныя дисциплинированныя арміи и менѣе стоятъ, и менѣе тягостны для народовъ, нежели феодальныя ополченія среднихъ вѣковъ, или тѣ вооруженныя толпы, которыя водили за собою Мансфельдъ, Тилли и Валленштейнъ въ тридцатилѣтнюю войну, и для которыхъ война

составляла промыселъ, а военная добыча была наградою. Притомъ, Филлипъ II погубилъ Испанію, Лудовикъ XIV разстроилъ Францію, и оба ввели свои Государства въ неоплатные долги, конечно вовсе не потому, чтобы они ратовали за сохраненіе равновѣсія Европейскаго и издерживались на войны, порожденныя онымъ. Наконецъ g), если идея политическаго равновѣсія никогда вполнѣ осуществлена не была и можетъ быть и не будетъ, слѣдуетъ ли изъ того, что оно есть мечта несбыточная? Совершенство есть цѣль, къ которой стремятся лучшіе изъ людей; оно служитъ для нихъ путеводительной звѣздою на цѣлую жизнь; и должны ли люди отказаться отъ сего стремленія, потому, что этой цѣли никто вполнѣ не достигаетъ? Не имѣетъ ли уже высокаго достоинства одно сіе самое стремленіе — свойство благородныхъ и возвышенныхъ душъ? Согласимся ли посему съ однимъ изъ нашихъ достойнѣйшихъ историческихъ Писателей (*), который желаетъ доказывать, что политическаго равновѣсія никогда не существовала и существовать не можетъ, и что оно; слѣдовательно, не можетъ служить основаніемъ Европейской государственной системы Оно не существовало ве-

(*) Погодинъ.

щественно; оно конечно есть идея: но идеи управляютъ міромъ, и стремленіе къ осуществленію сей идеи есть основаніе многосторонняго развитія силъ Европейскихъ Государствъ.

30. Съ утвержденіемъ мысли о политическомъ равновѣсіи неразлучно утвержденіе мысли о неприкосновенности каждаго Государства. Отъ сего проистекло доброе слѣдствіе, что независимость и права малыхъ и слабыхъ Государствъ признаются столь же священными и неприкосновенными, какъ независимость и права самыхъ большихъ и сильныхъ: такъ въ благоустроенномъ обществѣ равномѣрно охраняются личность и собственность всякаго, начиная отъ перваго вельможи до простолюдина незнатнаго и бѣднаго. Всякому покушенію сильнаго Государства на независимость слабаго противопоставляется рѣшительнѣйшее сопротивленіе со стороны другихъ Государствъ, дабы удача таковыхъ покушеній не была приманкою для честолюбія, и сіе самое придало великую политическую важность небольшимъ владѣніямъ въ Европейской государственной системѣ, которой они сдѣлались необходимыми членами, и поселило въ нихъ самихъ увѣренность, что самобытность ихъ охраняется собственными выгодами большихъ

Государствъ, и ихъ неослабнымъ вниманіемъ къ дѣйствіямъ другъ друга, и ихъ общимъ стремленіемъ не дать ни которому усилиться на счетъ другихъ. При сей увѣренности въ защитѣ своего существованія, малыя Государства, чувствуя, что имъ и бѣзполезно и невозможно было бы предаваться заботамъ внѣшней политики, предоставляютъ сіе Государствамъ большимъ и сильнымъ, а сами тѣмъ съ большею нераздѣльностію дѣйствуютъ для усиленія своего внутренняго благосостоянія, и нерѣдко таковое малое Государство больше совершаетъ для успѣховъ народнаго образованія, нежели иная Держава огромная и сильная. Такъ Веймаръ, столица небольшаго Герцогства, сдѣлавшись мѣстопребываніемъ Шиллера, Гердера, Гёте, здѣсь отличенныхъ и уваженныхъ, получившихъ здѣсь и изобильное обезпеченіе скромныхъ потребностей жизни и привольный досугъ, столь необходимый для произведенія свободныхъ созданій творческаго духа, едва ли не болѣе имѣетъ участія въ образованіи человѣчества, нежели столицы самыхъ большихъ Европейскихъ Монархій. Другое доброе послѣдствіе утвердившейся мысли о политическомъ равновѣсіи было то, что Государства усугубили свое вниманіе другъ къ другу; тщательно стали изучать силы и спо-

собы своихъ сосѣдей, и увеличивать собственныя свои силы и способы, чтобы не отстать отъ нихъ ни въ чемъ. Соперничество, изъ сего происходящее, можетъ конечно быть источникомъ вражды и войны; но оно же съ другой стороны ведетъ къ образованію и возвышенію чувства народности, къ уваженію высокому своего національнаго достоинства, безъ котораго народъ не заслуживаетъ быть народомъ самобытнымъ. Чѣмъ больше имѣетъ народъ опасеній утратить свою самобытность, тѣмъ болѣе чувствуетъ высокую ея цѣну, тѣмъ болѣе имѣетъ привязанности къ своему родному, и утверждается въ мысли, что не тамъ отечество, гдѣ хорошо, а тамъ хорошо, гдѣ отечество. Чему обязаны Аѳины въ отношеніи къ Спартѣ и цѣлой Греціи, Карѳагенъ въ отношеніи къ Риму, Англія и Франція въ отношеніи другъ къ другу, тою великою славою, которая составляетъ удѣлъ ихъ въ Исторіи, какъ не этому соперничеству, которое стремило ихъ наперерывъ другъ передъ другомъ развивать свои силы? Не должно ли согласиться, что и Россія не шагнула бы столь исполински къ свѣту и образованію, если бы при самомъ началѣ своего къ тому стремленія не должна была выдержать борьбу упорную и опасную съ Карломъ XII, борьбу,

которая, требуя необыкновенныхъ усилій, столь могущественно и столь быстро дѣйствовала на развитіе ея силъ и способовъ. Этими взаимными усиліями Государства достигаютъ сколько возможно высшаго степени благоденствія, и человѣчество предохраняется отъ того односторонняго образованія, которое неминуемо было бы его удѣломъ при утвержденіи преобладанія одного какого нибудь народа, коему всѣ другіе должны бы были жертвовать своею національностію.

31. Принимая за отличительный характеръ Исторіи Новой *тѣсную связь Государствъ и народовъ историческихъ другъ съ другомъ* (1), и положивъ, что основаніемъ сей тѣсной связи служитъ стремленіе ихъ къ сохраненію и утвержденію политическаго равновѣсія (27), можемъ назначить Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій и болѣе точные предѣлы, необходимые въ учебномъ отношеніи. Имѣя предметъ общій ей со всею Исторіею, она имѣетъ еще особенною своею цѣлію: изобразить жизнь и судьбу народовъ по тѣмъ перемѣнамъ, которыя происходили въ системѣ равновѣсія Европейскихъ Государствъ, и которыя составляли проявленіе жизни народовъ Европейскихъ въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ. Настоящею точкою отшествія, слѣдовательно, для изображенія со-

бытій Новой Исторіи должно считать то время, въ которое идея о сохраненіи политическаго равновѣсія въ первый разъ явственно составила для Государствъ правило Практической Политики. Въ первый разъ явственно усматриваются движенія посторонних Государствъ къ постановленію преграды усиленіямъ и стремленію одного изъ нихъ пріобрѣсть себѣ перевѣсъ надъ прочими, въ союзахъ, составленныхъ противу Франціи при нападеніи Карла VIII на Италію въ 1494 году. Но сіе событіе находится по срединѣ и въ близости съ двумя великими открытіями: Америки въ 1492, и морскаго пути въ Остъ-Индію въ 1498 годахъ. — Сколь могущественно и многообразно было вліяніе сихъ двухъ открытій, и особенно перваго изъ нихъ, на судьбу Государствъ и народовъ, на это намѣкнули мы выше (7); слѣдственно по современности съ тѣмъ происшествіемъ, въ которомъ открывается, такъ сказать, зарожденіе политическаго равновѣсія, происшествія столь великаго своими послѣдствіями, каково открытіе Америки, и можно принять сіе послѣднее за учебное начало Новой Исторіи. Отъ сего пункта (г. 1492) продолжается Новая Исторія до нашихъ временъ. Будущее, обнаруживъ послѣдствія переворотовъ новѣйшихъ, укажетъ вмѣстѣ и эпоху, которою

всего приличнѣе заключить сіе отдѣленіе Всеобщей Исторіи. Нынѣ можно принять за таковую эпоху Конгрессъ въ Аахенѣ въ 1818 году, когда устроено нынѣшнее современное положеніе и опредѣлены отношенія Государствъ Европейскихъ.

32. Обозрѣвая цѣпь происшествій, въ означенныхъ предѣлахъ заключающихся, и всходя къ причинамъ ихъ, найдемъ, что, какъ выше было сказано (27, 30), всѣ главнѣйшіе перевороты въ судьбѣ Европейскихъ Государствъ и народовъ проистекали изъ *одного* главнаго источника: *изъ стремленія то одного, то другаго Государства взять верхъ надъ прочими, и изъ противоборствія сему стремленію со стороны другихъ Государствъ.* Посему, находя во всѣхъ великихъ переворотахъ судьбы Европейскихъ народовъ проявленіе одной и той же причины, можно было бы подумать, что Новая Исторія составляетъ единообразно утомительное повтореніе одинаковыхъ сценъ; но живыя страсти, источники и неразлучные сопутники всѣхъ нашихъ дѣяній, и добрыхъ и худыхъ, до безконечности разнообразятъ сіи сцены. Какое великое различіе въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ театрѣ, и въ способахъ дѣйствій! Нѣтъ, не мертвое единообразіе, но живую картину судьбы народовъ, какъ Исторія вообще, предста-

вляетъ и Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ! Характеристическая разница въ семъ отношеніи между ею и прочими частями Исторіи въ томъ главно состоитъ, что *націи* менѣе являются на театрѣ историческихъ событій, менѣе дѣйствуютъ въ нихъ, а болѣе рѣшаются таковыя событія дѣйствіями Государей и ихъ Министровъ, или такъ называемою *политикою Кабинетовъ*, что опять есть весьма натуральное послѣдствіе господствующаго въ Европѣ монархическаго наслѣдственнаго образа Правленія. Обозрѣніе переворотовъ въ Европѣ, возведенныхъ къ одной общей имъ причинѣ, и разсмотрѣнныхъ съ сей точки зрѣнія (*), представитъ зарожденіе и развитіе и разныя измѣненія въ политической системѣ, которой Государства Европейскія послѣдовали отъ исхода XV вѣка, чтобы пріобрѣсти или сохранить независимое существованіе, противополагая силу силѣ и могуществу могущество. Таковое обозрѣніе и составитъ *изображеніе содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій*.

33. Какъ выше (31) сказано, нападеніе Французовъ на Италію было первымъ событіемъ, въ которомъ представляется идея сохраненія политическаго равновѣсія въ противоборствіи югозападныхъ Державъ пред-

(*) Ансильонъ.

пріятіямъ Франціи. И такъ Франція первая между Государствами Европы обнаружила замыслы на приведеніе въ зависимость отъ себя посторонних земель. Сіе Государство дѣйствительно ранѣе прочихъ вышло изъ феодальнаго неустройства, и укрѣпилось и возрасло въ могуществѣ подъ рукою хитраго и жестокаго, но умнаго и сильнаго характеромъ Лудовика XI (1461 — 1483). Карлъ VIII, сынъ и преемникъ его, по супружеству съ Анною Бретанскою, единственною наслѣдницею сей страны, присоединилъ и эту область къ коронѣ. Слѣдственно въ то время, когда въ прочихъ Государствахъ западной Европы Монархи были еще въ борьбѣ съ могущественными и упорными вассалами, и нерѣдко еще изнемогали въ сей борьбѣ, во Франціи единодержавіе утвердилось вполнѣ на развалинахъ буйнаго феодализма, и силы государственныя, дотолѣ раздробленныя и расторженныя, сосредоточились въ рукахъ Монарха. Карлъ VIII, оставленный преступнымъ небреженіемъ родителя въ постыдномъ невѣжествѣ, получилъ престолъ въ ранней юности, и со всею силою пылкой души своей и со всѣмъ жаднымъ любопытствомъ молодости предался ученію, желая вознаградить тѣмъ упущенное, не по его винѣ, время. Чтеніе повѣствованій о подвигахъ Александра Македонскаго, Юлія Цеса-

ря и Карла Великаго овладѣло воображеніемъ юнаго Короля Франціи, и наполнило его жаждою славы военной, а избытокъ внутренней жизни во Франціи, полное спокойствіе и безопасность, въ какой тогда находилось Государство, цвѣтущая промышленость и изобильные доходы Правительства, давали ему и способы удовлетворить своей пламенной страсти. Взоры его обратились на Италію.

34. Дѣйствительно страна сія, цвѣтущая и прелестная своею природою, гдѣ

Нѣгой дышитъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
И вѣтерокъ жаръ неба холодитъ,
И тихо миртъ, и гордо лавръ стоитъ,

изобильная успѣхами промышлености и многообразной дѣятельности человѣческой, блистающая высокимъ своимъ образованіемъ, которое, какъ плодъ ранняго изобилія и привольля для жизни, ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ новой Европы, здѣсь водворилось; страна, наконецъ, къ которой привязаны были столь великія историческія воспоминанія, и съ другой стороны земля, раздробленная изстари на множество мелкихъ владѣній, и слѣдственно слабая въ политическомъ отношеніи, могла представлять пылкому и опрометчивому Карлу VIII добычу и приманчивую и легкую. Онъ предпринялъ завоевать Неаполь, основы-

вая притязанія свои на сію землю на томъ, что отрасль Французскаго Королевскаго Дома (Анжуйскій Домъ) царствовала въ сей землѣ (г. 1265-1435) прежде младшей Аррагонской линіи, властвовавшей тогда въ Неаполѣ, и что престолъ Неаполитанскій, по мнѣнію Карла VIII, былъ его достояніемъ, какъ наслѣдіе предковъ. Быстро было начато и выполнено предпріятіе. Въ нѣсколько мѣсяцевъ (г. 1494 - 1495) Карлъ видѣлъ себя въ обладаніи Неаполемъ, и уже въ упоеніи успѣха своего основывалъ на семъ исполинскіе планы для дальнѣйшихъ подвиговъ. Но въ то же самое время составился противу него союзъ, котораго цѣлію было изгнать Французовъ изъ Италіи, не дать Франціи усилиться симъ завоеваніемъ и пріобрѣсти себѣ перевѣсъ, опасный для Державъ сосѣдственныхъ. Венеція, какъ Государство морское, и слѣдственно больше другихъ могшее терять отъ пріобрѣтенія Франціею сего перевѣса, и была душею союза, къ которому пристали Папа Александръ VI, Фердинандъ Католикъ, Король Испанскій, и Максимиліанъ I, Императоръ Германскій; и Карлъ VIII еще скорѣе потерялъ Неаполь, чѣмъ пріобрѣлъ его. Желаніе отмстить своимъ противникамъ не совершилось, по причинѣ скорой его кончины (г. 1498). Лудовикъ XII, его преемникъ, желалъ быть

рыцаремъ Французской чести. Не оставляя притязаній прежнихъ на Неаполь, Лудовикъ присоединилъ къ нимъ еще новыя на Медіоланъ, на томъ основаніи, что бабка его, Валентина Висконти, была послѣдняя отрасль Дома Висконтіевъ, владѣвшаго Медіоланомъ еще съ XI вѣка, въ 1395 возведеннаго въ достоинство Герцоговъ, и прекратившагося смертію Герцога Филиппа, брата Валентины въ 1417 г.; и что тогдашній обладатель Медіолана, Лудовикъ Моро, изъ дома Сфорца, былъ преступный похититель престола. Опытъ Карла VIII доказывалъ, что Лудовикъ не могъ обѣщать себѣ успѣха въ предпринимаемомъ имъ походѣ безъ согласія сосѣдственныхъ Державъ, и потому онъ склонилъ на свою сторону и Венецію, первую виновницу утраты завоеваній Карла VIII, и Папу, — и Медіоланъ былъ завоеванъ (г. 1499). Намѣреваясь понести свои побѣдныя знамена въ предѣлы Неаполя, Лудовикъ чувствовалъ, что для сего нужно и содѣйствіе Фердинанда Католика. Хитрый и вѣроломный Король Испаніи, считавшій политику искусствомъ обманывать, и не стыдившійся хвалиться симъ искусствомъ, обманулъ и въ семъ случаѣ своего родственника, бывшаго Короля Неаполитанскаго, Фридриха, и союзника своего, Лудовика XII. Между тѣмъ новый Папа, Юлій II (съ 1503), охотно мѣняв-

ній на мечь воина мечъ Св. Петра, и на шлемъ Папскую тіару, злобствуя на Венеціянъ за присвоеніе ими нѣкоторыхъ округовъ, принадлежавшихъ прежде къ Церковной области, убѣдилъ къ союзу противу гордой и могущественной Республики и Лудовика XII, и Фердинанда Католика, и Императора Максимиліана. Союзъ Камбрэйскій (г. 1508) имѣлъ цѣлію не менѣе, какъ отнять у Венеціянъ всѣ владѣнія ихъ на твердой землѣ, ограничить ихъ одними лагунами ихъ собственнаго города, и лишить ихъ того первенства, которое, по своему богатству, торговлѣ и своей морской силѣ, имѣли они въ то время въ Италіи и въ цѣлой Европѣ, и возбуждали тѣмъ къ себѣ зависть Державъ могущественнѣйшихъ. Исполненіе плановъ союза начато Лудовикомъ XII подъ предзнаменованіями страшными для Венеціи; но опытное въ дѣлахъ политики Правительство Венеціянское умѣло вскорѣ расторгнуть союзъ, и при помощи Папы Юлія, образовать изъ расторженнаго новый — противу Франціи (г. 1511); Папа, Венеція, Фердинандъ Католикъ и Швейцарія составляли сей союзъ; къ нему приглашены были Императоръ Максимиліанъ и Генрихъ VIII, Король Англіи; цѣль союза была вытѣснить совершенно Французовъ изъ Аппенинскаго полуострова, и не смотря на по-

бѣды, которыми ознаменованы были первыя дѣйствія Лудовика XII противу сего, такъ называемаго Святаго Союза, Французы съ великими тратами должны были оставить свои завоеванія въ Италіи; Медіоланъ, возстановленный по прежнему въ качествѣ Герцогства подъ управленіемъ фамиліи Сфорцовъ, возвратился подъ зависимость Императора Максимиліана, яко ленъ Германскаго Императора. Такимъ образомъ Лудовику XII, изъ всѣхъ завоеваній въ Италіи, остались одни только притязанія, и вскорѣ постигшая его кончина (г. 1515) помѣшала ему возобновить сіи притязанія. Такимъ образомъ двукратныя усилія Франціи, дорого ей стоившія, уничтожены были противодѣйствіями Державъ постороннихъ Потерпѣвъ чувствительные удары, Франція по необходимости должна была войти въ предѣлы умѣренности; имѣла нужду въ отдыхѣ, чтобы собрать свои силы для новыхъ подвиговъ. Между тѣмъ ея воинственныя усилія возбудили заботливыя опасенія въ сосѣдственныхъ Державахъ, и положили основаніе этимъ соединеніямъ, которыя отселѣ всякой разъ происходить будутъ, коль скоро одно какое либо Государство обнаружитъ стремленіе къ усиленію себя на счетъ другихъ. Сравнивая, что сказано было выше (1) о равнодушіи сосѣдственныхъ Державъ

при покушеніяхъ Германскихъ Императоровъ на овладѣніе Италіею, съ тѣмъ, что происходило нынѣ при подобныхъ же покушеніяхъ Французскихъ Королей, нельзя не замѣтить различія временъ прежнихъ отъ тогдашняго; нельзя не видѣть, что отселѣ начинается новый порядокъ вещей въ Европѣ. Впрочемъ (*), при всей своей дѣятельности, политика сего времени является еще во младенчествѣ. Вѣроломное коварство Фердинанда, разсѣянная и суетливая дѣятельность Максимиліана, слѣпая жажда пріобрѣтеній Лудовика, были причиною, что нити ея смутно перепутывались одна съ другою. Не великія цѣли, не великіе характеры, не прочное благо народовъ, а только благо минутное властителей приводило ее въ движеніе. Отъ того-то не было и крѣпкихъ союзовъ, а вѣчное измѣненіе! И какъ бы могли произойти таковые тамъ, гдѣ не скрывали, что имѣли цѣлію только обманывать другъ друга? — Съ намѣреніемъ дано здѣсь, въ общемъ взглядѣ на содержаніе Новой Исторіи, изображенію войнъ и споровъ за Италію пространство, несоразмѣрное ихъ важности: въ нихъ колыбель Европейской политики; въ нихъ первое проявленіе идеи о политическомъ равновѣсіи и — вотъ ихъ от-

(*) Гееренъ.

носительная важность. Поспѣшимъ ко временамъ послѣдующимъ.

35. Францискъ I, преемникъ Лудовика XII (г. 1515), не смотря на то, что безплодныя усилія двухъ его предшественниковъ утвердиться въ Италіи дорого Франціи стоили, считалъ унизительнымъ для своей чести оставить вовсе прежніе виды, и первымъ предпріятіемъ его по вступленіи на престолъ былъ опять походъ на Медіоланъ и завоеваніе сего Герцогства. Слѣдственно Франція, не смотря на свои траты, ясно обнаруживала, что она не отказывается отъ своихъ прежнихъ намѣреній. Между тѣмъ Фердинандъ Католикъ, противопоставляя коварство и обманъ простодушію рыцарскому Французскихъ Королей, и сражаясь съ Карломъ VIII и Лудовикомъ XII, возвысилъ Испанію и утвердилъ вліяніе ея на Италію. Открытіе Америки уже начинало въ это время обнаруживать, сколь необъятные источники могущества и богатства представитъ страна сія для Испаніи; и съ такими ли средствами сіе Государство могло отказаться отъ выгоднаго для него соперничества съ Франціею? Въ самое время завоеванія Францискомъ Медіолана скончался Фердинандъ Католикъ (Янв. 1516), и сильную уже Испанію получилъ 16-ти-лѣтній внукъ его Карлъ, который, при

года спустя после того по смерти своего дѣда съ отцовой стороны, Императора Максимиліана, получилъ родовыя Австрійскія земли и Императорскую Нѣмецкую корону (г. 1519). Такимъ образомъ въ началѣ XVI вѣка судьба западной Европы находилась въ рукахъ двухъ молодыхъ Монарховъ: Франциска, который съ пылкою ослѣпительною храбростію юнаго воина соединялъ знаніе военнаго дѣла и таланты полководца опытнаго, и котораго страсть къ подвигамъ военнымъ и замыслы славолюбія и честолюбія возбуждены были въ высокой степени побѣдами надъ непобѣдимыми дотолѣ Швейцарцами, и быстрымъ завоеваніемъ Медіолана, — и Карла, не менѣе честолюбиваго, но болѣе хладнокровчаго, хитраго, расчетливаго, ученѣйшаго и умнѣйшаго Государя своего времени. Прибавивъ, что сіи соперники по политикѣ и честолюбію были еще и личными соперниками, потому что и Францискъ домогался по смерти Императора Максимиліана Нѣмецкой короны, и не получилъ ея, легко поймемъ, что борьба между обоими неизбѣжна.

36. Францискъ долженъ былъ начать борьбу сію, чтобъ не быть подавленнымъ силами своего соперника и не дать утвердиться Европейской Монархіи, учрежденіе которой сдѣлалось тайною цѣлію желаній Карла. Им-

ператоръ Карлъ V (въ Испаніи Карлъ I) былъ конечно самый могущественный Монархъ своего времени. На юной главѣ его сіяла корона Императора Римскаго, которая отъ времени Карла Великаго считалась еще въ Европѣ знаменіемъ самаго высшаго достоинства между владыками земными; подлѣ нея, менѣе уважаемая, но еще болѣе блистательная корона Испаніи, и корона Неаполя и Сициліи; ему принадлежали цвѣтущіе своею промышленостію и кипящіе богатымъ народомъ Нидерланды — страна его юности; для него отважная предпріимчивость удальцовъ, сопровождавшихъ Кортеца и Пизарро, открыла и покорила Мексику (1519 - 1521) и Перу (1532 - 1535); для него Фердинандъ Магелланъ совершилъ первое путешествіе вокругъ Свѣта (1519 - 1522). Карлъ V, какъ сѣтію, окружалъ соперника своими владѣніями: съ С. Нидерландами, съ В. Германіею, съ Ю. Испаніею; только съ З. и съ СЗ., прикасаясь къ морю, Франція избѣгала встрѣчи съ владѣніями Карла, но она еще не имѣла флота, а Испанія уже совершила великіе подвиги на поприщѣ мореплаванія, и была уже сильною морскою Державою. Положеніе Франциска, слѣдственно, было таково, что онъ, или долженъ былъ низойти до степени зависимаго Государя, и владѣть спокойно своею землею подъ вліяні-

емъ Карла и по его волѣ, или бороться съ нимъ и не дать ему утвердить своего перевѣса. Послѣднее было сообразнѣе съ рыцарскимъ характеромъ Франциска I, который любилъ играть опасностями, совмѣстнѣе и съ достоинствомъ его народа и — скажемъ — благоразумнѣе. Борьба началась съ 1521-го и продолжалась съ перерывами до 1544-го года; въ ней принимали участіе Генрихъ VIII, Король Англіи, нерѣдко измѣнявшій свою политику и принимавшій поперемѣнно то одну, то другую сторону, не столько по расчетамъ, сколько по внушенію своего упрямства и своенравія, и Солиманъ II, Султанъ Турецкій, яко союзникъ Франціи: доказательство распространенія связей между Государствами! Посему войны между Франциском I и Карломъ V были истинныя Европейскія войны. Оба соперника, равно утомленные борьбою, ничего не выиграли. Франція конечно потеряла Медіоланъ, перешедшій въ руки Карла; но сія потеря не могла почесться для нея чувствительнымъ урономъ, потому что обладаніе сею страною требовало бы отъ Франціи всегда новыхъ усилій для ея сохраненія, вовлекало бы ее всегда въ новыя войны, а могла ли бы Франція подъять таковыя усилія и вынести таковыя войны во времена горя и бѣдъ, которыя ей предстояли? Евро-

па выиграла отъ сего боренія: оно послужило къ новой, большей связи между Государствами, и остановивъ распространеніе могущества Карла V, сдѣлало невозможнымъ утвержденіе власти его надъ всѣми, тѣмъ болѣе, что въ слѣдъ за противоборствіемъ Франціи, новая оппозиція замысламъ уставшаго отъ войны Карла V составилась въ союзѣ Протестантскихъ Князей Германіи, изъ которыхъ одинъ, Морицъ Саксонскій, ученикъ и мнимый союзникъ Карла, перехитрилъ своего учителя, побѣдилъ и принудилъ его къ миру въ Аугсбургѣ въ 1555 году. Въ слѣдъ за симъ Карлъ, наскучившій заботами и суетами власти, видѣвшій, что Европа, такъ сказать, ушла изъ рукъ его и невозвратно, сложилъ съ себя корону, и раздѣлилъ свои владѣнія (г. 1556). Братъ его Фердинандъ получилъ Австрійскія родовыя земли, увеличенныя присоединеніемъ Венгріи и Богеміи (г. 1526), и Императорскую Германскую корону, а сынъ Филиппъ все остальное.

37. Филиппъ II, Король Испаніи, обладатель Нидерландовъ, Медіолана, Неаполя, Островов Вест-Индскихъ и лучшей и большей части материка Американскаго на обоихъ полушаріяхъ, откуда рѣки золота и серебра уже лились въ Испанію, цвѣтущую, многолюдную, промышленую, могъ безъ увеличенія то-

ворить о себѣ: „Я богатѣйшій Монархъ Христіанскаго міра; солнце не заходитъ въ моихъ владѣніяхъ.“—Сіи огромныя владѣнія увеличилъ онъ еще присоединеніемъ Португаліи (1580) и ея Остъ-Индскихъ и Африканскихъ владѣній. Безъ всякаго сомнѣнія, сей Государь, котораго власть была чтима въ четырехъ частяхъ Свѣта, былъ могущественнѣйшій Государь своего времени, и Испанія была безъ сравненія первое Государство между всѣми! Филиппъ могъ бы, по средствамъ и силамъ своимъ, быть благодѣтелемъ Европы, и сдѣлался ея мучителемъ. Почти въ полвѣка своего царствованія (г. 1556-1598) онъ губилъ силы подвластныхъ ему народовъ въ ссорахъ съ цѣлою Европою, разсыпая золото, чтобы питать духъ партій и раздора въ Государствахъ сосѣдственныхъ, содержа огромныя силы и на морѣ и на сушѣ, чтобы завоевать все, чтобы заставить всѣхъ думать и дѣйствовать по-своему. Чѣмъ менѣе видѣлъ удачи, тѣмъ болѣе злобствовалъ Филиппъ, тѣмъ болѣе напрягалъ свои силы, и слѣдствіемъ сихъ безплодныхъ напряженій его было то, что, получивъ Испанію многолюдную, богатую, цвѣтущую, онъ оставилъ ее безлюдною, бѣдною, увядшею. Сей „богатѣйшій Монархъ Христіанскаго міра“ долженъ былъ подъ конецъ своего царствованія прибѣгнуть къ

средствамъ недостойнымъ, прибѣгнуть къ суевѣрію своего народа, и чрезъ монаховъ собирать пожертвованія для продолженія войны противу своихъ Нидерландскихъ подданныхъ, полезнѣйшей, дѣятельнѣйшей части народонаселенія своего Государства, но части ненавистной и деспотизму Филиппову, ибо Нидерландцы крѣпко держались за свои старинные уставы и законы, ненавистной и его мрачному суевѣрію, которое было причиною, что онъ почиталъ всѣхъ, непослѣдующихъ правиламъ Римско-Католической Церкви, за еретиковъ и безбожниковъ, а Нидерландцы отклонились отъ оной и стали послѣдовать новымъ религіознымъ (Протестантскимъ) правиламъ, распространившимся тогда по Западной Европѣ. Филиппъ пережилъ величіе своей Державы; годъ его кончины (1598) есть крайній предѣлъ того перевѣса, который Испанія въ теченіе почти цѣлаго XVI вѣка имѣла на своей сторонѣ; она осталась въ послѣдней степени изнеможенія, обремененная болѣе нежели 550 милліонами червонныхъ долгу, обезлюдѣвшая и изгнаніемъ цѣлыхъ сотень тысячъ полезныхъ жителей (Морисковъ), и переселеніями въ Америку, и войнами безпрерывными, и всего болѣе упадкомъ промышлености народной, которая одна служитъ основаніемъ народонаселенія. Послѣдующія цар-

[illegible] не только не поправили сего разстройства, а еще усугубили оное, и Испанія навсегда уже утратила свое первенство, такъ, что съ сей стороны Европа не могла страшиться нарушенія политическаго равновѣсія. Конечно и труднѣе уже было пріобрѣсти перевѣсъ въ началѣ XVII вѣка, чѣмъ въ теченіе XVI; ибо борьба съ Филиппомъ II развила силы трехъ Государствъ, его противниковъ: *Франціи*, которая, перейдя длинный и страшный путь разоренія и бѣдствій, порожденныхъ религіозными войнами, воскресла, ожила подъ державною рукою Генриха IV (г. 1589-1610), и при отеческой расчетливости друга его Сюлли, щедраго, когда дѣло шло о поощреніи таланта, о приведеніи въ дѣйство предпріятія полезнаго, и скупаго на издержки пустой роскоши и суетности; *Англіи*, которая также, выпутавшись изъ замѣшательствъ, порожденныхъ религіознымъ разномысліемъ, начинала новый періодъ своего блистательнаго бытія подъ правленіемъ Елисаветы (1558-1603), отвергшей руку Филиппа, и лично имъ ненавидимой, самой постоянной, самой страшной и самой осторожной его соперницы, которая тогда лишь (г. 1587) вступила съ нимъ въ открытый бой, когда чувствовала, что силы Государства ея возрасли въ той же мѣрѣ, въ какой

ослабѣли силы ея противника; наконецъ *Нидерландовъ*, жестокостями Филиппа, неуважавшаго ни правъ ихъ и законовъ, ни жизни и собственности почтеннѣйшихъ жителей сей богатой и промышленой страны, вынужденныхъ на войну съ нимъ, въ самой войнѣ сей нашедшихъ источники будущаго своего величія и могущества, и съ 1579 года, подъ управленіемъ Штатгальтера Вильгельма Оранскаго, приготовившихся къ существованію въ качествѣ Государства самобытнаго. Такимъ образомъ охраненіе политическаго равновѣсія въ Европѣ въ началѣ XVIII вѣка было уже предметомъ попеченій нѣсколькихъ Державъ могущественныхъ, изъ которыхъ каждая имѣла собственный интересъ поддерживать оное.

38. Въ то время, когда Испанія (1598-1609) тратилась еще въ напрасныхъ усиліяхъ возвратить себѣ Нидерланды, а Нидерланды посмѣвались симъ усиліямъ; когда Франція съ кончиною Генриха IV (1610) и съ удаленіемъ Сюлли, пошла назадъ въ благоденствіи, и ушла бы, можетъ быть, далеко, если бы не возставлена была вновь на прежнюю степень силы могущею рукою Кардинала Ришелье (г.1624); когда въ Англіи, послѣ обильнаго многообразною славою царствованія Елисаветы, наступило слабое царство-

ваніе Іакова (1603-1625) и собирались на политическомъ горизонтѣ тучи, которыя должны были вскорѣ разразиться потрясеніями ужасными; когда и въ Германіи скоплялись изобильно матеріялы для пожара, долженствовавшаго обхватить цѣлую Европу, и когда уже стояли тамъ двѣ вооруженныя партіи — Протестантская унія (г. 1608) и Католическая лига (г. 1609), готовыя ринуться другъ на друга при первомъ сигналѣ: въ это время Нѣмецкая линія Дома Карла V, послѣ долгаго неучастія въ дѣлахъ Европы, частію по благоразумному добродушію и миролюбію двухъ первыхъ преемниковъ Карла, Фердинанда I и Максимиліана II, частію по неспособности двухъ слѣдующихъ властителей, Рудольфа II и Матіаса, возстала опять съ своими планами на утвержденіе своего преобладанія въ Европѣ. Бездѣтный и больной Матіасъ объявилъ еще при жизни своей (г. 1617) наслѣдникомъ родовыхъ Австрійскихъ земель двоюроднаго брата своего Фердинанда, Герцога Штейермаркскаго. Фердинандъ, въ полныхъ силахъ молодости, съ умомъ проницательнымъ и образованнымъ, воспитанный Іезуитами и посвященный во всѣ таинства ихъ коварной политики, былъ объявленъ наслѣдникомъ и Германской Императорской короны еще при жизни Матіаса,

и принялъ власть, ему заранѣе назначенную, въ тотъ моментъ (1619), когда уже вспыхнулъ пожаръ, готовившійся издавна. Началась *тридцатилѣтняя война*, въ которой участвовала вся Западная Европа, населенная Германскими и Германо-Латинскими народами (10), за исключеніемъ Англіи, которая, въ продолженіе сей войны, занята была своими смутами. Среди бурь сей брани, озирая положеніе Европы, Фердинандъ II почиталъ возможнымъ и удобнымъ осуществить прежній планъ Австрійскаго Дома: утвердить неограниченную власть свою сначала въ Германіи, и опираясь на сосредоточенныхъ силахъ сей страны, столь обильной силами (16), восцарствовать потомъ надъ всею Европою, въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, чтобъ имѣть въ прочихъ Государствахъ зависимыхъ отъ себя союзниковъ (19).

39. Дѣйствительно Фердинандъ, при тогдашнемъ положеніи Европы, могъ считать не мечтою исполненіе своего намѣренія. Слабая Испанія, къ судьбѣ которой была прикована и Португалія, вовлечена была имъ въ его планы; произошло вновь соединеніе дружественное обѣихъ линій Дома Карла V, Австро-Нѣмецкой и Австро-Испанской, разлученныхъ болѣе полувѣка со временъ Филиппа II взаимною холодностію, происткав-

щсю изъ того, что Филиппъ злобствовалъ на дядю, какъ на виновника раздѣла земель отцовскихъ, злобствовалъ и на двоюроднаго брата, Максимиліана II, какъ на наслѣдника чувствъ и правилъ своего родителя; проистекавшею еще болѣе и изъ того, что Филиппъ съ одной, и Фердинандъ и Максимиліанъ II съ другой стороны были люди совершенно различныхъ свойствъ, которые во всѣхъ дѣйствіяхъ своей жизни не имѣли ни одного пункта для дружественной встрѣчи. Само собою разумѣется, что при таковомъ соединеніи обѣихъ линій Австрійскаго Дома, слабый духомъ и безпечный характеромъ Филиппъ III могъ только быть слѣпымъ орудіемъ своего дальновиднаго и хитраго родственника. Франція, такъ какъ и Англія, разслабѣвали внутренно отъ дурнаго управленія и разномыслія между Правительствомъ и народомъ, съ тою только разницею, что для первой готовилось скорое возрожденіе, а вторая еще должна была испытать перевороты страшные. Нидерланды, хотя подвигами великодушнаго мужества и искупили свое освобожденіе, но еще не были утверждены въ своей политической самобытности; еще мечъ висѣлъ надъ ними! Государства Скандинавскаго Сѣвера еще мало значили для Европы, и въ теченіе XVI вѣка перевѣдывались только между

собою и съ ближайшими сосѣдями, а тотъ геній, которому суждено было сдѣлаться побѣдителемъ Фердинанда и его величайшихъ полководцевъ, Густавъ Адольфъ, Король Швеціи, еще только начиналъ свое царственное поприще, и дѣйствовалъ въ кругу, мало замѣтномъ и для дальновиднаго Фердинанда; сверхъ того на рукахъ его была война (хотя успѣшная) противу Польши. Славянскій Сѣверовостокъ еще менѣе могъ озабочивать Фердинанда. Польша, влекомая правилами религіозными къ народамъ Западной Европы, Германскимъ и Германо-Латинскимъ, влекомая языкомъ и Исторіею къ народамъ Европы Восточной, и обоимъ чуждая, не достигла никогда своего назначенія, состоявшаго, по видимому, въ томъ, чтобъ быть ей посредницею образованія Европы Славянской и Германской; Польша похоронила съ послѣднимъ Ягеллономъ (г. 1572) свои счастливые дни, и тогда — страна хвастливаго многоглаголанія и своевольнаго упрямства — гибла и отъ собственнаго разномыслія, и отъ ударовъ Густава Адольфа. — Россія жила еще своею отдѣльною жизнію: отдыхала и успокоивалась послѣ недавнихъ бурь, наполняющихъ промежутокъ между прекращеніемъ Дома Рюрикова и вступленіемъ на престолъ Дома Романовыхъ, (1598-1613); Россія еще не имѣла

постояннаго соприкосновенія съ Европою, и непричастна была ни ея бѣдствіямъ, ни ея выгодамъ. Турція съ смертію Солимана II (г. 1566), утратила свой духъ религіознаго изступленія и отчаянной храбрости; прошло для нея время воинственныхъ подвиговъ и удальства наѣздническаго, отъ котораго не задолго передъ симъ трепетала вся Европа; начиналось время спокойнаго пользованія пріобрѣтеннымъ, время нѣги, и не среди стана военнаго, не при кликахъ побѣдъ мужали отселѣ ея Султаны, а внутри сералей, на рукахъ женъ и евнуховъ, и вступали на престолъ, не зная ни свѣта, ни людей, ни дѣлъ — жалкой игрушкою любимцевъ и Янычаръ, буйныхъ и своевольныхъ. Италія, на С. и Ю. подчиненная сомнительному владычеству Испаніи, въ прочихъ частяхъ раздробленная и слабая, и уже весьма явственно начинавшая тогда утрачивать свое первенство въ торговлѣ, Наукахъ и Художествахъ, должна была, по волѣ Испаніи и Папы, подкрѣплять Фердинанда въ его дѣйствіяхъ. Наконецъ Германія, ближайшій непосредственный предметъ замысловъ Фердинандовыхъ, исполненная раздѣленія и ссоры религіозной и политической, исполненная ненависти между двумя уже вооруженными партіями, должна была и готова была сдѣлаться первою жертвою замы-

словъ Фердинанда II. Вотъ, въ какомъ положеніи была вся Европа при началѣ тридцатилѣтней войны! —

40. Самая тридцатилѣтняя война (г. 1618-1648) представляетъ особенный и весьма важный отдѣлъ Исторіи Новой, и по своему ходу и по своимъ слѣдствіямъ. Она была послѣднее проявленіе духа среднихъ вѣковъ, тогда уже сильно вытѣсняемаго новымъ порядкомъ вещей; въ ней представляется оригинальная смѣсь феодальныхъ ополченій съ войсками дисциплинированными, оружіе рыцарей и артиллерія, наѣздническія сшибки и великія сраженія по всѣмъ правиламъ высшей Тактики и Стратегіи; въ ней, наконецъ, представляется, можно сказать, картинная галлерея героевъ и великихъ политиковъ, которые, какъ бы на аренѣ Олимпійской, состязаются другъ съ другомъ о первенствѣ. Ходъ ея представляетъ *четыре*, довольно отличные другъ отъ друга періода: I. Отъ 1618-1630. Въ теченіе его, Фердинандъ ниспровергаетъ всѣхъ своихъ враговъ, и заставляетъ трепетать предъ собою Германію отъ Альповъ Швейцаріи и Тироля до Нѣмецкаго и Балтійскаго моря. Ему оставалось сдѣлать шагъ одинъ до неограниченнаго властительства въ Германіи; но на этомъ послѣднемъ шагѣ остановилъ его Ришельё,

нандъ II (г. 1637), Бернгардъ (г. 1639), Банеръ (г. 1641) сошли въ могилу; и между тѣмъ пепелъ городовъ и селъ, опустошенныя области и вопли народовъ, истомленныхъ войною, громко требовали мира; обстоятельства измѣнились во многомъ, и переговоры открыты въ 1641 году. IV. Отъ 1641-1648, періодъ переговоровъ о мирѣ; параллельно съ которыми продолжалась война, по прежнему опустошительная, но не по прежнему дѣятельная. Утомленіе было примѣтно въ равной степени на обѣихъ сторонахъ; но многосложность вопросовъ, которые должны были рѣшиться миромъ, и перемѣна военнаго счастія, отдаляли окончательное заключеніе трактата. Побѣды Торстенсона, Фельдмаршала Шведскаго, замыкающаго собою этотъ величественный рядъ героевъ, которые дѣйствовали въ тридцатилѣтнюю войну, и благоразумная умѣренность и ловкая уступчивость Траутмансдорфа, Императорскаго Министра на Конгрессѣ, привели наконецъ къ желанному миру. — Это былъ знаменитый Вестфальскій миръ, краеугольный камень общей Европейской Дипломатики, основаніе Европейской системы Государствъ и сношеній и связи между ними, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ Французская революція ниспровергла весь существовавшій дотолѣ

порядокъ вещей, и дала Европейской политикѣ совершенно другое направленіе. Признаніе полной свободы Богослуженія обоимъ родамъ Протестантскаго исповѣданія, Лютеранскому и Реформатскому, и уравненіе Протестантовъ во всѣхъ правахъ съ Католиками; законное утвержденіе того, что Германія будетъ составлять отселѣ союзъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ Государствъ, именемъ только однимъ подчиненныхъ одному общему Владыкѣ, который носитъ освященный вѣками титулъ Римскаго Императора; что Германскіе Князья не будутъ уже считаться вассалами Императора Римскаго, а каждый будетъ полнымъ Государемъ въ землѣ своей; признаніе всѣми, и Испаніею, самобытности Нидерландской Республики: вотъ главное содержаніе Вестфальскаго мира. Слѣдствія его для системы равновѣсія были тѣ, что Австрійскій Домъ долженъ былъ отказаться, и навсегда, отъ своихъ видовъ на преобладаніе въ Европѣ, что въ самой Германіи образовалась противу него законная оппозиція: ибо Князья Римской Имперіи, признанные полными Государями въ своихъ владѣніяхъ, для собственной выгоды своей должны были тщательно наблюдать движенія Австріи и поставлять ей преграды, коль скоро она вновь устремилась бы къ преобладанію. Ме-

жду всѣми Германскими Князьями сего времени блистаетъ, какъ звѣзда необыкновенной величины, Фридрихъ Вильгельмъ Курфирстъ Бранденбургскій, *Великій Курфирстъ*. Въ теченіе почти полувѣка (г. 1640-1688) онъ въ тишинѣ созидалъ величіе своей страны и приготовилъ путь, по которому съ такимъ ослѣпительнымъ блескомъ потекъ къ безсмертію великій правнукъ его, Фридрихъ II.

41. Франція, дѣятельно противоборствуя Австрійскому Дому и положивъ конецъ преобладанію его въ Германіи, Франція, еще 11 лѣтъ послѣ заключенія Вестфальскаго мира наносившая удары и другой линіи Австрійскаго Дома, Испанской, усилилась ослабленіемъ могущества обѣихъ линій сего Дома: такъ въ XVI вѣкѣ Испанія усилилась, ослабивъ Францію. Геній Кардинала Ришелье далъ сему Государству могущественное вліяніе на дѣла Европы; Вестфальскій миръ, на которомъ Франція уже пріобрѣла себѣ рѣшащій голосъ, утвердилъ это вліяніе, а миръ Пиренейскій (г. 1659), который она продиктовала Испаніи, поставилъ ее на первую степень между Европейскими Державами. Отселѣ рѣшительный и опасный перевѣсъ Франціи до 1715 года. Защитивъ Европейское равновѣсіе отъ преобладанія Австрійскаго Дома, она сама встревожила и устрашила Европу своею силою,

своими притязаніями, своими успѣхами. — Дѣйствительно, въ эпоху Пиренейскаго мира Франція стояла выше всѣхъ Государствъ, и потому, что другія были слабы, и потому, что ея собственныя внутреннія силы и средства были столь велики, что и при другомъ положеніи Европы она занимала бы первое мѣсто между современными Государствами. — Вотъ, въ какомъ положеніи находилась тогда Западная Европа: Испанія, ослабленная и изнеможенная, соединена была съ Франціею узами родства (Лудовикъ XIV, Король Франціи, сочетался бракомъ съ старшею дочерью Филиппа IV), и должна была беречь ея дружбу. Португалія, отторгшаяся отъ Испаніи (г. 1640) и также ослабѣвшая въ 60-ти-лѣтній періодъ своей зависимости, должна была равномѣрно искать дружбы Франціи, чтобы, подъ ея защитою, устоять противъ притязаній Испаніи. Голландія, вышедшая со славою изъ боя, богатая, цвѣтущая промышленою дѣятельностію своихъ жителей, предана была единственно заботамъ своей торговли и мирнаго мореплаванія, и даже (г. 1650) распустила свое войско, и была, со временемъ послѣдней своей войны противу Испаніи (съ 1621), въ союзѣ съ Франціею. Англія въ теченіе тридцатилѣтней войны была наполнена волненіями, приготовившими тѣ ужасныя сцены,

жду всѣми Германскими Князьями сего времени блистаетъ, какъ звѣзда необыкновенной величины, Фридрихъ Вильгельмъ Курфирстъ Бранденбургскій, *Великій Курфирстъ.* Въ теченіе почти полувѣка (г. 1640-1688) онъ въ тишинѣ созидалъ величіе своей страны и приготовилъ путь, по которому съ такимъ ослѣпительнымъ блескомъ потекъ къ безсмертію великій правнукъ его, Фридрихъ II.

41. Франція, дѣятельно противоборствуя Австрійскому Дому и положивъ конецъ преобладанію его въ Германіи, Франція, еще 11 лѣтъ послѣ заключенія Вестфальскаго мира наносившая удары и другой линіи Австрійскаго Дома, Испанской, усилилась ослабленіемъ могущества обѣихъ линій сего Дома: такъ въ XVI вѣкѣ Испанія усилилась, ослабивъ Францію. Геній Кардинала Ришелье далъ сему Государству могущественное вліяніе на дѣла Европы; Вестфальскій миръ, на которомъ Франція уже пріобрѣла себѣ рѣшащій голосъ, утвердилъ это вліяніе, а миръ Пиренейскій (г. 1659), который она продиктовала Испаніи, поставилъ ее на первую степень между Европейскими Державами. Отселѣ рѣшительный и опасный перевѣсъ Франціи до 1715 года. Защитивъ Европейское равновѣсіе отъ преобладанія Австрійскаго Дома, она сама встревожила и устрашила Европу своею силою,

своими притязаніями, своими успѣхами. — Дѣйствительно, въ эпоху Пиренейскаго мира Франція стояла выше всѣхъ Государствъ, и потому, что другія были слабы, и потому, что ея собственныя внутреннія силы и средства были столь велики, что и при другомъ положеніи Европы она занимала бы первое мѣсто между современными Государствами. — Вотъ, въ какомъ положеніи находилась тогда Западная Европа: Испанія, ослабленная и изнеможенная, соединена была съ Франціею узами родства (Лудовикъ XIV, Король Франціи, сочетался бракомъ съ старшею дочерью Филиппа IV), и должна была беречь ея дружбу. Португалія, отторгшаяся отъ Испаніи (г. 1640) и также ослабѣвшая въ 60-ти-лѣтній періодъ своей зависимости, должна была равномѣрно искать дружбы Франціи, чтобы, подъ ея защитою, устоять противъ притязаній Испаніи. Голландія, вышедшая со славою изъ боя, богатая, цвѣтущая промышленою дѣятельностію своихъ жителей, предана была единственно заботамъ своей торговли и мирнаго мореплаванія, и даже (г. 1650) распустила свое войско, и была, со временемъ послѣдней своей войны противу Испаніи (съ 1621), въ союзѣ съ Франціею. Англія въ теченіе тридцатилѣтней войны была наполнена волненіями, приготовившими тѣ ужасныя сцены,

*

которыя происходили въ ней отъ 1641-1649. Естественно, что Англія, уже при Елисаветѣ высоко стоявшая между Государствами Европы, и дѣятельно принимавшая участіе въ событіяхъ континента Европейскаго, была приведена въ разслабленіе сими внутренними потрясеніями, и утратила свою относительную важность. Незаконное властительство славнаго Кромвеля (г. 1649-1658), утвердивъ спокойствіе внутри, возвратило Англіи и ея достоинство между Европейскими Государствами; но Карлъ II Стюартъ, возвратясь на престолъ (г. 1660) несчастнаго своего родителя, не принесъ съ собою мудрости державной, хотя и былъ воспитанникъ опыта и бѣдъ: во все свое царствованіе (г. 1660-1685) онъ былъ орудіемъ политики Лудовика XIV. — Италія, по прежнему раздробленная, по прежнему въ С. и Ю. своей части зависимая отъ слабой Испаніи, послѣ Вестфальскаго мира вовсе перестала быть значущею землею для Европы, и Папа, котораго вліяніе на дѣла Европы видимо упало, такъ, что, напр., протестъ Иннокентія X противу Вестфальскаго мира не былъ принятъ въ уваженіе, Папа долженъ былъ искать благосклонности Короля Французскаго, а не противникомъ быть ему. Князья Германской Имперіи большею частію были ему преданы, какъ хранителю постано-

вленій Вестфальскаго мира, и слѣдовательно защитнику ихъ независимости отъ притязаній Австрійскаго Дома. Австрія, наконецъ, чувствительно пораженная и ослабленная послѣднею войною, немощная и слабостію своего тогдашняго владыки Леопольда I (отъ 1657-1705), не только не могла тогда мечтать о возобновленіи прежнихъ притязаній, но нападеніями Турокъ приведена была въ ужасъ и опасеніе за свое собственное бытіе. Сѣверныя Государства: Данія, претерпѣвшая сильное пораженіе и въ тридцатилѣтней войнѣ, и вновь поколебанная до основанія быстрымъ и нежданымъ ударомъ Карла X (г. 1658), отдыхала отъ опасностей въ спокойной тишинѣ, подъ правленіемъ добродушнаго Фридриха III (отъ 1648-1670), и весьма далека была отъ всякихъ предпріятій внѣшнихъ. Швеція, вышедшая изъ тридцатилѣтней войны съ величайшею славою, оставившая въ Европѣ высокое мнѣніе о непоколебимомъ мужествѣ своихъ воиновъ и искусствѣ вождей своихъ, Швеція также потерпѣла отъ новыхъ подвиговъ, славныхъ, но вовсе безполезныхъ, совершенныхъ Королемъ ея Карломъ X (отъ 1654-1660): она находилась въ утомленіи отъ напряженія силъ своихъ, и при малолѣтствѣ Короля своего Карла XI, подъ вліяніемъ аристократіи, всегда негото-

вой на предпріятія, уклонилась отъ участія въ дѣлахъ; сверхъ того давнишній союзъ, и военное братство со временъ Густава Адольфа дѣлали Швецію расположенною къ Франціи. Кто же оставался тогда въ Европѣ для противоборствія замысламъ Лудовика XIV? —

42. И не легко было рѣшиться на противоборствіе его замысламъ при развившихся тогда внутреннихъ силахъ Франціи. Ришельё, силою непоколебимой воли смялъ строптивость вельможъ, успокоилъ Францію внутри, возвысилъ власть Королевскую и достоинство Государства во внѣшнихъ отношеніяхъ. Въ Карданилѣ Мазарини онъ имѣлъ преемника, который не обладалъ желѣзною твердостію характера своего предшественника, и не внушая къ себѣ того оковывающаго и дѣйствія и самыя мысли страха, какой ощущала Франція во время 18-ти-лѣтняго (г. 1624-1642) министерства Ришелье, превосходилъ его гибкостію, проницательностію ума, и вполнѣ вошелъ въ виды и планы предшественника. Облеченный безпредѣльною довѣренностію Королевы Правительницы, при малолѣтствѣ Короля Лудовика XIV, Мазарини былъ всемогущъ, какъ Ришельё, и войны Фронды (г. 1648-1652), имѣвшія цѣлію ниспровергнуть ненавистнаго Министра и поколебать и самый престолъ, произвели совершенно

противныя тому послѣдствія, и послужили къ укрѣпленію и того и другаго: онѣ были послѣднимъ отголоскомъ феодальной аристократіи, которая отселѣ смолкла навсегда предъ могуществомъ власти монархической, такъ, что Лудовикъ XIV, получивъ въ собственное управленіе Францію (г. 1661), могъ назваться самымъ полновластнымъ владыкою между всѣми современными Монарами.

43 Государь юный, величественно прекрасной наружности, не воспитанный, но исполненный ума пылкаго, которымъ онъ угадывалъ то, что другіе познавали наукою, Лудовикъ XIV пріобрѣлъ при Дворѣ своей матери и эту рыцарскую вѣжливость, и эту страсть къ щеголеватому и исполненному изящества блеску, которымъ онъ отличался во все свое продолжительное царствованіе (отъ 1661-1715), которымъ онъ ослѣплялъ всю Европу, и сдѣлался законодателемъ вкуса и утонченности дворской. Мазарини, умирая, представилъ ему Колберта, и тѣмъ, какъ онъ самъ говорилъ, заплатилъ вполнѣ долгъ свой Франціи. Колбертъ можетъ по справедливости назваться первоначальникомъ славы Лудовика XIV. Во время своего министерства (г. 1661-1683), онъ возбудилъ внутреннія силы Государства, учредилъ фабрики, которыя подъ его рукою достигли степени пер-

венства въ Европѣ; положилъ основаніе обширнѣйшей торговлѣ и моремъ и сухимъ путемъ; прорѣзалъ внутренность Франціи удобными дорогами и превосходными каналами; устроилъ Академіи, создалъ флотъ и крѣпости, и, обогативъ народъ развитіемъ и поощреніемъ промышлености, обогатилъ и Правительство изобильными доходами, которые уплачивались и своевременно и безъ отяготщенія для народа. Колбертъ далъ своему Королю средства и содержать огромную армію, какой тогда вся Европа, вмѣстѣ взятая, не имѣла, и разсыпать щедрыя поощренія всякому таланту, и сооружать зданія — храмы роскоши и вкуса, и давать праздники, которыхъ описаніе показалось бы баснею потомкамъ, если бы не было столь многочисленныхъ современныхъ свидѣтельствъ, которыя заявляютъ ихъ дѣйствительность. Мудрено ли, что Лудовикъ XIV, при своемъ славолюбіи и суетности и при такихъ способахъ, считалъ себя всемогущимъ и средства свои неистощимыми?

44. И что Лудовикъ XIV употребитъ таковой избытокъ своихъ силъ на то, чтобы подчинить Европу своей волѣ, это показалъ онъ еще тогда, когда сіи силы и сіи средства не были столь велики. Какому уничиженію, напр., долженъ былъ подвергнуться

тесть его, Филиппъ IV, за причиненное Посланнику Французскому въ Лондонѣ оскорбленіе (г. 1661), которое, истинно или ложно, поставлено было въ вину Испанскому Посланнику? Какъ долженъ былъ смириться Папа Александръ VII, въ слѣдствіе подобнаго же случая съ Французскимъ Посланникомъ въ Римѣ (г. 1662)? Съ 1667 года собственно начинается эпоха періодъ насильствъ Людовика XIV, которыя привели въ страхъ всю Европу, вооружили ее противу Франціи, и были наконецъ причиною ослабленія сей послѣдней. — Не смотря на торжественное отреченіе своей супруги отъ всякихъ притязаній на наслѣдство земель Испанскихъ, Людовикъ, по смерти тестя своего, занимаетъ своими войсками Испанскія Нидерланды, примѣнивъ произвольно существовавшій въ Нидерландахъ законъ для наслѣдствъ частныхъ людей къ наслѣдству государственному, и утверждая, что сіи земли принадлежатъ его супругѣ. Опасность, въ какую приведено было таковымъ поступкомъ равновѣсіе Европейское, заставляетъ Голландію, Англію и Швецію прервать свои дружественныя сношенія съ Франціею; сіи три Государства заключаютъ между собою союзъ, котораго цѣль противоборствовать дальнѣйшимъ замысламъ Франціи. Сей *тройственный* союзъ при-

нуждаетъ Лудовика XIV ограничиться частію тѣхъ земель, которыя онъ захватилъ, и возвратить остальное Испаніи (г. 1668). — Но Лудовикъ XIV, уступя на сей разъ необходимости, не могъ и не хотѣлъ забыть, что Голландія была главною виновницею его неуспѣха. Зависть къ цвѣтущей промышлености и богатству сей Республики, ложная мысль, что, разрушивъ ея мореплаваніе и подорвавъ ея торговлю, онъ подниметъ промышленость Франціи, и наконецъ, гордость Лудовика XIV, которому непонятнымъ казалось, какимъ образомъ нація торгашей (peuple marchand), какъ называлъ презрительно Голландцевъ надменный Король, осмѣлилась противоборствовать могущественнѣйшему Монарху, все сіе было причиною, что, принимая условія Аахенскаго мира (г. 1668), Лудовикъ уже готовилъ войну мести Нидерландской Республикѣ, и чтобы вѣрнѣе былъ ударъ, онъ предварительно отвлекъ уже отъ союза съ нею и Англію и Швецію. Внезапное его вторженіе въ предѣлы Голландіи (г. 1672) привело ее на край погибели; ужасъ и отчаяніе овладѣли умами большей части гражданъ; но сынъ Штатгалтера Вильгельма II, Вильгельмъ, который созрѣлъ въ тишинѣ для той блистательной роли, какую ему суждено было играть въ Европѣ спасъ Республику. Возведенный въ достоинство

Штатгальтера, для него возобновленное, и объявленное наслѣдственнымъ въ его родѣ, среди опасностей войны, онъ умѣлъ составить противу Лудовика XIV союзъ изъ полъ-Европы. Вильгельмъ III сдѣлался душею сего союза, и Франція послѣ войны, которая вознесла славу ея оружія и ея силу на верхнюю степень, должна была заключить съ Республикою отдѣльный миръ, а потомъ могла уже принудить принять условія мира другихъ своихъ противниковъ. Сей Нимвегенскій миръ (г. 1679), диктованный Европѣ Франціею, еще усилилъ ее — на счетъ Испаніи.

45. Эпоху Нимвегенскаго мира должно почитать блистательнѣйшею эпохою царствованія Лудовика XIV, и Франція, побѣдоносная и торжествующая, могла считать славнѣйшимъ своимъ завоеваніемъ господство своего языка, который съ сихъ поръ сдѣлался языкомъ Европейской дипломатики: Нимвегенскій миръ продиктованъ былъ Лудовикомъ XIV Европѣ на языкѣ Французскомъ, который вскорѣ послѣ сего сталъ дѣлаться языкомъ придворнымъ и языкомъ высшаго общества въ Европѣ. Но препрославленный и превознесенный Лудовикъ XIV начинаетъ съ 1680 года новыя несправедливости, производитъ новыя насилія и продолжаетъ въ семъ духѣ дѣйствовать въ такое время, когда уже и онъ и

Государство его противу прежняго измѣнялись къ худшему. Европа исполнялась справедливаго неудовольствія и ропота, но ропота безсильнаго, пока наконецъ Вильгельмъ III получилъ (г. 1689) престолъ низверженныхъ Стюартовъ въ Англіи, и располагая силами двухъ Государствъ, Англіи и Нидерландовъ, снова сдѣлался главою Европейскаго союза противу Лудовика. Война, веденная Франціею противу сего союза (г. 1689 - 1697) показала уже разницу въ силахъ сего Государства по сравненію съ прежними временами: Франція уже не предписываетъ условій мира въ Рисвикѣ (г. 1697), а принимаетъ предложенныя Вильгельмомъ III, является умѣренною и заключивъ новый миръ на условіяхъ Нимвегенскаго, она, значитъ, вынесла изъ послѣдней 8-ми-лѣтней кровопролитной войны однѣ только траты, изъ которыхъ чувствительнѣйшею была потеря превосходнаго флота, истребленнаго на сраженіи при мысѣ Ла-Гогѣ (г. 1692), потеря, которая осталась невознаградимою. — Умѣренности требованій и уступчивости Франціи на Рисвикскомъ мирѣ удивлялась Европа, но вскорѣ, къ новому и большему своему ужасу, узнала настоящую ея причину. Заключая сей миръ, Лудовикъ XIV уже простиралъ свои взоры на Испанію. Тогдашній Испанскій Король, Карлъ II, былъ по-

слѣднею отраслію Дома Карла V, и смертію его, которая, по его болѣзненному состоянію, не могла быть отдаленна, престолъ Испанскій долженъ былъ сдѣлаться празднымъ. Дѣйствительно вскорѣ (г. 1700) скончался Карлъ II, преклоненный передъ смертію своею къ завѣщанію всѣхъ своихъ владѣній въ Европѣ и Америкѣ Филиппу, внуку Лудовика XIV. Хотя; по силѣ завѣщанія Карла II, Испанія и должна была составлять Государство навсегда отдѣльное отъ Франціи, тѣмъ не менѣе Европа встревожена была соединеніемъ столь огромныхъ владѣній въ рукахъ одного и того же Бурбонскаго Дома, и безъ сего соединенія уже весьма сильнаго. Морскія Державы опасались при таковомъ соединеніи за свою торговлю; Австрійскій Домъ не хотѣлъ утратить своихъ правъ, какія онъ думалъ имѣть на наслѣдство Испанское, происходя съ бывшимъ Испанскимъ Королевскимъ Домомъ отъ одного родоначальника. Составилось новое соединеніе Западныхъ Европейскихъ Державъ противу Франціи, и въ теченіе жестокой войны (1701 - 1713) многократно пораженная, истощенная, и прежнимъ напряженіемъ силъ своихъ, Франція сведена геніемъ Марлборуга и Евгенія съ той высоты, на которой она стояла. Счастливымъ соединеніемъ обстоятельствъ она получаетъ еще на Утрехт-

скомъ (г. 1713) и Раштадскомъ (г. 1714) мирѣ болѣе выгодъ, нежели сколько могла обѣщать себѣ; но была уже слишкомъ ослаблена, чтобъ внушать собою основательный страхъ прочей Европѣ, и чтобы угрожать политическому равновѣсію.

46. Изъ предшествовавшей 13-лѣтней противу Франціи брани всѣхъ болѣе извлекла выгодъ Англія. Двукратно (отъ 1689-1697 и 1700-1713) она была главою Европейскаго союза, и руководила дѣйствіями Государствъ твердой земли; — обстоятельство, которое и одно само по себѣ должно уже было относительно возвысить Англію; но она въ теченіе сего времени возвысилась и развитіемъ внутреннихъ силъ своихъ, увеличила свою промышленость, распространила свое мореплаваніе и торговлю, и сдѣлалась отселѣ неоспоримо первою морскою Державою. Искусныя финансовыя спекуляціи открыли ея Правительству безмѣрныя денежныя средства, и дали Англіи возможность быть постоянною и дѣятельною участницею всѣхъ событій твердой земли Европы. Нидерланды, совокупно съ Англіею дѣйствовавшіе противу Франціи, упрачивали свое первенство на моряхъ по мѣрѣ, какъ возвышалось могущество Англіи, и не извлекали выгодъ, соразмѣрныхъ своимъ пожертвованіямъ, въ двухъ послѣднихъ союзахъ Ев-

ропы противу Франціи. Опытами увѣрилась Республика, что, вмѣшиваясь въ дѣла монархическихъ Державъ, она тратилась, ничего не пріобрѣтая, и что Англія, ея союзница, охотно жертвовала ею своимъ выгодамъ. Вѣнценосный Историкъ (*) справедливо сравниваетъ Голландію, по ея связямъ съ Англіею въ теченіе XVIII вѣка, съ челномъ, привязаннымъ къ кораблю и неволею влекомымъ по пути корабля. Корабль выдержалъ удары бурь, взволновавшихъ Европу въ исходѣ XVIII вѣка, и выплылъ невредимый, а челнъ поглотили волны! — Австрійскій Домъ, хотя увеличилъ по Раштадскому миру свои владѣнія присоединеніемъ (не надолго) части Испанскаго наслѣдства: Неаполя и Сардиніи, (которая въ 1718 обмѣнена на Сицилію), но понесъ траты великія въ продолженіе войны, и не смотря на сіи присоединенія, вышелъ изъ оной слабѣе, чѣмъ прежде. Подлѣ Австрійскихъ владѣній возвысился Бранденбургскій Домъ, если не по внутреннимъ силамъ, то по новому достоинству. Курфирстъ Фридрихъ III, пышный сынъ Великаго Курфирста, получилъ отъ Императора Леопольда желаемый титулъ Короля Прусскаго, и признанъ Европою въ семъ достоинствѣ на Утрехтскомъ и Раштад-

(*) Фридрихъ Великій.

скомъ Конгрессахъ. Новое тишло поставило Пруссію на степень болѣе видную и сдѣлало ее, такъ сказать, сочленомъ Европейскаго Ареопага. Испанія не обновилась въ благоденствіи подъ управленіемъ новой царственной династіи: періодъ силы ея прошелъ навсегда. Во Франціи Лудовикъ XIV, виновникъ и ея величія и ея гибели, пережилъ благоденствіе своего Государства. Проводивъ въ могилу знаменитыхъ своихъ сподвижниковъ на поприщѣ государственномъ, оплакавъ своихъ дѣтей и внучатъ, онъ — развалина своего блистательнаго вѣка — остался одинъ, какъ могучее и сѣнистое нѣкогда дерево, котораго молодыя вѣтви и зеленѣющіе листья умчала буря. У подножія престола одряхлѣвшаго и тѣломъ и духомъ Лудовика XIV, игралъ безотвѣтный и хилый младенецъ, его правнукъ. Сей-то младенецъ по смерти прадѣда (г. 1715) и получилъ престолъ Франціи подъ именемъ Лудовика XV. Регентство Филиппа Орлеанскаго (г. 1715-1723), во время его малолѣтства, а еще болѣе его собственное царствованіе (г. 1723-1774) не только не залечили ранъ Франціи, а еще усугубили несчастія Государства. Въ теченіе сего-то времени сластолюбія, безпечности и разврата, собрались надъ Франціею тучи, которыя должны были разгрянуться надъ невинною главою до-

бродушнаго Лудовика XVI. — Такимъ образомъ, по Утрехтскому миру, Франція сведена была съ этой степени первенства, на которой она дотолѣ стояла; но мѣсто ея въ Европѣ осталось незанятымъ; не стало ни одного Государства, которое бы имѣло рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми прочими, и Европейское равновѣсіе казалось утвержденнымъ на ЮЗ.; Англія, Нидерланды, Австрія, новое Королевство — Пруссія — и наконецъ Франція, ослабленная ударами жестокими, но еще богатая собственными средствами, остались стражами его на З. Европы.

47. Въ то время, какъ вся Западная Европа объята была пламенемъ войны за Испанское наслѣдство, и Европа Восточная была театромъ переворотовъ, которые не только дали новый образъ сей странѣ, но коихъ послѣдствія имѣли могущественное вліяніе и на всю Европу; ибо ими введена въ систему Европейскихъ Государствъ Держава, которая прямо должна была занять одно изъ первыхъ мѣстъ между первенствующими Монархіями. Говоримъ о великой Сѣверной войнѣ, 21 годъ (1700-1721) продолжавшейся, положившей прочное основаніе величію Россіи, и уничтожившей перевѣсъ Швеціи на СВ. Европы. Разсмотримъ, въ какомъ положеніи передъ началомъ

скомъ Конгрессахъ. Новое тито поставило Пруссію на степень болѣе видную и сдѣлало ее, такъ сказать, сочленомъ Европейскаго Ареопага. Испанія не обновилась въ благоденствіи подъ управленіемъ новой царственной династіи: періодъ силы ея прошелъ навсегда. Во Франціи Лудовикъ XIV, виновникъ и ея величія и ея гибели, пережилъ благоденствіе своего Государства. Проводивъ въ могилу знаменитыхъ своихъ сподвижниковъ на поприщѣ государственномъ, оплакавъ своихъ дѣтей и внучатъ, онъ — развалина своего блистательнаго вѣка — остался одинъ, какъ могучее и сѣнистое нѣкогда дерево, котораго молодыя вѣтви и зеленѣющіе листья умчала буря. У подножія престола одряхлѣвшаго и тѣломъ и духомъ Лудовика XIV, игралъ безотвѣтный и хилый младенецъ, его правнукъ. Сей-то младенецъ по смерти прадѣда (г. 1715) и получилъ престолъ Франціи подъ именемъ Лудовика XV. Регентство Филиппа Орлеанскаго (г. 1715-1723), во время его малолѣтства, а еще болѣе его собственное царствованіе (г. 1723-1774) не только не залечили ранъ Франціи, а еще усугубили несчастія Государства. Въ теченіе сего-то времени сластолюбія, безпечности и разврата, собрались надъ Франціею тучи, которыя должны были разгрянуться надъ невинною главою до-

бродушнаго Лудовика XVI. — Такимъ образомъ, по Утрехтскому миру, Франція сведена была съ этой степени первенства, на которой она дотолѣ стояла; но мѣсто ея въ Европѣ осталось незанятымъ; не стало ни одного Государства, которое бы имѣло рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми прочими, и Европейское равновѣсіе казалось утвержденнымъ на ЮЗ.; Англія, Нидерланды, Австрія, новое Королевство — Пруссія — и наконецъ Франція, ослабленная ударами жестокими, но еще богатая собственными средствами, остались стражами его на З. Европы.

47. Въ то время, какъ вся Западная Европа объята была пламенемъ войны за Испанское наслѣдство, и Европа Восточная была театромъ переворотовъ, которые не только дали новый образъ сей странѣ, но коихъ послѣдствія имѣли могущественное вліяніе и на всю Европу; ибо ими введена въ систему Европейскихъ Государствъ Держава, которая прямо должна была занять одно изъ первыхъ мѣстъ между первенствующими Монархіями. Говоримъ о великой Сѣверной войнѣ, 21 годъ (1700-1721) продолжавшейся, положившей прочное основаніе величію Россіи, и уничтожившей перевѣсъ Швеціи на СВ. Европы. Разсмотримъ, въ какомъ положеніи передъ началомъ

великой брани были Государства, въ ней участвовавшія.

48. Швеція вышла изъ 30 лѣтней войны съ пріобрѣтеніемъ владѣній на В. и Ю. берегу Балтійскаго моря, съ громкою славою великихъ подвиговъ, ею совершенныхъ, съ сознаніемъ собственнаго своего достоинства и съ высокимъ о себѣ мнѣніемъ Европы. Дѣла блестящей храбрости Карла X (г. 1654-1660) дорого ей стоили; но усугубили ея военную славу, и подкрѣпили мнѣніе о непобѣдимости Шведовъ; малолѣтство Карла XI (г. 1660-1672) поколебало могущество престола; но получивъ власть въ свои руки (г. 1672-1697), Карлъ, худо воспитанный, но сильный тѣломъ и духомъ, смирилъ аристократовъ, которыхъ вліянію на дѣла государственныя нація не безъ основанія приписывала неудачи, потерпѣнныя Швеціею въ войнѣ (г. 1675), веденной по внушенію Лудовика XIV съ Великимъ Курфирстомъ. Почти неограниченную власть, богатую казну и воинство, гордое воспоминаніями прежнихъ подвиговъ, оставилъ онъ геніяльному сыну своему, Карлу XII. Въ то время, когда 14-ти-лѣтній Карлъ наслѣдовалъ (г. 1697) престолъ предковъ и ихъ славу, и другія Государства, окружавшія Швецію и бывшія съ нею въ ближайшемъ сношеніи, получили новыхъ властителей. Въ одинъ годъ

съ Карломъ XII возведенъ, по избранію, на престолъ Польши великолѣпный Курфирстъ Саксонскій, Августъ; два года спустя (г. 1699), воцарился въ Даніи Фридрихъ IV, и въ Россіи владычествовалъ съ 1689 года 17 лѣтній Петръ, уже начавшій великое дѣло преобразованія своей Державы: Цари и въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полнотѣ духа предпріимчиваго.

49. Выше всѣхъ сихъ Государствъ стояла Швеція; но ея величіе было искусственное! Не возможно, чтобъ долговременный перевѣсъ оставался прочно на сторонѣ Государства, которому недоставало внутренней силы: недоставало многочисленнаго народонаселенія, ни богатаго разнообразія промысловъ, ни — наконецъ — природы благодарной, которая бы ободряла усилія человѣческой дѣятельности, вознаграждая оныя плодомъ обильнымъ. Окрестныя Государства, кромѣ опасеній на счетъ обиднаго перевѣса Швеціи, имѣли еще воспоминанія, для всѣхъ ихъ горькія: они всѣ, одно за другимъ, поражены были Шведами, а у Польши и Даніи свѣжи еще были раны, нанесенныя имъ обѣимъ отъ Карла X. Тогдашній Государь Швеціи ни лѣтами, ни характеромъ не возбуждалъ опасливаго вниманія своихъ сосѣдей. Никто не угадывалъ, что Государь-юноша, который разсѣянно грызъ себѣ ногти при неизбѣжныхъ присутствіяхъ своихъ въ

Государственномъ Совѣтѣ, и который дѣлилъ свое время между ученьями своихъ солдатъ и медвѣжьею травлею, — обладаетъ душею пламенною, способною исполняться вдохновеній при чтеніи повѣствованія о дѣлахъ великихъ; что жажда дѣлъ и славы была его безпокойная дѣятельность; что въ семъ юношѣ зрѣетъ мужъ, котораго потомство неоспоримо бы назвало великимъ человѣкомъ, если бы онъ самъ не полагалъ, что величіе владыкъ земныхъ, сіяющихъ въ Исторіи, пріобрѣтено ими только на поляхъ войны. Карлъ XII не постигалъ, что есть еще другое прочнѣйшее величіе; необыкновенный его геній получилъ направленіе одностороннее; жажда славы военной поглотила въ немъ всѣ другія благороднѣйшія страсти, и изумительные подвиги, имъ блистательно совершенные, являютъ его — только страннымъ человѣкомъ! При всемъ томъ, Карлъ, если бы не встрѣтилъ себѣ соперникомъ дивнаго Петра, единственнаго въ лѣтописяхъ міра, или если бы способенъ былъ понять и оцѣнить величіе сего соперника, по всѣмъ вѣроятностямъ, управился бы совершенно съ прочими своими врагами.

50. Фридрихъ IV и Августъ, каждый по своимъ особеннымъ побужденіямъ, желали войны съ Швеціею, и имѣли надежды усилиться

тогда на счетъ ея. Фридрихъ поставилъ себѣ цѣлію выполнить планъ своего родителя: соединить съ Датскою короною Герцогство Голштинское, которое, подъ управленіемъ младшей линіи Датскаго Королевскаго Дома, составляло (съ 1544 г.) отдѣльное владѣніе, и котораго тогдашній Герцогъ, Фридрихъ V, имѣя въ супружествѣ сестру Карла XII, состоялъ подъ защитою Швеціи. Августъ, давъ слово Польскому Сейму возстановить Польшу въ предѣлахъ, какіе имѣла она при Стефанѣ Баторіи, желалъ и надѣялся отнять у Швеціи Ливонію. Планы обоихъ Государей сообщены были Петру Великому, который не хотѣлъ и не могъ отказаться отъ участія въ предпріятіи, важномъ и для Россіи. Пересозидая свое Государство, Петръ чувствовалъ, что для развитія силъ Россіи необходимо нужны берега морскіе; что, имѣя въ своемъ обладаніи начала и большую часть теченія рѣчныхъ системъ, необходимо имѣть и устья ихъ; что Сѣверная Двина и Волга, единственныя большія рѣки, всѣмъ своимъ теченіемъ заключавшіяся въ тогдашней Россіи, имѣютъ устья въ такихъ моряхъ, которыя не открываютъ ни какихъ видовъ на обширную, соразмѣрную разнообразію продуктовъ Россіи торговлю, и что по Столбовскому миру (г. 1617), Россія вовсе отрѣзана отъ того

моря, въ которое изливаются двѣ большія рѣчныя системы, въ ней начинающіяся, Невская и Двинская, которое одно только могло сблизить Россію съ образованною Европою, и котораго берега, наконецъ, въ XI и XII вѣкахъ были подъ властію Россіи. Такимъ образомъ составился противу Карла XII союзъ. Въ одно время три Державы возстали на Швецію. Но Данія и Польша, быстро пораженныя, уклонились отъ военнаго театра, и главнымъ, единственнымъ дѣйствователемъ осталась Россія, водимая своимъ Петромъ.

51. Со временъ сей великой Сѣверной войны, Россія, доселѣ отдѣленная отъ прочей Европы, приходитъ съ оною въ соприкосновеніе и становится членомъ Европейской государственной системы, занявъ тогда же почетное мѣсто между первостепенными Государствами, и получивъ тогда же великое вліяніе на дѣла Европейской политики. Доселѣ теченіе историческихъ происшествій и отдѣльность Россіи ограничивали Исторію почти исключительно ЮЗ. Европы: весьма естественно! Великій переворотъ, отдѣляющій Древнюю Исторію отъ Средней, произведенъ былъ Германскими народами; ими положено основаніе новымъ Государствамъ Европы на развалинахъ Западной Римской Имперіи; они кладутъ печать своей народности

на всѣ событія среднихъ вѣковъ, и сіи событія составляютъ непрерывное развитіе ихъ жизни до тѣхъ поръ (до исхода XV и начала XVI вѣка), какъ кончилось преобладаніе Германскаго быта, какъ произошло совершенное сліяніе побѣдителей и побѣжденныхъ, сліяніе, произведшее новыя народности, чуждыя быту Германскому, и нерѣдко ему непріязненно противоположныя, какъ уничтожилось и то учрежденіе, которое долѣе всего заявляло вліяніе Германской жизни на Европу — феодальная система. Событія, начавшіяся съ XVI вѣка, составляютъ продолженіе и послѣдствіе событій прежняго времени, но иначе проявляющихся. Изъ сего видно, что Западная Европа, которой Государства, основанныя Германцами, имѣли и уставы, составлявшіе развитіе Германскаго быта, должна быть и съ XVI вѣка главнымъ театромъ происшествій Всеобщей Исторіи; а связь западныхъ переворотовъ, одинъ изъ другаго вытекающихъ, не представляла вовсе повода обратиться къ изображенію судьбы Государства Россійскаго. Отселѣ, въ теченіе XVIII вѣка, будемъ встрѣчать Россію между первыми дѣйствователями въ великихъ событіяхъ Исторіи; здѣсь мѣсто бросить взглядъ на ея возрожденіе и возвышеніе до той эпохи, въ

которую она созрѣвшія, невѣдомо для Европы, свои силы развила ей на удивленіе.

52. XV вѣкъ, бывшій для Европы вѣкомъ образованія Монархій, былъ и для Россіи временемъ утвержденія власти единодержавной; но въ Россіи, составлявшей собою по всему особенный міръ, все развивалось иначе при вліяніи другихъ обстоятельствъ, при дѣйствіи другихъ причинъ. Изложенныя выше великія происшествія (3-8), измѣнившія положеніе и отношенія Государствъ Европы Западной, не имѣли никакого, по крайней мѣрѣ, современнаго и непосредственнаго, вліянія на Россію, и ея Исторія до XVIII столѣтія идетъ параллельно съ Исторіею прочей Европы, не сливаяся съ нею.— Первое сѣмя государственнаго бытія Россіи, среди совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга поколѣній Славянъ, положенъ было Норманнами въ землѣ Славянъ Новогородскихъ (г. 862). Завоеватели дали побѣжденнымъ свое имя, Русь, а отъ нихъ заимствовали языкъ и нравы, и вскорѣ и побѣдители и побѣжденные слились въ одинъ народъ, Русскій. Если бы средоточіемъ основывавшагося общественнаго соединенія остались страны около озера Ильменя, то Русь, окруженная сосѣдями, которые были и бѣднѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ она сама, надолго осталась бы также и бѣд-

ною и невѣжественною страною, и, можетъ быть, вовсе не достигла бы своего великаго назначенія. Но почти въ то же время, какъ Рюрикъ основывалъ одно Русское владѣніе около Новагорода, сопутники его, Аскольдъ и Диръ, влекомые Норманнскою смѣлостію, пошли искать добычи и славы на Ю. и основали другое, на нижнихъ частяхъ Днѣпра (г. 864). Бóльшее приволье Южно-Русскаго владѣнія для жизни и промысловъ вскорѣ сдѣлалось явнымъ, и *Вѣщій* Олегъ, могучій преемникъ Рюрика, съ небольшимъ два года послѣ его кончины (г. 882), уничтожилъ владычество Аскольда и Дира въ Приднѣпровскихъ странахъ: соединивъ силы С. и Ю. Руси, проникъ до Царяграда и — вырѣзанное въ лѣсахъ Ладожскихъ копье свое вонзилъ во врата Константинополя. Олегъ утвердилъ свое пребываніе въ Кіевѣ: слѣдствія сего были чрезвычайно важны, рѣшительны для судьбы Руси! Она приблизилась къ свѣту и образованію, войдя въ сосѣдство и непосредственную связь съ Греціею, Государствомъ слабымъ въ политическомъ отношеніи, но первымъ по образованію между всѣми, ему современными. Заимствовавъ отъ Грековъ (г. 988) Вѣру въ истиннаго Бога, по правиламъ Православной Восточной Церкви, Россія отдѣлилась отъ Европы; но въ сей отдѣльности Русскій

народъ имѣлъ время, необходимое по его быту и его духу, чтобы, сохранясь отъ вліянія Римскаго Права и Каноническаго, созрѣвать въ своей самобытности для того великаго назначенія, которое несомнѣнно составляетъ удѣлъ его въ мірѣ (*). Отселѣ путь Россіи есть совершенно свой, ей собственный! Новая Вѣра, истребивъ язычество, образовала иначе характеръ народа; новый порядокъ престолонаслѣдія уничтожилъ начало феодализма, который Норманны водворили было въ Руси, — другое отличіе ея отъ всей прочей Европы, которой государственные уставы развились изъ сего древне-Германскаго учрежденія. Сей новый порядокъ престолонаслѣдія сдѣлался условіемъ будущей судьбы Руссовъ (**).

53. Раздробленная на множество отдѣльныхъ частей между потомками Ярослава (г. 1054), при неопредѣлительности права на Великое Княжество, права тѣмъ болѣе сомнительнаго, чѣмъ болѣе дѣлились роды, при неопредѣлительности отношеній Великаго Князя къ Удѣльнымъ и сихъ послѣднихъ между собою, естественно Россія должна была сдѣлаться театромъ кровопролит-

---

(*) Луденъ.

(**) Полевой.

ныхъ междоусобій на долгое время. Таковое треніе собственныхъ составныхъ частей будущаго Государства другъ объ друга было необходимо для развитія жизни народа, отдѣленнаго вовсе отъ своихъ собратій Европейскихъ, непринимавшаго участія въ переворотахъ Запада, и нераздѣлявшаго, слѣдственно, и полезнаго вліянія сихъ переворотовъ на жизнь и судьбу народовъ Западной Европы. И дѣйствительно, жизнь Русскаго народа развилась именно въ слѣдствіе сего тренія. Тѣ же самыя войны, которыя погубили Кіевъ, послужили къ возвышенію Галича на ЮЗ. и Владиміра на СВ. Руси; и потомъ, когда Владимірское Великое Княжество сдѣлалось также въ свою очередь страною раздѣленія и междоусобій, въ слѣдствіе ихъ возвысилась, на уничиженіи Владиміра, Москва, которая возрасла успѣшнымъ соперничествомъ съ Рязанью на одной, и Тверью на другой сторонѣ, и собрала подъ щитъ свой расторженныя части Руси въ одно великое Государство Россійское. И между тѣмъ, пока такимъ образомъ поочередно высились и низились разныя Княжества Руси, Новгородъ воспользовался временемъ, когда власть древняго Кіева ослабѣла, а могущество новаго Владиміра еще не утвердилось, и образовался въ Республику;

и тогда, когда прочая Россія гибла подъ ударами Татаръ, Новгородцы богатѣли торговлею съ Ганзою, сбывали имъ произведенія Русской природы, обильной и разнообразной, а получали отъ нихъ произведенія Европейской промышлености. Самое нашествіе Татаръ и владычество ихъ, два съ половиною вѣка (отъ 1236-1480) продолжавшееся, было событіемъ великимъ и для Европы и для Россіи: для Европы потому, что Русь, принявъ на грудь свою удары сабель Татарскихъ, заслонила собою Западную Европу отъ разоренія, которое было бы гибельно для начинавшагося въ XIII вѣкѣ новаго государственнаго устройства и новыхъ успѣховъ жизни, и которое неминуемо отодвинуло бы человѣчество снова на нѣсколько вѣковъ назадъ въ образованіи; для Россіи потому, что оно послужило къ усиленію Москвы. И злобный Юрій Даниловичъ и хитрый братъ его Іоаннъ умѣли снискать себѣ благосклонность Хановъ, и поддерживаемые ими, высились надъ прочими Князьями, смиряли ихъ, и приготовляли соединеніе частей подъ властію единодержавною. Отъ сего времени (г. 1328) новый, естественнѣйшій и полезнѣйшій порядокъ престолонаслѣдства начинается и вытѣсняетъ прежній, бывшій, въ теченіе столькихъ вѣковъ,

источникомъ войнъ и бѣдствій; утверждается преемство престола въ прямой нисходящей линіи, безъ раздѣла, и напрасно роды Князей Тверскихъ, Рязанскихъ, Нижегородскихъ стараются поддержать порядокъ старый, выгодный для честолюбія Удѣльныхъ Князей. Незабвенный Димитрій Донской уже былъ рѣшительно первый между Князьями Руси по могуществу, будучи первымъ между ними по своимъ доблестямъ; уже онъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы мѣряться съ Татарами въ бою открытомъ, и побѣдить ихъ (г. 1380). И между тѣмъ Москва крѣпчала, а Орда дробилась и слабѣла; сынъ Донскаго, Василій Димитріевичъ (г. 1389-1425), гибкій и терпѣливый съ своими Европейскими и Азіятскими сосѣдями, гордый и непреклонный съ Удѣльными Князьями, осторожно, но твердыми шагами шествуетъ къ возвышенію рѣшительному своей власти надъ странами отъ Чернигова и Смоленска до Нижняго, Перми и Новогорода, и оканчиваетъ свое 36-лѣтнее царствовованіе тѣмъ, что обязываетъ всѣхъ Князей клятвою не входить ни въ какія сношенія ни съ Литвою, ни съ Татарами, и принуждаетъ ихъ признать девятилѣтняго сына своего, Василія, единственнымъ своимъ Владыкою. Царствованіе сего Василія (г. 1425-1462), которому названіе

Темнаго довлѣетъ не по одному тому, что онъ лишенъ былъ глазъ чрезъ злодѣйство, бывшее возмездіемъ за таковое же, имъ самимъ совершенное, самымъ несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что новый порядокъ вещей утверждается на Руси, что близкое преобразованіе судьбы ея готовится. Младенцемъ получилъ Василій престолъ родителей; возмужавъ, не явилъ въ себѣ ни одного качества державнаго; находился въ плѣну у Татаръ Казанскихъ; три раза былъ лишаемъ престола дядею и двоюродными братьями, и опять возвращался на оный, чѣмъ? Мнѣніемъ народа, который понималъ уже, что спасительное единодержавіе есть залогъ его благоденствія, который привыкъ любить своихъ Владыкъ законныхъ, а законнаго Владыку видѣть только въ старшемъ сынѣ Великаго Князя Московскаго; который утвердился въ мысли, что только подъ хранительнымъ щитомъ Князей Москвы онъ обрѣтетъ свою самобытность. Сіи чувствованія сдѣлались условіемъ Исторіи Русскаго народа, и ими только можно изъяснить то единственное въ Исторіи явленіе, что пришлецъ, можетъ быть даже не Русскій, безъ предварительныхъ связей, безъ знакомствъ, вошелъ въ Россію съ однимъ только именемъ Царевича, и симъ именемъ, какъ вол-

шебствомъ, привлекъ къ себѣ умы народа и вознесенъ былъ на тотъ престолъ (1605-1606), котораго Годуновъ не могъ удержать за собою всѣми своими доблестями. Въ царствованіе Темнаго Василія прогремѣли послѣднія бури междоусобныхъ войнъ; совершились послѣдніе удары Татаръ, уже слабые удары! Іоаннъ Великій, сынъ его, довершилъ зданіе единодержавія, начатое соименникомъ — предкомъ его, Іоанномъ Калитою. Отселѣ начало Россіи, яко Государства.

54. Свойство великихъ людей имѣть цѣль для своей жизни, для своихъ дѣйствій, и неослабно стремиться къ ея достиженію. Іоаннъ имѣлъ таковую цѣль: утвержденіе совершенное и полное своей власти единодержавной; освобожденіе совершенное Россіи отъ зависимости Татарамъ и возведеніе ея на степень Государства самобытнаго — вотъ что было возвышенною цѣлію Московскаго Великаго Князя. И онъ достигалъ сей цѣли терпѣніемъ, умомъ, политикою, и — въ рѣдкихъ случаяхъ — силою, не безъ хитрости, не безъ привязчиваго насилія, особенно въ отношеніи къ Новгороду, но безъ коварства, безъ злодѣйствъ, какъ современникъ его, Лудовикъ XI, котораго можно сравнить съ Іоанномъ, только по неутомимой волѣ, съ какою стремился онъ къ подобной же цѣли.

Но Лудовикъ XI имѣлъ только одного врага — феодализмъ; сломивъ своевольство вассаловъ, Лудовикъ оканчивалъ свое дѣло. Іоаннъ же имѣлъ четырехъ непріятелей: Татаръ, Удѣльныхъ Князей (Тверь и Рязань), Республики Новгородскую и Псковскую, и Литву, покровительствовавшую имъ обѣимъ. Онъ побѣдилъ всѣхъ сихъ непріятелей, и хотя въ повѣствованіи о дѣлахъ его воображеніе наше не плѣняется подвигами отважной храбрости и мужественной силы, которые столь любитъ оно находить въ герояхъ Исторіи; хотя встрѣчаешь его тамъ уступающимъ, гдѣ бы желалъ видѣть его упорствующимъ; тамъ въ бездѣйствіи, гдѣ бы, по видимому, должно было дѣйствовать рѣшительно и смѣло; но разсматривая ближе и дѣла его и послѣдствія оныхъ, разсудокъ убѣждается, что средства, употребленныя Іоанномъ, хотя не такъ быстро, но за то вѣрнѣе вели къ предположенной цѣли: тогда увѣряешься, что все совершившееся дѣлалось такъ потому, что было приготовлено, предвидѣно и разсчитано; что малодушіе было въ немъ благоразуміе, бѣгство — искусство, медленность — мудрость, и тогда является ясно все величіе дѣлъ Іоанновыхъ. Желаешь, чтобы подвигомъ мужественной отваги и рѣшительности Россія сверглa съ себя зависимость чужеземную, и смѣлымъ

ударомъ разбила въ прахъ ветхое иго Татаръ, еще ее позорившее; ждешь съ нетерпѣніемъ сего удара и негодуешь на Іоанна, какъ онъ, Владыка народа, исполненнаго къ нему благоговѣйной преданности, предводитель многочисленнаго избраннаго воинства, робко прячется отъ непріятеля на берегахъ Угры. Но между тѣмъ, какъ главныя силы Россіи и Орды стояли здѣсь другъ противъ друга, воинство союзника и друга Іоаннова, Крымскаго Хана Менгли-Гирея, и Русское, подъ начальствомъ Воеводы Звенигородскаго, уже разгромили Орду въ самомъ ея средоточіи, на Нижней Волгѣ (г. 1480); а обратившееся къ защищенію своихъ жилищъ воинство Ахмата, перехвачено и истреблено было Ногаями и Казаками. Такимъ образомъ Іоаннъ погубилъ Орду посредствомъ Крымскаго Хана; такимъ же образомъ сторожилъ, ослаблялъ и обрывалъ Литву посредствомъ Стефана, Господаря Молдавскаго, своего союзника и родственника, а между тѣмъ шагъ за шагомъ (г. 1471, 1477, 1479) ничтожилъ свободу Новагорода, могущественной Республики, которой самобытность несовмѣстна была ни съ планами Іоанна, ни съ цѣлостію и благоденствіемъ Россіи, и наконецъ, окруживъ давнюю соперницу Москвы и союзницу Литвы, Тверь, какъ сѣтію, владѣніями своими, уничтожилъ Удѣлъ Твер-

скій, соединивъ сію область съ Москвою (г. 1485). Въ слѣдъ за Тверью пали къ подножію престола Іоаннова Княжества Ростовское и Ярославское, и всѣ Удѣлы на пространствѣ отъ нынѣшней Калужской и Тульской Губерніи до Кіевской. Оставался одинъ, не опасный по безсилію своему, Псковъ, помощникъ Іоанна въ войнѣ съ Новгородомъ, и покорный Государю Московскому, и Рязань, состоящая подъ его опекою. Собравъ въ рукѣ своей всѣ силы Руси, Іоаннъ простеръ ихъ съ одной стороны на В., заставивъ могущественнѣйшее изъ Царствъ, образовавшихся на развалинахъ Орды, Казань, признать власть его надъ собою (г. 1487); а съ другой на З., на Ливонію (г. 1493 — 1503), чтобы придвинуть Россію къ берегамъ того моря, чрезъ которое жизнь и образованіе Европейцевъ должны были войти въ его Государство: планъ, котораго исполненіе предоставлено было Промысломъ Петру Великому. Дѣйствительно, не отступая отъ обычаевъ старины, не измѣняя древняго быта народнаго, Іоаннъ хотѣлъ ознакомить Россіянъ съ Искусствами и промыслами Западныхъ Европейцевъ; вызывалъ образованныхъ чужеземцевъ, полезныхъ своими познаніями; не возвышалъ ихъ до своей довѣренности, но жаловалъ какъ Государь и употреблялъ ихъ способности и познанія или

для украшенія своей столицы, или для дѣлъ военныхъ, посольскихъ и торговыхъ. Поощряя промышленость народную, водворяя въ Россіи новые источники набогащенія, Іоаннъ увеличилъ свои доходы, возвысилъ блескъ своего Двора, возвысилъ достоинство своего Государства въ многочисленныхъ уже въ его время сношеніяхъ съ Европейскими Державами. Бракъ его съ Греческою Царевною Софіею (г. 1472), единственною отраслію Дома Греческихъ Императоровъ, являлъ Іоанна передъ Европою какъ бы наслѣдникомъ ихъ титула, тѣмъ болѣе, что и гербъ Греческой Имперіи принятъ имъ былъ въ Россіи; нерѣдко въ грамотахъ иноземныхъ его именовали Императоромъ, хотя онъ и не употреблялъ сего титула. Іоаннъ увѣнчалъ свои подвиги тѣмъ, что далъ (г. 1497) Государству, имъ собранному, новые законы, общіе для всѣхъ частей, и долженствовавшіе держать и крѣпить союзъ ихъ. Провидѣніе даровало ему, для совершенія сихъ великихъ дѣлъ, и царствованіе продолжительное: онъ 43 года (отъ 1462-1505) управлялъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, судьбами Россіи.

55. Между царствованіемъ Іоанна Великаго и внука его Іоанна Грознаго, находится 28-лѣтнее (1505-1533) царствованіе Василія, сына перваго и отца втораго Іоанна, и па-

мять Василія не затмѣвается блескомъ великихъ дѣлъ, совершенныхъ его отцемъ и его сыномъ: онъ былъ достойнымъ продолжателемъ царствованія перваго, такъ какъ и достойнымъ предшественникомъ второму. Послѣдуя неуклонно осторожной и терпѣливой, но твердой политикѣ отца, Василій крѣпилъ союзъ частей новаго Государства, и возвышалъ достоинство онаго во внѣшнихъ сношеніяхъ; послѣдніе остатки удѣльной системы, Псковъ (г. 1510) и Рязань (г. 1517), кончили свое полузависимое бытіе, и слились въ одно съ Москвою, и мятежная Казань снова должна была (г. 1531) признать зависимость отъ Россіи, наложенную на нее Іоанномъ Великимъ. Власть единодержавная достигла полной зрѣлости своей. Князья и роды ихъ, какъ и самъ Великій Князь, потомки Ярослава, служили ему наравнѣ съ прочими подданными, и считали наградою за свою службу титло Боярина при Дворѣ его. Въ народѣ болѣе и болѣе забывались ихъ прежнія права и порода: Русскіе со временъ Іоанна Великаго привыкли видѣть въ потомкахъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей — подданныхъ, какъ и они — Государя Московскаго. Сію полноту власти оставилъ Василій въ наслѣдіе трехлѣтнему младенцу, сыну своему, Іоанну.

56. При воздвигшейся и утвердившейся въ

Россіи единодержавной власти, судьба Государства уже непосредственно зависѣла отъ свойствъ Самодержца. Природа произвела Іоанна необыкновеннымъ, геніяльнымъ человѣкомъ; воспитаніе погубило его геній, прорывавшійся только по временамъ сквозь густыя тучи злодѣйствъ и разврата. Жизнь сего Грознаго Іоанна, перваго Царя Русскаго, вся принадлежитъ Исторіи отъ нѣжнаго младенчества до кончины, застигшей Царя еще не въ дряхлой старости (ему было 53 года); но крѣпость тѣлесная, которою по наружности обладалъ онъ, уже подрыта была бурею страстей и пылкостію вожделѣній. Исторія жизни Іоанновой есть Исторія Россіи въ 50-лѣтнее его царствованіе. Времена перваго младенчества его отъ 1533-1538 были временами правительствованія его матери, Елены Глинской и временщиковъ, любимцевъ ея, особенно Князя Оболенскаго. Новое Правительство считало нужнымъ, для безопасности своей, умертвить обоихъ дядьевъ Іоанна, и злодѣйство было совершено; оно простерлось и на другихъ, неугодившихъ Правительницѣ или ея любимцу; беззаконныя притѣсненія возрастали; народъ стеналъ отъ безнаказаннаго самовластія олигарховъ, но въ дѣлахъ внѣшней политики, въ сношеніяхъ и войнахъ съ Литвою, Крымомъ, Казанью, Россія еще

являлась сильною. Второй періодъ жизни Іоанна, отъ 1538-1547, по смерти матери, есть несчастнѣйшій періодъ и для него и для Россіи: въ немъ основаніе зла, которое пустило глубокіе корни въ душѣ державнаго отрока, родившагося съ пламенною душею. Правительница, при всей своей безпечности и склонности къ забавамъ и увеселеніямъ, была однако жъ лицемъ, въ которомъ все сосредоточивалось, и предъ которымъ должна была смиряться гордыня вельможъ; но по ея кончинѣ ступени престола Русскаго сдѣлались поприщемъ, на которомъ дѣйствовали, кипѣли страсти: зависть, властолюбіе, хищничество, насилія всякаго рода. Временщики возвышались и упадали, преслѣдовали, губили другъ друга, и особенно Князья Шуйскіе отличались неистовымъ властолюбіемъ, грабительствомъ и жестокостями, которыхъ и Россія, и самъ Государь были жертвою. Это было время, столь выразительно въ Исторіи Русской называемое временемъ боярскихъ смутъ. Исполненная волненій и безпорядка внутренняго, Россія потеряла уваженіе сосѣдовъ: вторженія Крымцевъ, Казанцевъ, Ногаевъ, еще смирявшихся предъ Россіею и во времена Правительницы, сдѣлались и часты и опустошительны. Сіи бѣдствія въ настоящемъ угрожали будущностію, еще болѣе бѣдственною: Іоаннъ воз-

расталъ и развивался быстро; но временщики отравили его младую душу, тѣшили, забавляли юнаго Государя, чтобы долѣе удержать его подъ своею беззаконною опекою, и безсмертный духъ его угасалъ, окованный буйной праздностію и безчиніемъ. Сѣмена, посѣянныя злобою, принесли плоды достойные, и Шуйскіе первые вкусили сіи плоды: одинъ (Князь Андрей) растерзанъ былъ по повелѣнію Іоанна, уже чувствовавшаго, что онъ властелинъ; другихъ постигли казнь, опала, ссылка и заточеніе вмѣстѣ съ друзьями ихъ и приверженцами. Въ семъ первомъ обнаруженіи собственной власти Іоанна (г. 1544) видно не дѣйствіе Правительства строгаго и справедливаго — не законъ каралъ здѣсь преступныхъ самовластителей, а страсть, собственная ненависть молодаго Государя, который считалъ потворство ему отъ Шуйскихъ обязанностію, а неизбѣжное въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопротивленіе его волѣ, уже начинавшей не полагать себѣ предѣловъ, оскорбленіемъ (*). Глинскіе, дядья Іоанновы по матери, завидуя могуществу Шуйскихъ, раздували сію страсть и ненависть въ его сердцѣ, и воспользовались паденіемъ Шуйскихъ. Передавъ имъ управу государственную, Іоаннъ,

(*) Карамзинъ.

вполнѣ освобожденный отъ ненавистной опеки, предался совершенно пылу страстей своихъ, гулялъ и молодечествовалъ еще 2 года (до 1547), и ничто лучше не доказываетъ, съ какою великою душею рожденъ былъ Іоаннъ, какъ то, что въ сіи годы сиротства, безотчетной праздности и буйныхъ наслажденій душа его еще сохранила въ себѣ способность для великихъ дѣлъ и думъ; сохранила еще столько силы, чтобы вырваться, по крайней мѣрѣ на время, изъ цѣпей разврата. Іоаннъ переродился духомъ съ 1547; а къ такому перерожденію способны только люди, крѣпкіе духомъ.

57. Умилительно было сіе перерожденіе! Торжественное вѣнчаніе на Царство, которымъ Іоаннъ желалъ освятить власть свою, супружество, соединившее судьбу перваго Царя Россіи съ существомъ, украшеннымъ всѣми любезнѣйшими качествами сердца; пожаръ, испепелившій Москву, и бунтъ, вслѣдъ за симъ злоумышленниками произведенный, пророческія вѣщанія и смѣлые, горькіе укоры Царю Іерея Сильвестра, и дружескія внушенія добродѣтельнаго и просвѣщеннаго Адашева, и наконецъ благородная человѣческая природа, возгнушавшаяся пустотою шумныхъ и буйныхъ наслажденій, произвели въ 17-ти-лѣтнемъ Іоаннѣ благодѣтельную пере-

мѣну, и юное сердце Царя отверзлось для добра и славы непорочной. Отселѣ принадцатилѣтній (отъ 1547-1560) періодъ его царствованія, самый блистательный періодъ въ его жизни и въ судьбѣ Государства. Отогнавъ отъ себя товарищей своихъ прежнихъ шумныхъ забавъ, Царь окружилъ себя людьми благодушными; съ ними вмѣстѣ весь предался высокимъ заботамъ и трудамъ державнымъ, и совершилъ великія дѣла, которыя ручаются ему за безсмертіе въ Исторіи. Годъ 1550 ознаменованъ былъ изданіемъ *Судебника*, полной системы нашихъ древнихъ законовъ, сообразныхъ съ потребностями времени, и *Стоглава*, который содержалъ въ себѣ узаконенія, до управленія церковнаго относящіяся. Устроивъ Державу свою по двумъ важнѣйшимъ частямъ внутренняго управленія, гражданской и духовной, Іоаннъ имѣлъ желаніе и намѣреніе просвѣтить ее: учредилъ въ Москвѣ первую Русскую типографію (г. 1553), и завелъ училища, какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ, для образованія духовныхъ, яко первыхъ наставниковъ народа; но обширный планъ общаго образованія народнаго вызовомъ изъ Германіи великаго числа ремесленниковъ и художниковъ, врачей, типографщиковъ, ученыхъ, не исполнился, отъ низкой зависти Ливонскихъ Нѣмцевъ,

боявшихся просвѣщенія Россіи. Вмѣстѣ съ сими дѣлами внутренняго преобразованія, Государь давалъ уже чувствовать силу своего оружія непріятелямъ внѣшнимъ, которые забыли могущество Россіи во время его малолѣтства и боярскихъ смутъ, и тревожили ее безнаказанно своими вторженіями. Казань первая обратила на себя его вниманіе, и послѣ упорнаго, храбраго сопротивленія, пала къ подножію его престола (г. 1552), а вскорѣ за нею (г. 1554) пала и Астрахань, такъ, что Іоаннъ, въ короткое время, увидѣлъ себя обладателемъ знатнѣйшей части Батыева Царства, и раздвинулъ вдругъ свои владѣнія на В. до Каменнаго пояса и на Ю. до подошвы Кавказа, обезопасивъ навѣки съ сей стороны Россію отъ внезапныхъ вторженій, нарушавшихъ ея внутреннее спокойствіе и препятствовавшихъ преспѣянію государственному. Въ то же время, какъ Россія, вмѣстѣ съ юнымъ, обожаемымъ Царемъ своимъ, ликовала, и наслаждалась заслуженнымъ торжествомъ надъ непріятелемъ, столь долго страшнымъ ей, столь долго предписывавшимъ ей законы, прибывшее въ устье Сѣверной Двины (г. 1553) Англійское судно послужило основаніемъ первой Русской торговлѣ и первымъ непосредственнымъ нашимъ связямъ съ Западною Европою. Безопасный

и сильный съ В., Царь устремилъ, подобно дѣду своему, оружіе на З., на Ливонію, и по давней враждѣ съ сею страною, и по справедливымъ нашимъ жалобамъ и неудовольствіямъ на Орденъ, завистливо старавшійся заслонить Европу отъ Россіи, и по могущественному наконецъ желанію утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря. Передъ началомъ сей войны кровопролитной совершилось (г. 1556) новое важное государственное учрежденіе: введена была правильнѣйшая система сбора воиновъ узаконеніемъ, которымъ положено было, что всякій владѣлецъ 100 четвертей *угожей* земли долженъ былъ итти въ походъ на конѣ и въ полномъ вооруженіи, или поставить вмѣсто себя другаго, или внести въ казну положенную за то цѣну, и которымъ опредѣлено было во время похода давать всѣмъ жалованье. Симъ способомъ Іоаннъ и привелъ въ извѣстность и увеличилъ свои военныя силы, такъ, что, имѣвъ подъ Казанью 150,000, онъ могъ вскорѣ вывести въ поле до 300,000 воиновъ конныхъ и пѣшихъ. Послѣдніе, именовавшіеся *стрѣльцами*, составляли уже безсмѣнное войско, и размѣщены были по городамъ, особенно по пограничнымъ. Такими-то силами могъ располагать Государь, когда рѣшился ударить на Орденъ. Война началась (г. 1558) и про-

должалась успѣшно; битвою при Феллинѣ (г. 1561) рушилось бытіе Ордена, и послѣдній Гросмейстеръ, старецъ Фирстенбергъ, еще прежде сдавшій свое достоинство юному Кетплеру, выѣхалъ въ Россію и кончилъ въ ней дни свои. Іоаннъ близокъ былъ къ той цѣли, къ которой стремился дѣдъ его; слѣдствія отъ утвержденія владычества Россіи *тогда же* на берегахъ Балтійскаго моря были бы безмѣрны; но уже снова измѣнялась душа Царя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьба Царства должна была измѣниться.

58. Тяжкая болѣзнь Іоанна (г. 1553) въ цвѣтѣ юности и на верху славы, приблизившая его ко краю гроба, открыла ему строптивость вельможъ, которые при одрѣ умирающаго Государя хотѣли распоряжать престоломъ, и отказывались присягать въ вѣрности первому и тогда еще единственному его сыну, младенцу Димитрію. Потрясеніе, какое должна была испытать при семъ событіи пылкая душа Іоаннова, произвело спасительный переломъ въ его болѣзни; Царь воскресъ, возвратилось къ нему цвѣтущее здоровье и, по видимому, прежнее свѣтлое спокойствіе и ясность духа; но въ глубину души его запало горькое чувство недовѣрчивости и подозрѣній; къ большему несчастію, самые близкіе къ сердцу его люди, Сильвестръ

и Адашевъ, вели себя въ семъ случаѣ двусмысленно. Здѣсь первая причина перемѣны. Другая причина была утрата обожаемой супруги: Царица Анастасія скончалась (г. 1560), и въ ней лишился Іоаннъ ангела хранителя своей душевной чистоты. Третія и главная причина находится въ самомъ характерѣ Іоанна, гнѣвномъ, необузданномъ, обурсваемомъ порывами страстей пламенныхъ, склонномъ къ деспотизму. Сіи свойства прорывались и въ самыя минуты свѣтлаго торжества и радостныхъ ощущеній. Такъ, по взятіи Казани, Царь, по словамъ Курбскаго, »отрыгнулъ нѣчто неблагодарно, и разгнѣванный однимъ Воеводою, сказалъ вельможамъ: »нынѣ оборонилъ мя Богъ отъ васъ« — слова знаменательныя, обнажающія тайну души Іоанновой! Въ пространствѣ времени отъ 1547 до 1561, и юность цвѣтущая, эта Поэзія жизни, когда человѣкъ столь расположенъ бываетъ къ ощущеніямъ возвышеннымъ и благороднымъ, и счастливое супружество, и ободрительное сознаніе великихъ дѣлъ, имъ совершенныхъ, и всѣ обстоятельства стеклись къ тому, чтобы, если не истребить въ Царѣ дурныя качества, глубоко вкорененныя пагубнымъ воспитаніемъ, то по крайней мѣрѣ остановить, сдѣлать неумѣстнымъ, невозможнымъ ихъ обнаруженіе.

Обстоятельства перемѣнились съ 1561 года. Самые успѣхи счастливыхъ 13 лѣтъ сдѣлали его самонадѣяннѣе, горделивѣе, и уже не совѣтовъ требовалъ Іоаннъ отъ своихъ окружающихъ, а повиновенія безмолвнаго. Сіе направленіе и расположеніе духа было замѣчено людьми, искавшими возвыситься, низкими завистниками благодѣтельнаго могущества Сильвестра и Адашева при Царѣ; клевета употребила свои усилія, чтобы погубить ихъ во мнѣніи Государя и удалить отъ лица его: это удалось вполнѣ, тѣмъ болѣе, что Іоанну уже противны были смѣлыя противорѣчія сихъ совѣтниковъ добра и правды; онъ уже видѣлъ въ сихъ противорѣчіяхъ не желаніе блага Царству и Царю, а одно преступное сопротивленіе его волѣ, и раскаявался какъ бы въ грѣхѣ какомъ, что послѣдовалъ нѣкогда внушеніямъ благодушныхъ любимцевъ. Другіе люди окружили Государя; старались увлечь его на прежній путь наслажденій шумныхъ, столь сообразныхъ съ его характеромъ необузданнымъ, старались унизить его нравственное человѣческое достоинство, чтобы легче овладѣть имъ, и восторжествовали. Отселѣ Исторія царствованія Іоаннова есть смутная и отвратительная повѣсть его насилій и злодѣйствъ до самой кончины (г. 1584). Окруживъ себя толпою злодѣевъ, гнусныхъ

льстецовъ и клеветниковъ, заслонивъ себя отъ народа особенными тѣлохранителями, страшными опричниками (г. 1565), Іоаннъ какъ бы отдѣлился отъ Государства. Назначивъ для себя лично разные города и волости и часть Москвы подъ именемъ *Опричнины*; назначивъ себѣ особенные доходы и опредѣливъ особенныхъ чиновниковъ для управленія Опричнины, все прочее, т. е. все Государство, подъ именемъ *Земщины*, отдалъ въ завѣдываніе земскимъ боярамъ, и предалъ его на расхищеніе своимъ новымъ любимцамъ и опричникамъ. Гонимый изъ Кремля, изъ самой Москвы великими воспоминаніями старины, воспоминаніями свѣтлыхъ лѣтъ своего собственнаго царствованія, Іоаннъ удалился съ своими Опричниками въ Александровскую слободу, и оттуда пріѣзжалъ по временамъ въ столицу для казней и мучительства. Опричники были обвинителями, судіями и палачами; они же и пользовались плодами своихъ насильствъ: имѣнія казненныхъ и опальныхъ доставались имъ. Клевета сдѣлалась ремесломъ, промысломъ прибыльнымъ, средствомъ показать усердіе Царю и заслужить его благоволеніе. Хотя чрезъ семь лѣтъ (г. 1572) орудіе тиранства, Опричнина, была уничтожена, но Іоаннъ и послѣ того не переставалъ быть тираномъ. Не одни вельможи, которыхъ онъ

ненавидѣлъ, думая видѣть въ нихъ крамольниковъ, а духовные, города, цѣлыя области, разныя сословія народа, разные возрасты: и младенцы и старцы и слабыя жены испытали на себѣ дѣйствія яраго гнѣва Грознаго Царя, который, по словамъ Лѣтописи: »овыхъ »убивая, иныхъ же заточенію предавая, и »тако многалѣта во дни живота своего про»вождая, и наконецъ же старости пришедъ, »нрава же своего никако премѣнити возможе.« — Страдая въ настоящемъ, Русскіе должны были трепетать и за будущее. Два сына были у Іоанна: младшій, Ѳеодоръ, слабый и тѣломъ и духомъ, и старшій, соименный отцу и любимецъ души его, подобіе Грознаго и умомъ и характеромъ, участникъ и товарищъ его злодѣйствъ. Онъ погибъ (г. 1582) отъ руки отца въ пылу его ярости, и обременивъ новымъ, рѣдкимъ преступленіемъ свою, и безъ того уже злодѣйствами отягченную память, Іоаннъ сыноубійствомъ, можетъ быть, спасъ Россію отъ втораго ужаснаго царствованія. Въ наши дни, подъ сѣнію Правительства, твердаго своею благостію и любовію народа, сей Россійскій Калигула получилъ своего Тацита, который съ такою же, какъ и знаменитый Римскій Историкъ, святою ненавистію къ пороку представилъ тиранство Іоанново, во

всей отвратительной наготѣ его — »да видя »содрогаемся!« (*)

59. Среди такихъ событій внутреннихъ, внѣшнія предпріятія не могли быть ни славны, ни успѣшны. Война Ливонская, занимавшая Россію во все остальное время Іоаннова царствованія, становилась годъ отъ году запутаннѣе и многосложнѣе до того времени, пока содѣлалась она источникомъ незаслуженнаго Россіею униженія, до котораго онъ довелъ свою Державу. Послѣ рѣшительной битвы Феллинской, Кетлеръ, видя невозможность сопротивляться силѣ Россійскаго Государя, сложилъ съ себя достоинство Гросмейстера (г. 1561) и сдалъ Орденскую землю Сигизмунду, Королю Польскому, признавъ себя вассаломъ сего Государя и получивъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію съ титуломъ Герцогства; съ другой стороны, въ то же время, Эрикъ, Король Шведскій, занялъ своими войсками береговую часть Эстляндіи отъ Ревеля до Нарвы; сверхъ того и Данія вмѣшалась въ войну сію, по своему соперничеству съ Швеціею. Такимъ образомъ Ливонія сдѣлалась для Государствъ сѣверовосточной Европы тѣмъ же, чѣмъ былъ Медіоланъ для Европы югозападной (34, 35): точкою соприкосно-

(*) Карамзинъ.

ѣенія для четырехъ Государствъ: Россіи, Польши, Швеціи и Даніи. Споры и войны между ними за Ливонію въ теченіе 25 лѣтъ (г. 1558 - 1583) служатъ первымъ проявленіемъ идеи о политическомъ равновѣсіи на СВ. Европы; усилія Швеціи и Польши имѣли цѣлію не дать Россіи утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря и пріобрѣсть себѣ перевѣсъ рѣшительный — и въ семъ состоитъ важность ихъ относительно къ общей Исторіи Европы. Послѣднимъ торжествомъ Русскаго оружія въ войнѣ Ливонской, съ которою слилась тогда война противу Сигизмунда II, Короля Польши и Литвы и защитника Ливоніи, было взятіе Полоцка (г. 1563), сего древняго удѣла Рогнѣдиныхъ потомковъ, во времена слабости и междоусобій отторженнаго Литвою въ XIV вѣкѣ, и составлявшаго тогда достояніе Сигизмунда. Отселѣ, то незначащія битвы съ Литвою и Шведами, прерываемыя переговорами о мирѣ, то явныя неудачи, и сила оружія царскаго обнаруживалась только въ томъ, что онъ жегъ несчастную Ливонію. И между тѣмъ, какъ Іоаннъ, не смотря на свои усилія, уже явно оттѣсняемъ былъ отъ желанныхъ береговъ Балтійскаго моря, между тѣмъ какъ жестокости его тиранства лишали Россію добрыхъ воеводъ, умиравшихъ или въ мукахъ казней,

или бѣжавшихъ отъ его яраго гнѣва, Крымскіе Татары начали дерзновенно опустошать южные края Государства, и — уже отвыкшая видѣть непріятелей въ нѣдрахъ своихъ Россія — съ ужасомъ увидѣла новое нашествіе Хана Крымскаго (г. 1571). Менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ предъ симъ завоеватель Казани и гроза Татаръ, Іоаннъ долженъ былъ выслушать наглыя требованія Девлетъ-Гирея о возстановленіи Царствъ Батыевыхъ, и о платежѣ дани по прежнему: такъ унизилъ Государь достоинство свое и Россіи! Въ довершеніе уничиженія и позора, Девлетъ-Гирей быстро перелетѣлъ пространство отъ Крыма до предѣловъ Москвы, ознаменовавъ свой путь пожарами и опустошеніемъ. Россія была въ трепетѣ, въ опасности снова подвергнуться позорному Татарскому игу, и что же сдѣлалъ Царь въ эту годину, когда требовалось великодушія и рѣшительности? — Онъ бѣжалъ съ своею Опричниною отъ Серпухова мимо Москвы, спасая только себя, и малодушно оставляя и столицу и Россію на разграбленіе непріятелю. Смятенные Воеводы Іоанновы поспѣшили съ береговъ Оки на защиту престольнаго города, но не могли сохранить его отъ разоренія, небывалаго со временъ Тохтамышевыхъ. Девлетъ-Гирей испепелилъ Москву, и обремененный добычею и плѣнниками,

въ послѣдней крайности изнеможенія, и тѣмъ давалъ поводъ своему непріятелю возвышать требованія, и вмѣсто того, чтобы способовъ къ избавленію себя отъ опаснаго врага искать вокругъ себя, въ своей Россіи, думалъ найти ихъ въ помощи посторонней, у Императора Нѣмецкаго, у Папы. Если бы Псковъ не устоялъ передъ Баторіемъ, и тѣмъ не отстоялъ Россіи, отечество въ сей войнѣ безславной лишилось бы многаго; но утомленный тщетною и долговременною осадою сего города, мужественно защищаемаго и собственными жителями и войсками царскими, затрудненный въ дѣлахъ своихъ и разномысліемъ мятежнаго Сейма Польскаго, который не понималъ цѣли войны и не поддерживалъ успѣховъ своего Короля пожертвованіями и усиліями собственными, Баторій вступилъ наконецъ въ переговоры о мирѣ, (г. 1582), коего столь усильно и съ такимъ уничиженіемъ Царь домогался. Слѣдствіемъ сихъ переговоровъ было то, что Ливонія утверждена за Польшею, а Швеція получила Эстляндію, и такимъ образомъ малодушіе Іоанна, слѣдствіе его подозрительной недовѣрчивости, погубило плоды 24 лѣтнихъ его собственныхъ усилій, и Россія снова отодвинута была отъ береговъ Балтійскаго моря, — отъ Европы, и отъ образованія.

61. Но въ то время, какъ Іоаннъ позорилъ себя недостойнымъ уничиженіемъ передъ Королемъ Польскимъ и терялъ свои полезныя завоеванія на З., совершилось безъ его вѣдома и даже противу его воли славное, почти чудесное завоеваніе на В. Ермакъ, атаманъ шайки удальцовъ, разбойничавшихъ съ нимъ на Нижней Волгѣ, отправился съ 850 храбрыхъ сподвижниковъ изъ Строгановскихъ селеній вверхъ по Чусовой (1 Сент. 1581), перешелъ чрезъ Каменный поясъ, и покорилъ Сибирь, Царство, образовавшееся также на развалинахъ Орды Батыевой. — Посланные Ермакомъ прибыли въ Москву бить челомъ Іоанну Царствомъ Сибирскимъ, въ то время (г. 1582), когда безславнымъ миромъ уже мы отдали свои прибалтійскія завоеванія Полякамъ и Шведамъ, и великій, неожиданный подвигъ Ермака сдѣлалъ то, что послѣдніе годы его царствованія, бывшіе годами уничиженія, были вмѣстѣ и годами славы безсмертной; но стыдъ уничиженія принадлежитъ Іоанну, а въ пріобрѣтеніи славы онъ не участвовалъ. Такъ, Іоаннъ Грозный останется замѣчательнымъ феноменомъ Исторіи народовъ и въ добрѣ и во злѣ, и царствованіе его есть великое время въ Исторіи Россіи. Изумительна его жестокость ненасытимая, безполезная; но въ этомъ огнѣ тиранства сгорѣли послѣдніе остатки, послѣд-

ніе памятники бывшей раздѣльности; смяты, сопоптаны были въ прахъ самыя воспоминанія какихъ бы то ни было притязаній прежнихъ Княжескихъ, родовъ которые онъ систематически губилъ и унижалъ, дабы они, какъ онъ самъ говаривалъ, »не государилися,« и возводилъ изъ ничтожества и возвышалъ надъ ними любимцевъ новыхъ. Такимъ образомъ, круто проведя надъ всѣмъ уровень своего деспотизма, Іоаннъ довершилъ полное и совершенное сліяніе расторженныхъ нѣкогда частей въ одно нераздѣльное Государство, и это Государство все жило и дѣйствовало одною безпредѣльною волею Царя. Играя правами, честію, жизнію своихъ подданныхъ, Іоаннъ довелъ деспотизмъ до самой его верховной, ужасающей степени, желалъ видѣть и достигъ до того, что видѣлъ вокругъ себя безмолвныхъ, трепещущихъ рабовъ; но губя все и всѣхъ, самъ приготовилъ гибель и рода своего и своего престола.

62. Судьба Россіи послѣ кончины Іоанна Грознаго осталась въ рукахъ сына его, Ѳеодора, слабаго и духомъ и тѣломъ, и вовсе неспособнаго къ высокимъ обязанностямъ Самодержца; подлѣ него начиналъ свое несчастное и для себя и для Россіи бытіе младенецъ Димитрій, плодъ послѣдняго брака Іоаннова, неимѣвшій еще и полутора года послѣ смер-

ти родителя. Россіи слѣдственно могли угрожать новыя бѣдствія: ибо не менѣе въ частномъ, а еще болѣе золъ въ государственномъ отношеніи производитъ слабость и неспособность Самодержца, дающая волю насильству и беззаконію; такъ времена Клавдія въ Римѣ ни сколько не были счастливѣе временъ Калигулы. Зная совершенно качества своего преемника, Іоаннъ, столь постоянно и столь неутомимо преслѣдовавшій вельможъ, долженъ былъ отдать подъ ихъ же опеку и сына и Державу: составлена была изъ пяти Членовъ Верховная Дума, которая должна была думать и дѣйствовать за Царя. Можетъ быть, времена боярскихъ смутъ (56) повторились бы опять въ Россіи, если бы въ числѣ Членовъ Верховной Думы не былъ Годуновъ, младшій по званію и роду, но старшій по уму и образованію, сильный по характеру и важный по близкому родству съ Государемъ: Царица Ирина, супруга Ѳеодорова, напоминавшая Анастасію и красотою и добросердечіемъ, была сестра Годунова.

63. Въ грозныя времена царствованія Іоаннова возвысился Годуновъ, тогда еще юный. Среди буйнаго разврата и злодѣйствъ онъ одинъ стоялъ непороченъ въ толпѣ прочихъ любимцевъ Царя; одинъ умѣлъ и сохранить свою чистую славу, и сохранить любовь Іоаннову.

Въ первый же годъ новаго царствованія (г. 1584) онъ успѣлъ уничтожить Верховную Думу, и овладѣть совершенно Царемъ, такъ, что Ѳеодоръ съ радостію передалъ изъ слабыхъ рукъ своихъ тяжкое для него кормило правленія въ твердую руку Годунова; охотно устранилъ себя отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ, *»избывая мірскія суеты и докуки,«* какъ говоритъ Лѣтопись, и Годуновъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силѣ духа, одаренный и величественною сановитостію, и умомъ проницательнымъ, и дивнымъ даромъ слова, предался со всею полнотою души славолюбивой высокимъ заботамъ государственнымъ. Онъ былъ уже не просто любимецъ Царя, облеченный довѣренностію властителя, а настоящій *Правитель* Царства, извѣстный въ семъ качествѣ и въ дѣлахъ внутренняго управленія и во внѣшнихъ сношеніяхъ во все царствованіе Ѳеодора (отъ 1584—1598), повелѣвая его именемъ, но дѣйствуя своимъ умомъ.

64. И счастливо и славно было для Россіи сіе время царствованія Ѳеодорова и правительствованія Годунова. Государство вполнѣ отдыхало послѣ страшныхъ минувшихъ дней въ наступившіе тогда дни законности, спокойствія и довольства внутри; временщиковъ не было: Годуновъ все видѣлъ, вездѣ дѣйствовалъ. Съ непостижимымъ искусствомъ старался онъ

сдѣлать власть свою любезною для народа, и оградить ея неприкосновенность. Смѣло и хитро удаляя и истребляя людей, опасныхъ для своего властолюбія, мятежныхъ завистниковъ своего могущества, онъ умѣлъ съ другой стороны не оскорблять боярской спеси нѣкоторыхъ родовыхъ вельможъ, для него не опасныхъ; чествилъ ихъ, уступалъ имъ наружное первенство въ дѣлахъ ратныхъ и въ Думѣ царской, и занимая въ ней только четвертое мѣсто, онъ былъ въ существѣ совершеннымъ ея повелителемъ. Онъ возобновилъ и распространилъ внѣшнія сношенія Россіи, которыя ведены были съ искусствомъ, съ достоинствомъ и твердостію. Раздоры съ Польшею и Швеціею не прекратились, а только пріостановились въ послѣдніе годы Іоаннонова царствованія, и если бы своевольные паны лучше постигали цѣль предпріятій Баторіевыхъ и слѣдствія его пріобрѣтеній для Польши, сей дѣятельный Государь не положилъ бы и тогда меча, и вынудилъ бы отъ Іоанна миръ еще постыднѣйшій. Ободренный робкою уступчивостію сего Государя, Баторій въ царствованіе сына его опять возобновилъ свои притязанія; распри за границы, не точно опредѣленныя въ 1582 году, начались снова, но »Россія нынѣ не старая« велѣлъ сказать Годуновъ Послу Польскому: »бе-

требипе отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Вильну.« Начались споры, объясненія, переговоры, съ обѣихъ сторонъ требовали многаго, чтобы послѣ уступать, и миръ подтвержденъ былъ на прежнихъ условіяхъ, а скорая кончина Баторіева (г. 1586) остановила дальнѣйшія предпріятія Польши. Освободясь отъ Поляковъ, уже смѣлѣе и рѣшительнѣе дѣйствовалъ Годуновъ противу Шведовъ, которые, по прежнему миру, владѣли большею частію нынѣшней Петербургской Губерніи. Началась война (1590): воинство многочисленное двинуто было и на Эстонію, и на Финляндію, проникнувъ съ одной стороны до Ревеля, съ другой до Або. Король Іоаннъ просилъ мира, и Царь, »исполняя Христіанское моленіе Годунова,« даровалъ ему оный (г. 1591), возвративъ отъ Шведовъ и окрестности Ладожскаго озера (Корелу), и страны по теченію Луги и Плюсы. Естественно, что при благоустройствѣ и спокойствіи внутри, сіи дѣла внѣшнія, возвышавшія достоинство Государства, возвышали имя и власть Годунова: ибо все дѣлалось его именемъ, вся земля была »приказана ему отъ Самодержца.« Онъ еще возвысилъ и имя свое и свою власть важною перемѣною въ церковномъ управленіи: Митрополитъ Іовъ, другъ Годунова, посвященъ былъ въ санъ Патріар-

ха Московскаго и всея Россіи (г. 1589), какъ бы для того, чтобы сей новый Глава Духовенства Россійскаго отплатилъ нѣкогда Борису за свой святительскій вѣнецъ вѣнцемъ царскимъ.

65. Борисъ уже стремился дерзновенной мыслію къ сему вѣнцу. И какая человѣческая твердость устояла бы противу обольстительной приманки: присоединить къ существу власти и имя и знаменія оной? Оставляя проклятію вѣковъ злодѣйство, Годуновымъ совершенное для достиженія цѣли, не должны ли мы согласиться, что онъ (другимъ Эдипомъ назвали бы его Древніе!) влекомъ былъ могущественно и неудержимо обстоятельствами къ тому поступку, который вознесъ его на верховнѣйшую ступень величія земнаго, и который потомъ сдѣлался казнію для него, для его семейства, для Россіи! Ѳеодоръ увядалъ на престолѣ; бракъ его оставался безплоденъ, и слабое здоровье Царя не обѣщало ни потомства отъ него для Россіи, ни ему жизни долголѣтней: смертію его должна была кончиться державная Рюрикова династія. Существовали еще отрасли сего Дома; но притязанія ихъ давно, давно уже были забыты и народомъ (54, 55, 60), и, можетъ быть — ими самими, и потомки прежнихъ княжескихъ родовъ были всѣ покорными слу-

отрегите отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Вильну.« Начались споры, объясненія, переговоры, съ обѣихъ сторонъ требовали многаго, чтобы послѣ уступать, и миръ подтвержденъ былъ на прежнихъ условіяхъ, а скорая кончина Баторіева (г. 1586) остановила дальнѣйшія предпріятія Польши. Освободясь отъ Поляковъ, уже смѣлѣе и рѣшительнѣе дѣйствовалъ Годуновъ противу Шведовъ, которые, по прежнему миру, владѣли большею частію нынѣшней Петербургской Губерніи. Началась война (1590): воинство многочисленное двинуто было и на Эстонію, и на Финляндію, проникнувъ съ одной стороны до Ревеля, съ другой до Або. Король Іоаннъ просилъ мира, и Царь, »исполняя Христіанское моленіе Годунова,« даровалъ ему оный (г. 1591), возвративъ отъ Шведовъ и окрестности Ладожскаго озера (Корелу), и страны по теченію Луги и Плюсы. Естественно, что при благоустройствѣ и спокойствіи внутри, сіи дѣла внѣшнія, возвышавшія достоинство Государства, возвышали имя и власть Годунова: ибо все дѣлалось его именемъ, вся земля была »приказана ему отъ Самодержца.« Онъ еще возвысилъ и имя свое и свою власть важною перемѣною въ церковномъ управленіи: Митрополитъ Іовъ, другъ Годунова, посвященъ былъ въ санъ Патріар-

ха Московскаго и всея Россіи (г. 1589), какъ бы для шого, чтобы сей новый Глава Духовенства Россійскаго отплатилъ нѣкогда Борису за свой святительскій вѣнецъ вѣнцемъ царскимъ.

65. Борисъ уже стремился дерзновенной мыслію къ сему вѣнцу. И какая человѣческая твердость устояла бы противу обольстительной приманки: присоединить къ существу власти и имя и знаменія оной? Оставляя проклятію вѣковъ злодѣйство, Годуновымъ совершенное для достиженія цѣли, не должны ли мы согласиться, что онъ (другимъ Эдипомъ назвали бы его Древніе!) влекомъ былъ могущественно и неудержимо обстоятельствами къ тому поступку, который вознесъ его на верховнѣйшую ступень величія земнаго, и который потомъ сдѣлался казнію для него, для его семейства, для Россіи! Ѳеодоръ увядалъ на престолѣ; бракъ его оставался безплоденъ, и слабое здоровье Царя не обѣщало ни потомства отъ него для Россіи, ни ему жизни долголѣтней: смертію его должна была кончиться державная Рюрикова династія. Существовали еще отрасли сего Дома; но притязанія ихъ давно, давно уже были забыты и народомъ (54, 55, 60), и, можетъ быть — ими самими, и потомки прежнихъ княжескихъ родовъ были всѣ покорными слу-

отрегите отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Вильну.« Начались споры, объясненія, переговоры, съ обѣихъ сторонъ требовали многаго, чтобы послѣ уступать, и миръ подтвержденъ былъ на прежнихъ условіяхъ, а скорая кончина Баторіева (г. 1586) остановила дальнѣйшія предпріятія Польши. Освободясь отъ Поляковъ, уже смѣлѣе и рѣшительнѣе дѣйствовалъ Годуновъ противу Шведовъ, которые, по прежнему миру, владѣли большею частію нынѣшней Петербургской Губерніи. Началась война (1590): воинство многочисленное двинуто было и на Эстонію, и на Финляндію, проникнувъ съ одной стороны до Ревеля, съ другой до Або. Король Іоаннъ просилъ мира, и Царь, »исполняя Христіанское моленіе Годунова,« даровалъ ему оный (г. 1591), возвративъ отъ Шведовъ и окрестности Ладожскаго озера (Корелу), и страны по теченію Луги и Плюсы. Естественно, что при благоустройствѣ и спокойствіи внутри, сіи дѣла внѣшнія, возвышавшія достоинство Государства, возвышали имя и власть Годунова: ибо все дѣлалось его именемъ, вся земля была »приказана ему отъ Самодержца.« Онъ еще возвысилъ и имя свое и свою власть важною перемѣною въ церковномъ управленіи: Митрополитъ Іовъ, другъ Годунова, посвященъ былъ въ санъ Патріар-

ха Московскаго и всея Россіи (г. 1589), какъ бы для того, чтобы сей новый Глава Духовенства Россійскаго отплатилъ нѣкогда Борису за свой священическій вѣнецъ вѣнцемъ царскимъ.

65. Борисъ уже стремился дерзновенною мыслію къ сему вѣнцу. И какая человѣческая твердость устояла бы противу обольстительной приманки: присоединить къ существу власти и имя и знаменія оной? Оставляя проклятію вѣковъ злодѣйство, Годуновымъ совершенное для достиженія цѣли, не должны ли мы согласиться, что онъ (другимъ Эдипомъ назвали бы его Древніе!) влекомъ былъ могущественно и неудержимо обстоятельствами къ тому поступку, который вознесъ его на верховнѣйшую ступень величія земнаго, и который потомъ сдѣлался казнію для него, для его семейства, для Россіи! Ѳеодоръ увядалъ на престолѣ; бракъ его оставался безплоденъ, и слабое здоровье Царя не обѣщало ни потомства отъ него для Россіи, ни ему жизни долголѣтней: смертію его должна была кончиться державная Рюрикова династія. Существовали еще отрасли сего Дома; но притязанія ихъ давно, давно уже были забыты и народомъ (54, 55, 60), и, можетъ быть — ими самими, и потомки прежнихъ княжескихъ родовъ были всѣ покорными слу-

тами Борису. И сей Борисъ, въ теченіе почти 8 лѣтъ владыка Россіи, въ полной силѣ душевной и тѣлесной, отецъ прелестнаго, цвѣтущаго семейства, стоялъ подлѣ престола сего Царя, который самъ соблазнилъ его дотолѣ можетъ быть непорочную душу, отдавъ ему подъ явную опеку и себя, и Царство; и между симъ престоломъ и Борисомъ находился осьмилѣтній младенецъ, плодъ сомнительнаго седьмаго брака Іоанна Грознаго. Кто проникнетъ глубокую тайну души Годунова, и скажетъ утвердительно, что, отсылая, въ самый годъ вступленія Ѳеодорова на престолъ (1584) младенца Димитрія съ матерью въ городъ Угличъ, опредѣленный страннымъ завѣщаніемъ Грознаго въ удѣлъ Димитрію и его роду, уже Годуновъ мечталъ о коронѣ? Знаемъ ли мы свойства матери Царевича-младенца и ея родныхъ? Можемъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться въ достоинствахъ Царицы Маріи, принимая въ соображеніе и эпоху, въ которую Іоаннъ вступилъ въ бракъ съ нею (г. 1580), и въ которую онъ едва ли былъ строгъ въ выборѣ себѣ супруги; зная и то, что черезъ годъ онъ уже наскучилъ ею, и намѣревался вступить въ новый бракъ; зная и то, что въ годину, когда одно слово ея могло, обнаживъ страшную тайну, избавить Россію отъ бѣдъ, а ей пріобрѣсти безсмер-

тіе, Царица-инокиня, уже непринадлежавшая міру, а принадлежавшая Богу, не имѣла столько душевной силы, чтобы смѣло вымолвить это слово истины, и въ Іюлѣ 1605 нарекла передъ лицемъ цѣлой Россіи сыномъ своимъ того, кого въ Маѣ 1605 столь же торжественно объявила обманщикомъ? Не можемъ ли посему думать, что Годуновъ столько же для Росіи, сколько для себя могъ опасаться пребыванія Царицы въ Москвѣ, чтобы не пріобрѣла она черезъ себя или черезъ другихъ вліянія на слабаго Θеодора и на дѣла государственныя, и не подала бы повода къ проискамъ и разномыслію вредному?

66. Между тѣмъ сіе удаленіе Царицы и сына ея въ Угличъ, сокрывъ, можно сказать, Царевича-младенца отъ взоровъ всѣхъ, сдѣлало его еще болѣе чуждымъ для народа. Едва ли кто думалъ о Царевичѣ и о будущихъ правахъ его на престолъ Россіи, кромѣ родныхъ его, матери и, можетъ быть, Годунова, который заботливо могъ обращаться безпокойной думою къ сему будущему Царю, и мыслить, что Θеодоръ унесетъ съ собою во гробъ и власть Борисову и его славу, и что преемникъ рѣдко бываетъ милостивъ къ любимцу предшественника. Семь лѣтъ уже протекло съ тѣхъ поръ, что супруга Іоаннова и сынъ ея жили уединенно въ Угличѣ, какъ

Россія услышала, что Царевичъ убитъ (въ Маѣ 1591). Тайна, еще не удовлетворительно разгаданная Историками, облекаетъ все сіе происшествіе, но голосъ народа нарекъ Годунова виновникомъ убійства; потомство подтвердило приговоръ, переданный ему современниками, ибо Борисъ воспользовался плодами убійства, и возсѣлъ въ послѣдствіи на престолѣ, обагренномъ невинною кровію Димитрія, и съ клеймомъ его убійцы стоитъ Борисъ, дотолѣ непорочный, передъ судомъ Исторіи, строгимъ, но справедливымъ ли? По крайней мѣрѣ, если Годуновъ имѣлъ и готовилъ издавна сей адскій умыселъ, то вѣроятно не медлилъ бы столь долго исполненіемъ, и искуснѣе бы его выполнилъ.

67. Впечатлѣніе, произведенное кончиною Димитрія, изгладилось вскорѣ изъ мыслей двумя событіями, которыя случились почти въ одно время съ симъ, и которыя гораздо ближе были къ сердцу народа, чѣмъ смерть почти забытаго уже и при жизни своей отрока: пожаръ ужаснѣйшій (въ Маѣ 1591), почти истребившій Москву, и нашествіе Крымскаго Хана Казы-Гирея (въ Іюнѣ). Первое изъ сихъ двухъ несчастій дало случай Годунову явиться истиннымъ отцемъ и утѣшителемъ разоренныхъ Москвитянъ: казна царская щедро раздаваема была имъ отъ

Правителя, и Москва воскресла скоро, благословляя имя Бориса, и сіе несчастіе къ столь великой пользѣ послужило ему, что дало поводъ къ сомнѣніямъ, не самъ ли онъ зажегъ Москву. Нашествіе Крымцевъ, наполнившее ужасомъ всю Россію, явило Годунова предъ народомъ съ другой стороны. Доселѣ знали и видѣли его думнымъ вельможею; здѣсь явился онъ свѣтлымъ воеводой, замѣняя дивнымъ умомъ недостатокъ опытности въ дѣлѣ ратномъ; — прибылъ въ станъ подъ Москвою, съ знаками почти царской власти, но, уступивъ мѣсто перваго предводителя опытнѣйшему Полководцу, Князю Мстиславскому, назначилъ себѣ второе. Занимая сіе второе мѣсто, Годуновъ распоряжалъ всѣмъ, бодрствовалъ и ободрялъ вождей и воиновъ, и въ виду столицы, подъ стѣнами самой Москвы, поразилъ непріятеля и обратилъ его въ стремительное бѣгство. Такимъ образомъ и сіе событіе послужило къ величайшей пользѣ Годунова, къ большему укрѣпленію вліянія его на умы народа; но ужели должно думать, что и здѣсь съ намѣреніемъ навелъ онъ Крымцевъ на Росію, чтобъ шумомъ ихъ оружія заглушить толки и говоръ о кончинѣ Димитрія? Таковая мудрость злодѣйства была бы непостижима! Осіянный сей новой славою, Борисъ еще могущественнѣе властвовалъ надъ

Россiею, возвышая ея достоинство государственное въ частыхъ сношенiяхъ съ Западомъ Европы и съ Аббасомъ Великимъ, Персидскимъ Шахомъ; устроя крѣпости на южной ея границѣ отъ Донца до Оки въ оборону отъ набѣговъ Крымскихъ, такъ что разбойники Ханскiе не могли уже незамѣченными легко пробраться во внутренность Россiи для грабительства внезапнаго: ибо изъ сихъ новыхъ крѣпостей конные отряды выѣзжали и сторожили границу въ лѣтнее время, которое Татары обыкновенно и избирали для своихъ набѣговъ; а на западной, со стороны Литвы, воздвиглась крѣпость Смоленская, для устроенiя которой Годуновъ не жалѣлъ ни казны, ни искусства. Остальныя 7 лѣтъ царствованiя Θеодорова были временемъ непрерывнаго спокойствiя. »Въ тишинѣ велелѣпной,« какъ выражается Патрiархъ Iовъ, цвѣла Россiя въ сiи годы, шествуя впередъ и въ образованiи гражданскомъ, и въ промышлености, которую поощрялъ и усиливалъ Борисъ, стараясь освободить ее отъ монополiи Англичанъ, и даровать всѣмъ народамъ равное участiе и равныя права въ Русской торговлѣ; торговля распространялась отъ успѣховъ внутренней промышленой дѣятельности, и для нея Сибирь, вновь покоренная (г. 1587 — 1597), уже начинала доста-

влять драгоцѣнные мѣха, предметъ удивленія иностранцевъ. Считая торговлю важнымъ источникомъ и набогащенія народа, и доходовъ государственныхъ, Борисъ предупредилъ мысли Петра Великаго, и имѣлъ уже въ виду учрежденіе въ Россіи купеческаго мореплаванія и заведеніе собственныхъ кораблей. Среди сего невозмущаемаго благоденствія, тихо, какъ жилъ, скончался Өеодоръ (г. 1598), послѣдняя отрасль поколѣнія Рюрикова, 736 лѣтъ властвовавшаго въ Россіи, обязанной сему племени своимъ бытіемъ, именемъ и величіемъ (*).

68. Чувство сиротства безнадежнаго и страшной неизвѣстности о томъ, что сулитъ Россіи мрачная будущность, должно было сдѣлаться общимъ чувствомъ: ибо не было *ни одного* человѣка, о которомъ бы можно было сказать, что онъ имѣетъ преимущественное и очевидное передъ другими право быть преемникомъ Өеодора. Политика Князей Москвы, въ теченіе 136 лѣтъ всегда одинаковая въ отношеніи къ прочимъ отраслямъ Рюрикова дома, смѣшала ихъ съ обыкновенными боярскими родами, или даже поставила ниже оныхъ; казни и опалы въ царствованіе Грознаго унизили сіи отрасли еще болѣе, и пре-

(*) Карамзинъ.

столъ Россіи при кончинѣ Θеодора стоялъ недоступенъ для пришязаній ихъ забытаго родства. Ближе ихъ, и по мнѣнію многихъ, и по власти былъ къ сему престолу Годуновъ, имѣя на своей сторонѣ и близкое родство съ послѣднимъ Царемъ, и 14 лѣтъ власти Царской, бывшей въ его рукахъ безъ раздѣла и оспориванія. — Θеодоръ завѣщалъ Царство супругѣ своей; но Ирина, убитая горестію, заключилась въ самый день погребенія Царева въ келліи Новодѣвичьяго монастыря, и чтобъ положить непреоборимую преграду между собою и престоломъ, постриглась. Вмѣстѣ съ сестрою заключился и Борисъ; скипетръ и вѣнецъ царскій лежали праздно на сиротствующемъ престолѣ. Боярская Дума вѣдала Государство именемъ Царицы, рѣшительно и торжественно отрекшейся и отъ Царства и отъ міра, и уже безпорядки безначалія оказывались въ неповиновеніи Воеводъ повелѣніямъ Думы.

69. Въ трепетномъ недоумѣніи о судьбѣ своей находилась Россія въ теченіе шести недѣль: имя Бориса уже было произнесено, и не безъ восторга въ первые дни по отреченіи Ирины; уже Патріархъ неоднократно, и при свидѣтеляхъ и наединѣ, умолялъ его во имя Россіи принять царскій вѣнецъ; но Борисъ упорствовалъ въ отказѣ, потому ли,

что желалъ, чтобы не одни Бояре и Духовные сановники, чтобы не одна Москва, а вся Россія нарекла его торжественно Царемъ своимъ; или потому, что хотѣлъ упорствомъ отказа возвысить въ народѣ упорство желанія видѣть его на престолѣ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ изумительна увѣренность Годунова въ томъ, что власть верховная не минетъ его привычныхъ рукъ; еще болѣе изумительно могущество его надъ мнѣніемъ народа, надъ Россіею, которую держалъ онъ передъ стѣнами своего монастыря въ смутномъ ожиданіи, въ слезахъ, колѣнопреклонную, простирающую къ нему свои руки, заклинающую его именемъ Божіимъ принять Державу. Повѣримъ, что въ минуту, когда Патріархъ Іовъ, предшествуя сонму избирателей всѣхъ сословій, созванныхъ въ Москву, сопровождаемый цѣлымъ народонаселеніемъ столицы, неся Святыя иконы, предсталъ Борису съ послѣднимъ торжественнымъ настояніемъ; повѣримъ, что въ сію великую минуту Борисъ искренно отказывался отъ предлагаемаго вѣнца, представивъ, какую высокую и тягостную отвѣтственность принимаетъ онъ на себя передъ современниками, потомствомъ и Провидѣніемъ; что дѣйствительно, уступая мольбамъ, всеобщимъ, единодушнымъ, покорствуя повелительному благословенію Царицы

инокини, онъ принялъ престолъ. Тогда Россія увидѣла Царемъ своимъ того, кого въ теченіе 14 лѣтъ привыкла уже видѣть облеченнымъ властію Царскою.

70. Борисъ, уже и избранный, не спѣшилъ царствовать. Явясь передъ лицемъ народа съ семействомъ своимъ, чтобы быть свидѣтелемъ всеобщаго восторга и усугубить оный своимъ присутствіемъ, повелѣлъ Думѣ дѣйствовать его именемъ, и опять удалился дѣлить монастырское уединеніе сестры своей; оттуда являлся часто въ Думѣ, удивляя всѣхъ своею неутомимою дѣятельностію, и не прежде, какъ по истеченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ своего избранія (отъ Февраля 18 по 30-е Апрѣля), имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу. И здѣсь, упоенный восторгами, съ какими онъ принятъ былъ народомъ, Борисъ не являлъ нетерпѣнія вѣнчаться на Царство, и тѣмъ утвердить непоколебимость власти своей и своего рода надъ Россіею: онъ спѣшилъ оборонить безопасность своей Державы, и выѣхалъ изъ Москвы (2-го Мая) къ своему воинству, расположенному въ грозномъ станѣ отъ Калуги до Коломны. Сіе ополченіе двинуто было Борисомъ, чтобы встрѣтить Крымскаго Хана, который, какъ доносили Царю пограничные Воеводы нынѣшней Кур-

ской Губерніи, готовился къ новому нашествію на Россію. Или эта вѣсть съ намѣреніемъ распространена была Борисомъ, чтобы, устрашивъ Россію опасностію бывалою и потому вѣроятною, начать первые дни своего царствованія спасеніемъ отечества, и тѣмъ стяжать себѣ еще новое право на вѣнецъ Мономаховъ: и тогда опять подивимся его искусству возвышать себя во мнѣніи народа; или будемъ смотрѣть и на сіе событіе, какъ на непостижимо чудесное соединеніе обстоятельствъ (67), которыми преисполнена судьба сего необыкновеннаго мужа. Во всякомъ случаѣ сіе событіе послужило новымъ средствомъ Годунову къ могущественному владычеству надъ умами. — Въ великолѣпно-грозный станъ явились не враги, а Посланники Казы-Гирея, для заключенія вѣчнаго союза съ Россіею; видѣли Русскаго Царя среди несмѣтнаго (до 500.000 воиновъ) ополченія, стройнаго и бодраго; взяли съ собою мысль объ огромности силъ Россіи — и разбой смолкъ на нашей южной границѣ, и набѣги Крымцевъ во внутренность Государства прекратились навсегда. Изливъ щедро Царскія свои милости на вождей и воиновъ, простясь съ ними пиромъ свѣтлымъ и общимъ, Борисъ спѣшилъ въ столицу, гдѣ новое торжество ожидало его: тамъ встрѣ-

ченъ и привѣтствованъ былъ радостными кликами Царь-побѣдитель, безъ боя и кровопролитія, однимъ своимъ появленіемъ смирившій передъ собою давнихъ враговъ Россіи, и оградившій ея безопасность и тишину мирную. Уже послѣ сего, съ новымъ, великимъ титломъ спасителя отечества, приступилъ Борисъ къ Царскому вѣнчанію, избравъ для сего торжества день Новаго года (1 Сентября 1598), и тогда, принимая Мономаховъ вѣнецъ изъ рукъ Вселенскаго Патріарха, передъ престоломъ Божіимъ клялся, въ порывѣ души восторженной, быть отцемъ и другомъ своего народа. И Борисъ сдержалъ свою клятву въ два первые года своего царствованія: никогда со временъ своего государственнаго возрожденія при Іоаннѣ III, не имѣла Россія временъ лучшихъ, какъ сіи два года. Сильная и спокойная внутри, уважаемая Государствами даже и отдаленными, состоя съ большею частію изъ нихъ въ дружественныхъ сношеніяхъ, имѣя Правительство кроткое, но вмѣстѣ твердое и дѣятельное, Россія ликовала и благословляла Бориса, виновника своего благоденствія, ревнителя и святости Вѣры, и строгой нравственности, и успѣховъ образованія народнаго. Какую блистательную будущность представляли, по расчетамъ разума человѣческаго, сіи два года!

71. Первый годъ новаго царствованія ознаменованъ былъ окончательнымъ завоеваніемъ Сибири и прочнымъ включеніемъ ея въ составъ государственный. Кучюмъ, прежній Царь Сибирскій, еще упорствовалъ въ надеждѣ возвратить себѣ Царство, сокрушенное Ермакомъ; еще тревожилъ своими набѣгами Русскія селенія, основанныя въ Ѳеодорово время, и держался въ степи Барабинской. Воины Борисовы, разбивъ послѣднюю дружину Царя Сибирскаго, поплѣнивъ его дѣтей и родственниковъ, навсегда уничтожили замыслы упрямаго слѣпца, утвердили навсегда владычество Россіи за Каменнымъ Поясомъ, и селенія Русскія начали основываться на всемъ пространствѣ до рѣки Енисея, и Тобольскъ, на мѣсто древняго Искера, сдѣлался главнымъ городомъ Сибири. — Въ дѣлахъ внѣшней политики, которыя столь искусно и съ такимъ достоинствомъ ведены были Годуновымъ еще въ Ѳеодорово время, Царь соблюдалъ систему благоразумія и умѣренности; онъ не терялъ изъ виду завоеваній Іоанновыхъ на берегахъ Балтійскаго моря; но не рѣшался дѣйствовать открытою силою на пріобрѣтеніе ихъ снова во власть Россіи, и искусно старался держать равновѣсіе между Швеціею и Польшею. Іоаннъ Сигизмундъ Польскій враждовалъ съ дядею своимъ Карломъ (IX), оспоривая

у него престолъ Швеціи, и для успѣховъ въ семъ дѣлѣ, желалъ прочнаго мира съ Россіею; того же желалъ и Шведскій Карлъ; Годуновъ не хотѣлъ явной вражды ни съ тѣмъ, ни съ другимъ; доброхотствовалъ (небезкорыстно) Карлу и старался не допустить соединенія Польской короны съ Шведскою, чтобы не дать Польшѣ опаснаго перевѣса на Сѣверѣ Европы, и въ тоже время вступилъ въ тѣсную связь съ Даніею, давнею и постоянною соперницею Швеціи. Іоаннъ, братъ Христіана IV Датскаго, прибылъ въ Россію — чтобы получить руку прелестной Ксеніи, и нашелъ себѣ въ столицѣ Русской преждевременную могилу! Кончина Принца Іоанна (г. 1602), пріобрѣтшаго себѣ въ короткое время любовь и Бориса и Россіи, была для Царя ударомъ тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что уже начались въ это время бѣдствія, провозвѣстники еще большихъ, послѣдовавшихъ вскорѣ. Въ могилѣ Іоанновой сокрылись блистательныя надежды Годунова... Но не съ однѣми странами сосѣдними, а и съ отдаленными Державами, Царь желалъ привести въ связь Россію, считая справедливо таковую связь и средствомъ возвысить, и средствомъ образовать Государство. Королева Елисавета, Императоръ Рудольфъ, Шахъ Аббасъ, Папа, Герцогъ Тосканскій, Ганза: вотъ кругъ дѣйствія

политики Бориса и предметы его дипломатическихъ сношеній, при которыхъ и выгоды и достоинство Государства были имъ сохранены ненарушимо. И вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла внутренняго управленія неослабно устремлены были къ развитію промышлености и усугубленію всеобщаго изобилія, къ водворенію добрыхъ нравовъ, въ которыхъ самъ Царь былъ образцемъ для своего народа, и къ водворенію образованія и вызовомъ ученыхъ чужеземцевъ и отправленіемъ молодыхъ Россіянъ въ чужіе края, и предположеніемъ завести школы и Университеты, и воспитаніемъ Царевича Өеодора, которому желалъ Борисъ сообщить образованіе Европейское, и который, будучи предметомъ нѣжнѣйшей привязанности родителя, могъ быть прекрасною надеждою Россіи для временъ будущихъ. И все сіе погибло среди несчастій послѣдующихъ лѣтъ!

72. Вѣнецъ и скипетръ Царскій, какъ святой залогъ благоденствія народовъ, поставлены Провидѣніемъ на высотѣ недосягаемой, да не оскверняется святыня ихъ руками счастливаго честолюбія и удачной хитрости. И Годуновъ, принеся съ собою на престолъ многія доблести, былъ при всемъ томъ въ глазахъ многихъ, и всего болѣе, можетъ быть, въ собственныхъ глазахъ, хитрымъ похити-

шелемъ власти державной. Сколь ни искреннимъ и единодушнымъ казалось его избраніе, легко поймемъ, что много оставалось завистниковъ чудному возвышенію Бориса; что страсти тайныхъ враговъ его смолкли только въ общемъ порывѣ восторга, а не остыли, и если прежде непостижимое стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ (67) смирило сіи страсти, то вскорѣ (съ 1600 г.) столь же непостижимое сцѣпленіе несчастныхъ обстоятельствъ возбудило ихъ и усилило. Не можемъ рѣшить: обнаруженія ли нескромныя нѣкоторыхъ вельможъ наполнили душу Царя подозрѣніями, или сіи подозрѣнія, неразлучные сопутники беззаконій и самыхъ тайныхъ, возникли сами собою въ душѣ его. Если Борисъ и не былъ непосредственнымъ виновникомъ убіенія Царевича младенца, то онъ воспользовался плодами убійства. Самая тайна, облекавшая Димитріеву кончину, давала полную волю разнымъ предположеніямъ, и если никто не могъ уличить Бориса въ семъ злодѣйствѣ, то уже довольно было, для наполненія души его подозрѣніями и безпокойствомъ, и той мысли, что многіе могутъ приписывать ему убійство, и что злоба и зависть однихъ могутъ разносить и разсѣвать такіе толки, а легкомысліе другихъ принимать и распространять оные. Побуждаясь симъ,

Царь считалъ необходимымъ принимать мѣры, какъ онъ думалъ, особенной осторожности, и сіи мѣры, всегда ненавистныя, обоюдныя, производили, какъ обыкновенно, дѣйствіе противное тому, какого ожидалъ и самъ Царь, и гнусное его по симъ дѣламъ орудіе, Бояринъ Семенъ Годуновъ. Сей родственникъ Бориса, человѣкъ, которому Царь не давалъ воли въ дѣлахъ государственныхъ, но котораго держалъ близъ себя, какъ зло необходимое, былъ справедливо ненавистенъ и вельможамъ и народу по своей злобѣ и своей низости. Зная таковое къ себѣ расположеніе умовъ, Семенъ усугублялъ свои старанія поддержать себя милостію Царя-родственника, усердствовалъ и служилъ ему вѣрно, по своему, принявъ на себя презрѣнную должность главнаго доносщика, и употребляя, какъ само собою разумѣется, множество доносщиковъ подчиненныхъ. Не стало мира и спокойствія въ семействахъ; подозрительность отравила самыя священныя связи родства и дружбы; доносы и предательство сдѣлались ремесломъ прибыльнымъ, какъ въ послѣднюю половину царствованія Грознаго, и хотя не было, какъ тогда, казней и мучительства открытаго, но ссылки и опала постигали многихъ.

73. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ жертвъ, которыхъ клевета указала подозрѣніямъ Бо-

рисовымъ, Романовы возбуждали къ себѣ наи-большее участіе въ народѣ, и что ихъ паде-ніе наиболѣе должно было повредить Царю въ общемъ мнѣніи. Братья Романовы, племян-ники первой и любезнѣйшей Царицы Русской Анастасіи Романовны, имѣли на своей сторо-нѣ и сіе родство съ погасшимъ поколѣніемъ Рюрика, и качества родителя своего Никиты Романовича, брата Царицы Анастасіи, всѣми достойно чтимаго при жизни, и по смерти сохранившаго о себѣ воспоминаніе благодарное и почтительное; имѣли и собственныя свои доблести, стяжавшія имъ уваженіе, вполнѣ заслуженное: братья Романовы не крамольни-чали, не ковали противу Бориса замысловъ преступныхъ, но и не унижались, не рабо-лѣпствовали передъ нимъ, подобно столь многимъ родовымъ Боярамъ. Естественно; что при такихъ качествахъ, Борисъ могъ считать Романовыхъ опасными для своей власти соперниками. Семенъ Годуновъ не по-колебался услужить Царю нелѣпымъ обвине-ніемъ Романовыхъ въ умыслѣ на жизнь Цар-скую, и опала обхватила вдругъ весь сей знаменитый родъ. Обстоятельство важное: Романовыхъ было *пять* братьевъ; всѣ и въ полномъ цвѣтѣ мужества, и съ славою непо-рочною. Если съ одной стороны Борисъ, гу-бя одного Романова (Александра), долженъ

былъ неизбѣжно губить всѣхъ, чтобы не осталось мстителей за невиннаго страдальца; то съ другой стороны насильство, постигшее вдругъ столь многія и столь любезныя народу жертвы, сдѣлалось слишкомъ замѣтно, тѣмъ болѣе, что въ то же время подобная же ссылка была участію и многихъ другихъ родовъ, именитыхъ свойственниковъ Романовымъ. Замѣчательнѣе всѣхъ судьба старшаго Романова, Ѳеодора Никитича. Разлученный съ добродѣтельною супругою и сыномъ младенцемъ (будущимъ Царемъ Россіи), онъ сосланъ былъ въ уединенную Сійскую обитель (въ Архангельской Губерніи), насильственно пострижен былъ тамъ, (подъ именемъ Филарета), и сей инокъ, невольный, но тѣмъ не менѣе ревностный къ новымъ обязанностямъ, принесъ въ свое новое званіе всѣ высокія качества, коими отличался онъ въ мірѣ, и по коимъ сдѣлался ненавистенъ Годунову. — Такимъ образомъ ссылка и опала удалили отъ Бориса однихъ; его подозрѣнія связывали и умъ и руки другимъ, близкимъ и родомъ и саномъ къ Престолу, и могшимъ быть полезными помощниками Царю въ великомъ и трудномъ дѣлѣ государственнаго управленія, и Борисъ оставался одинъ, окруженный не опасною, но и не полезною для него посредственностію, совѣтниками, о ко-

торыхъ инокъ Филаретъ, конечно не думая, чтобы его слова дошли до потомства, отзывался въ довѣрчивой бесѣдѣ съ вѣроломнымъ своимъ приставомъ, что »не станетъ ихъ съ дѣло ни съ которое; нѣтъ у нихъ разумново;« и вотъ, съ какими помощниками Царь выступалъ на встрѣчу бурѣ, которая должна была сокрушить престолъ Годунова и погубить родъ его!

74. Годъ, достопамятный опалами и ссылками (г. 1601), получилъ еще большую плачевную знаменитость жестокимъ голодомъ, возросшимъ до ужасающей степени въ 1602 и едва прекратившимся въ 1603 году. Борисъ явился здѣсь вѣрнымъ своей клятвѣ быть отцемъ и другомъ своего народа (70), отверзъ снова казну Царскую, скупалъ хлѣбъ, раздавалъ его бѣднымъ даромъ, или повелѣлъ продавать цѣною дешевою; раздавалъ народу деньги; предпринималъ въ столицѣ большія строенія, чтобы занять голодную праздность; но какая человѣческая сила была въ состояніи остановить слѣдствія событія ужаснаго? Спасаемы были тысячи, гибли сотни тысячъ! Самыя благодѣянія Царя были источникомъ новыхъ золъ. Слухъ о раздачѣ въ Москвѣ денегъ и хлѣба, влекъ безчисленныя толпы изъ провинцій къ столицѣ; земледѣльцы покидали домы и поля свои, предпочитая даровую ми-

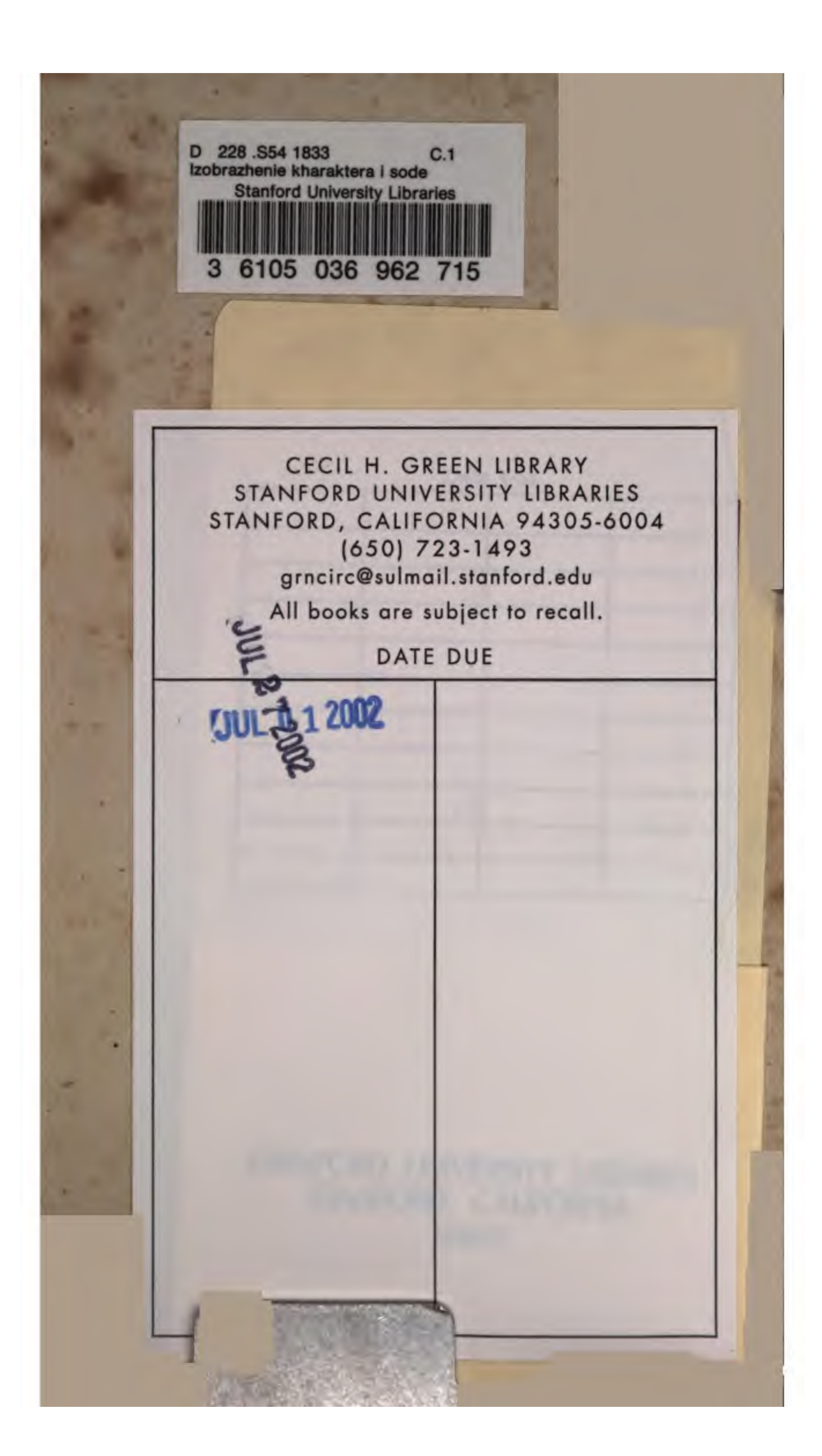
лостью труду упорному; безпорядки, грабительства были неизбѣжными и неразлучными сопутниками сего движенія народнаго. Но и послѣ, когда небо возвратило изобиліе землѣ Русской, слѣды бѣдствія остались не менѣе гибельны: всеобщее волненіе умовъ, развращеніе нравовъ и наконецъ шайки разбойниковъ, которые дерзновенно грабили и убивали подъ самою Москвою. Сіи-то шайки грабителей и были передовыми дружинами дерзкаго обманщика, который со стороны Литвы и съ ея помощію шелъ сорвать съ главы Годунова древній вѣнецъ Мономаховъ. — Отселѣ (г. 1604) начало бѣдствій неслыханныхъ, грозившихъ уничтожить бытіе Россіи, погибавшей среди измѣнъ войнъ междоусобныхъ, вторженій внѣшнихъ непріятелей. Казалось (*), что геній зла, тѣснимый приближающимися временами образованія и благоустройства, спѣшилъ собрать всѣ несчастія и всѣ злодѣйства въ краткомъ промежуткѣ, раздѣляющемъ два царственные дома: Рюрика и Романова. Среди сихъ спасительныхъ бѣдствій деспотизмъ, воздвигнутый Іоанномъ по его характеру, и поддержанный Годуновымъ по его положенію, сокрушился; народу возвратилось его человѣческое достоинство, и кроткое

(*) Сегюръ.

самодержавіе, свѣтлое царство умѣренности, законности и человѣколюбія началось со вступленіемъ на престолъ новой державной династіи.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:			Должно читать:
Стр.	*Строк.*		
31	22	рѣшилась	рѣшались
35	15	будешь	будушь
46 снизу	4	Руспублика	Республика
57 снизу	6	зоконностію	законностію
64 снизу	4	не существовала	не существовало
64	25	оно ;	оно ,
—	27	системы Оно	системы. Оно
87	13	XVIII вѣка	XVII вѣка
98	18	Ришелье	Ришельё
99 снизу	5	со временемъ	со времени
106	1	ограничишыя	ограничишься
120	19	положенъ	положено
122	1	необходивое	необходимое
125	22	Новогорода	Новгорода
136	17	свою,	свою ;
—	22	произведенный ,	произведенный ;
148	25	рѣшишась	рѣшилась
175	3	ненависшныя, обоюдныя	ненависшныя, ибо онѣ вызывающъ недовѣрчивость и подозрѣнія обоюдныя,
179	16	измѣнъ войнъ	измѣнъ, войнъ

D 228 .S54 1833 C.1
Izobrazhenie kharaktera i sode
Stanford University Libraries
3 6105 036 962 715
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.
DATE DUE
JUL 2 2002
JUL 11 2002

